

4с(калм.)

0-59

39131-

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР

ОНОМАСТИКА КАЛМЫКИИ

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР

ОНОМАСТИКА КАЛМЫЦИИ

39131-
52
1963

Элиста - 1963

БИБЛИОТЕКА
Калмыцкого научно-исслед.
института истории, филологии
и этнографии

Печатается по решению Ученого совета Калмыцкого
научно-исследовательского института при Совете
Министров Калмыцкой АССР

Редакционная коллегия:

Э.Ч.Бардаев /ответ.редактор/,
М.У.Монгуев, В.Э.Очир-Гаряев.

Рецензент: П.Ц.Биткоев, кандидат филологических
наук

Сборник посвящен актуальным вопросам калмыцкой оно-
мастики. Публикуемые статьи освещают отдельные вопросы
антропонимики и топонимики Калмыкии.

Сборник рассчитан на специалистов в области языка,
а также на лиц, интересующихся вопросами ономастики.

Калмыцкий научно-исследовательский институт
истории, филологии и экономики, 1983

ТЕРМИНЫ ГИДРОГРАФИИ И ИХ ТОПОНИМИЗАЦИЯ
В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Термины гидрографии, как и другие географические термины активно участвуют в образовании топонимов /гидронимов/. Топонимическое употребление гидрографической терминологии хронологически восходит к древнейшим гидронимам. Так, например, в известном памятнике монгольской письменности "Сокровенном сказании", составленном в 1240 году, но повествующем о событиях, начиная с 1204 года, содержится немало географических названий, в основе которых лежат гидрографические термины.

В настоящей статье анализируются основные термины гидрографии в языках монгольской группы. Термины гидрографии целесообразно рассматривать по отдельным семантическим группам.

I. Термины со значением "вода - река"

Монг. ус/ан/, ст.-монг. усун, бур. уһан /бур. цонг. осо¹/, калм. усн, ст.-калм. усун "вода--- река". В других монгольских языках представлены формы: монгол. сдзу, дунс. усу, баовязк. сө "вода"².

Форма усун отмечена в глоссарии Ибн-Мухаммад в "Мукаддимат ад-Адаб"³. Эту же форму усун "вода" отмечает П.М. Мелворанский в труде "Араб-филолог о монгольском языке"⁴.

Некоторые исследователи монгольское ус возводят к орхон-енисейскому угуз "река"⁵. Действительно, в орхон-енисейских памятниках,⁶ а также в памятниках древнетюркской письменности Монголии и Киргизия, наряду с код "ре-

ка" встречается угуз "река".⁷ Но в этих же памятниках отмечено и суё "вода", которое, на наш взгляд, соотносимо с монгольским ус с тем же значением "вода". Монгольскому ус "вода" в тюркских соответствуют: каз., тур. су, кирг., г.-алт. суу, хак. суг, узб. сув "вода, река"; др.-уйг. сув, осм.-джаг.-Радлов су, чув. шу "вода", джаг.-Радлов усун "вода".

Фонетические изменения теля ус // су, как показывает наблюдения, вполне возможны на собственно монгольязычной почве. Например, калм. усн "молоко" и монг. сүү/н/ "молоко", бур.-добайкальское үһэн "молоко" и бур. хоринск. үһэн "молоко".⁸ В дукорских картах монголов отмечаются исторические названия Цаган усун и Цаган суу.⁹ Судя по этим картам, формы усун и суу сосуществовали. Правда, на карте с дукорьянцами суу отмечено гораздо меньше, чем с усун.

Основное значение лексемы усун - "вода". Это хорошо видно при контекстуальном употреблении данного слова. А.М.Позднеев в своем "Калмыцко-русском словаре" приводит такие примеры: усун үгей "безводие, безводный"; усун гадаб "потоп"; усун цагаан "ползводье"; усун эргилген, усун хайсун "водоворот"; усубки "водянистый"; усулаху "поить водой /скот/, поливать /растения/"; усудуур "водопой"; усучиху "плавать".¹⁰ Ср. монг. ус авях "обрать воду; наводнение"; ус гарах "появление воды; водный, водяной"; усархаг "богатый водой", усархаг газар "местность, богатая водой"; газар услах "оросить поля"; услах суваг "оросительный канал"; усдуур "водопой"; ср. бур. үһа бу-салгаха "кипятить воду"; үһетэй "водный"; үһалуур "водопой"; үһалха "поить /животных/". Однако, в отдельных бурятских говорах¹¹ үһан имеет значение "река", отсюда бур. үһа гараха "переправляться через реку". В эхирит-булагетском говоре бурятского языка үһа узүүр - "нижняя часть реки, ближе к устью", а үһа үзүүр - "верховья

реки".¹² Аналогичное явление наблюдается в современном монгольском языке, в котором ус/ан/, помимо узувального значения "вода", имеет окказиональное значение "река". Это значение реализуется в словосочетаниях ус гатлах "переправляться, переплывать через реку"; ус зэтгэх "перейти реку вброд".

Корреляция семем "вода - река" в монгольском и бурятском языках обусловлена древнейшим синкретизмом понятий "вода" и "река". В калмыцком языке лексема усн имеет узувальное значение "вода", а реалья "река" манифестируется лексемой гол. Такая интеграция в калмыцком языке допускает сочетание голын усн "речная вода, воды реки". Ср. название калмыцкой народной песни "Ахтубин голын усн" - Воды реки Ахтубы. Поэтому для калмыцкого языкового восприятия неприемлемо сочетание типа бурятского уһанай уһан "речная или морская вода"¹³/букв. "водная вода"/. Семантическая однородность лексем гол и уһан в бурятском языке допускает более свободные сочетания, в том числе взаимообратимые: гол уһан "река" и уһан гол "речушка, ручьи". В бурятском языке лексема уһан обнаруживает широкие валентные связи внутри самой географической терминологии: уһан гол "речка"; уһа мурэн "река, реки"; уһа намаг "болото, болота"; уһа нуур "озера, озеро"; уһа саһан "половодье", ср. калм.уст. усн цаһан; бур. уһа сеерэм "водоём"; уһа үер "половодье, разлив"; уһа худагууд "колодцы"; уһа шабар "грязь"; уһа шалаг "лужи"; уһан далайнууд "моря".¹⁴ Как видно из примеров, лексема уһан, сочетаясь с различными географическими терминами, образует биномы с потенциальным значением обратительной множественности.

Топонимические данные свидетельствуют о древности географического термина усун. Так, в "Сокровенном сказании" монголов упоминается топоним /гидроним/ Сохох усун.¹⁵ Термин усун широко употребителен и в современной

топонимия. В Монголии - оз. Хара-Ус-Нур, колодец Цаган-Усны-Худук, в Бурятии - река Оса, приток Ангары; река Ехэ-Усан. В Казахстане протекает река Тургосун "Быстрая вода", приток реки Бухтармы. Для топонимии Калмыкии характерны названия Цаһан усн, Бор усн, Халун усн. Как отмечали многие исследователи тюрко-монгольской топонимии, цветные показатели цаган /тюрк. ак/ "белый", хара /тюрк. кара/ "черный" в составе наименований выступают не в собственном значении цвета, а переносно. Например, в калмыцкой топонимии Цаһан усн /букв. "белая вода"/ приобретает значение "благородная вода /напиток/", Хар усн /букв. "черная вода"/ осмысливается, как "чистая вода". В казахской топонимии - карасу "родниковая вода" /букв. "черная вода"/.¹⁶

Монг., бур. гол, калм. һол - географический термин, обозначающий реалию "река; долина реки /бур/". Помимо этих сугубо географических значений, данный термин имеет множество других значений, из которых наиболее релевантными являются: "средина, центр /армии/, сердцевина, стержень, матица, фитиль, ось, аорта, основа".¹⁷ В калмыцком языке слово һол может присоединять деривационную морфему - һа: һол-һа "шланг"; толстая кишка /жвачного животного/.

Общемонгольское гол имеет абсолютные тюркские и тунгусо-маньчжурские параллели: др.-тюрк. гол "низменность, бассейн реки"; уйг. /Радлов/ кол "низменность, русло реки"; кирг. кол "река" /самостоятельно не употребляется, встречается в географических названиях: Каракол, Нарынкол и т.д./; маньчжурское голо "стержень, русло, ферватер /реки/, долина".

Вполне справедливо О.А.Константинова рассматривает лексему гол в едином лексическом комплексе, охватывающем понятия "очаг - жилище - народ".¹⁸ Как показала автор, корневая преформа *кол-//хол-//гол- является ядром значения

указанного лексического комплекса, в котором для нас интересно развитие значений по линии "народ - местность - река". По данным О.А.Константиновой в тунгусо-маньчжурских языках гол не только "река", но и "селение, местожительство", а также "народ; местность". Правда, автор не подкрепляет свои данные аналогичными фактами из других тюркских и монгольских языков, хотя такие факты имеются. Так, например, у качугских /верхоленских/ бурят гол имеет значение "летние юрты в удусе", откуда сочетание голдоо нуухэ "перекочевать в летники". Связь слов гол "река" и гол "летники" вполне объяснима, так как летники у бурят обычно располагались у берегов рек. Однако река в качугском говоре ныне обозначается только словом уһан "вода".¹⁹ Судя по "Бурят-монгольско-русскому словарю"²⁰ уһан является обычным в значении "река" и "вода", т.е. тут наглядно отражен древний синкретизм понятий "вода ---> река". С развитием языка и общества этот синкретизм ослабевает и исчезает. В результате происходит семантическая и лексическая дифференциация. В бурятском языке, в отличие от калмыцкого, слово уһан легко сочетается с гол, образуя бином уһа гол с деминутивными значениями: "речушка, ручьи".²¹

Как было сказано выше, обшемонгольский географический термин гол имеет широкие тюркские параллели. Казахский топонимист Е.Койчубаев в своей статье, посвященной термину гол // кол²² приводит длинный список значений этого термина в различных тюркских языках. Все указанные им значения варьируются в пределах семемы "русло реки - река - низменность". На основе этого относительного единства значений Е.Койчубаев пытается доказать тюркскую первооснову термина гол // кол, тут же отрицая монголоязычное происхождение. Причем, он не учитывает такой немаловажный фактор, как количественное превалирование термина гол//кол

в названиях рек Монголии и Бурятии. В этих регионах насчитывается наибольшее количество объектов с компонентом гол//кол, большинство из них обозначают реки. Даже если не принимать всерьез этот фактор, то каким образом оказывается в языке алтайских тюрков /по Радлову/ термин гол//кол "река, русло реки, долине без реки, низменность" с долгим гласным? Несомненно влияние письменномонгольского гол, в то время как древнетюркское qol зафиксировано без долготы гласного. Кроме этого, непосредственное синхронное диффундирование лексемы гол в монгольских языках выражено гораздо шире, чем в тюркских. Валентная связь указанного слова /гол/ в сфере монгольских языков охватывает большее количество денотатов, чем в тюркских языках, а в киргизском языке гол//кол вообще неизвестно, за исключением некоторых географических названий, в составе которых имеется компонент гол//гол.²³

Топонимическое употребление термина гол довольно широкое и охватывает ареально значительные территории Азии, а также Калмыцкой АССР в Европейской части СССР. В составе гидронимов географический термин гол занимает, как правило, постпозитивное положение. Самостоятельно как гидроним, термин гол не употребляется. Во всяком случае, на современных географических картах такого названия реки /Гол/ не встречается. Однако, в дорожном дневнике русского посланника Николая Спафария, относящемся к 1675 г. пишется буквально следующее: "А река Гола течет с восточную сторону хребта от Ононские вершины, а от той реки иттить ключами и колодцами 10 дней до степи Гобей".²⁴

Монг. м е р е н, ст.-монг. м е р е н, бур. м ү р э н, калм. м е р н, дунс. м о р э н, монгол. м у р о н, даг. м ү р ү, ордос. м е р е н, шира-югур. м е р е н - "река; большая река".

В средне-монгольских наречиях и, как свидетельствует "Монгольский словарь Мукаддмат ал-Адаб", мөрөн означало также "море": мөрени дунда "середи́на моря"²⁵. К средне-монгольскому, как указывает Иллич-Свитыч /ссылкой на Дерфера/, восходит персидские моран "река". Раннемонгольская форма сохранена в киданьском муp/и/²⁶. В своих ностратических реконструкциях Иллич-Свитыч приводит еще и корейские параллели: сред. - корейск. мил. корейск. мул, диал./сев.-корейск./ муp, мир "вода"²⁷. Сюда же можно добавить ряд тунгусо-маньчжурских соответствий: эвенк., эвен., нег., ороч., орок. му, сол.му, ульч., нан.муэ, маньчж. муэ, уд. мулэхи - "вода".

Как номенклатурный географический термин мөрөн /в русской картографии муpэн/ входит в названия рек Прибайкалья, Забайкалья и Монголии: Дэлгэр-Мөрөн - река в Хубсугульском аймаке, Бухэй-Мөрөн - река в Убсунурском аймаке; Мөрөн - небольшой левый приток Керүлена в Хэнтэйском аймаке, река Мөрөн - левый приток Сумейн-гола /бассейн Чулууту/ в Архангайском аймаке; Мурия - левый приток Куды - /бассейн Ангары/ севернее Иркутска. Термин мөрөн /муpэн/ встречается также в названиях енисейских верховьев Сөкяз-Муpэн, оно же присутствует в названии реки Кекемерен - левого притока Нарына в Киргизии²⁸. Описываемый термин встречается в бурятском названии реки Амур - Хара Муpэн, в монгольском названии реки Хуанхэ - Шар Мөрөн, а также в калмыцком наименовании реки Волги - Ижд мөрн. Последнее название в анонимной "История калмыцких ханов" дано в форме Иждл муpен²⁹. Как видим, второй компонент наименования муpен отличается от современной формы мөрн наличием гласной ү в первом слоге. Такое различие наблюдается не только в калмыцком языке. Академик Б.Я.Владимирцов, изучавший говоры в Монголии, отмечает, что "в халха-восточном /говоре-В.О-Г./ гласный ö < *ö встречается чаще, чем в халх.-ург. и артикулиру-

ется чище, сильнее отличаясь от близкого ему гласного $\dot{y} < * \ddot{o}$.³⁰ В качестве примера он приводит халх.-вост. мөрөн // халх.-ург. мурё // монг.-письм. мөрөн "река".

В калмыцком языке известно и парное сочетание терминов мёрн и һол "река", образующих бином мёрн-һол со значением "большая, могучая, полноводная река". Отсюда полное название реки Волги - Идл мёрн һол.

Монг. б э л ч и р, бур. б э л ш э р, калм. б е л ч р, ст.-калм. б е л ч и р "место соединения, слияния рек"; турк.: г.-алт. белтир, хак. пилтир "устье реки, соединение двух и более рек"; алт., тел., лоб., мор.-Радлов пелтир, бар.-Радлов пилтир "устье реки"; якут. биляр "соединение двух рек; узел; мыс, выступающий между двумя сходящимися реками". Вторичное значение - "перекресток /дорог, улиц/".³¹

Этимологическое значение развилось от основы белчи "разливаться", отсюда монг. бэлчирлэх "образовываться /о разветвлениях, развилинах/; образование разветвлений, развилина".

Топонимическое употребление рассматриваемого географического термина зафиксировано еще в "Сокровенном сказании", в котором отмечено наименование Байдарах бэльчир.³² На территории Бурятии имеются названия: улус Бильчир в Джидинском районе при слиянии реки Цакирки с Джидой; также другой улус Бильчир в Боханском районе на реке Осе при впадении в нее реки Убуон; Бильчир - урочище близ Хоринска при впадении рек Оны и Худана в Уду.³³ Топонимы с составным компонентом бэльчир ~ белтир отмечены также в Горно-Алтайской Автономной области³⁴ и в Якутии.³⁵

Монг. о л о м, бур. о л о м, калм. орф. о л м < ст.-калм. олом "брод". Фонетические варианты олум ~ олом ~ улум известны в некоторых тюркских языках. В туркменском и якутском языках олум ~ олом имеют сходные значения "брод", в якутском также "мелкое место во всю ширину реки". В

диалектах азербайджанского языка отмечаются значения "глубокое место" и "мель в реке". Любопытно, что в большинстве тюркских языков слово одум отсутствует. Даже в тех языках, в которых одум употребителен, не наблюдается его повсеместного распространения. Это относится к азербайджанскому языку, а также туркменскому. Так, например, по данным З.Б.Мухамедовой в "восточных районах Туркмении плохо знают одум, он заменен персидским гүзер".³⁶

Учитывая совпадение тюркских и монгольских форм, можно было бы отсюда заключить о заимствованном характере слова или в тюркских или в монгольских языках. Но тут нельзя не принять во внимание факты из тунгусо-маньчжурских языков, в которых существует исходный глагол для одум ~ олом. Ср. эвенк. оло- "перейти вброд", негид. олон "брод", уд. оло- "переходить вброд", маньчж. оло - "переходить; переправляться". В негидальском и маньчжурском от оло- образовалось производное олон со значением "брод".

Таким образом, можно говорить, вслед за Э.В.Севортяном, либо об общеалтайском глаголе оло- и, вероятно, *олу- // *улу- "переходить вброд", от которого образовалось с помощью аффикса -м в локативном значении одум ~ олом ~ удум в тюрко-монгольских языках, или же о заимствовании рассматриваемого слова из тунгусо-маньчжурских языков.³⁷

С общеалтайским одум ~ олом ~ удум гомогенно калмыцкое удум "болото, ил". Семантическая эволюция "брод" → "болото" могла происходить через промежуточный этап - "отмель". В основе семантического сдвига "брод" → "болото" лежат реальные процессы обмеления и заболачивания водных объектов.

2. Термины со значением "море-океан-озеро"

Монг. т э н г э с, бур. т э н г я с, калм. т е ц г с "море". Это слово известно с древнейшей поры. Упоминается в монгольском письменном памятнике XIII века "Сок-

ровенное сказание".³⁸ В известной легенде о происхождении монголов говорится, что в начале предками их были бурый волк да сивая лань; сочетавшись между собой они вместе переплыли воду, называемую тенгис, достигли верховья реки, называемой Онон и поселились у горы Бурхан.

Для правильного толкования семантики слова тенгэс необходимо рассмотреть некоторые мировоззренческие аспекты древних монгольских племен. Известно, что в представлении тогдашних племен небо и земля представлялись единой стихией, строгой дифференциации между ними не было. Это подтверждает сходство названия воды, водной поверхности тен-гис с общемонгольским тен-гри ~ тен-гир "небо". Такое сходство, по предположению Т.А.Бертагаева "показывает ту стадию, когда еще дифференциация между "небом" и "небом" в воззрении тогдашних племен была недостаточна, что в дальнейшем чрезвычайно четко выступает в мировоззрении монголов, как небо".³⁹ В религиозной шаманской поэзии монголов имеется очень важное место, проливающее свет на мировоззрение их предков. В обращении к царице огня, матери Ут, сказано так: "Ты, которая зародилась при отделении неба от земли, произошла от стопы матери Этугэн и создана царем Тэнгрием /небом/".⁴⁰

Мифологические и лингвистические данные подтверждают, таким образом, предположение бурятского ученого Д.Банзарова о единстве неба и земли в понимании древних монголов, высказанное им в труде "Черная вера или шаманство монголов" в 1864 г. В сфере монгольских языков тенгис легко сочетается с лексемой далай /дала/, образуя бинном тенгис-далай со значением "море, большое пространство воды". В большей степени такое сочетание характерно для памятников письменной литературы монгольских народов. В современном бурятском языке тенгис самостоятельно не употребителен /Черемисов, 454/, а известен только в пар-

ном сочетании: тэнгис далай "море". Второй компонент указанного словосочетания – дала/й/ означает в бурятском языке "море, океан; большое озеро". Таким образом, бинарный географический термин тэнгис далай призван лексически отразить реалью "сплошной водный простор".

В историческом сочинении "Алтан тобчя" упоминается гидроним Тенгис далай,⁴¹ который, по мнению некоторых исследователей, является названием озера Байкал. Существует также мнение, что под этим названием имеется в виду озеро Далай-Нор. По мнению акад. С.А.Козина, биним Тенгис далай в "Сокровенном сказании" обозначает "море внутреннего бассейна, большое озеро"⁴². Причем, это значение не связано с конкретными географическими реальями, а относится к многим географическим /водным/ объектам, что в свою очередь подчеркивает его терминологическое значение. Иными словами, название Тенгис далай в силу своей внутренней мотивировки могло означать не только озеро Байкал или Далай-нор, но и любое другое водное пространство.

Если в письменных литературных памятниках семеме "море-океан-озеро" в какой-то мере нивелировались, то в современных языках /монгольском, калмыцком/ эти реалии четко разграничены: тэнгис – "море", дала/й/ – "океан". Например, калм. Хар теңгис "Черное море", Номһи дада "Тихий океан".

Общемонгольское тэнгэс имеет многочисленные параллели в тюркских языках: дэнгиз /азерб./, деңиз /кирг./, туркм., узб., кумык., диңгез /татар., башк./, теньгиз /ног./, тэнгиз /к.-калп./, тинес /чув./. В тюркских языках Южной Сибири для обозначения понятия "море" используются слова дахай /тув./, тадай /алт., хак., шор./, что несомненно, заимствовано из монгольского языка. Особняком в тюркоязычном ареале стоит якутское муора "море".

Топонимическое употребление географического термина

тенгис ~ тэнгэс /с фонетическими вариантами/ довольно разнообразно. В калмыцкой гидронимии теңгс традиционно употребителен в постпозиции: Хар теңгс "Черное море", Көк теңгс "Каспийское море". На территории МНР отмечено название реки Тэнгис-Гол /букв. "Море-река"/, где препозитивное употребление термина тэнгис подчеркивает многоводный характер реки. Помимо этого, препозитивное тэнгисо экспрессивно усиливает общее значение гидронима.

Географический номенклатурный термин тенгис может употребляться в прямом топонимическом значении, т.е. термин переходит в топоним в "чистом" виде. Один из таких примеров можно привести из книги Н.М.Пржевальского "Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки", где он пишет, что: "Большое пресноводное озеро Денгис, или Баграч-куль, лежащее у южной подошвы Восточного Тянь-Шаня, более принадлежит горам, нежели пустыне".⁴³

Любопытно, что у донских калмыков река Дон называлась Теңгс.⁴⁴

Монг., бур. лит., дагур. д а л а й, бур. /цонг/ д а л а э, бур./вуд./ д'а л а, калм. д а л а, монгор. д а л е "море" — океан". В бурятском языке далай также и "большое озеро". Ср. Байгал далай "озеро Байкал". Следует отметить, что в физико-географическом отношении между большим озером и морем значительной разницы нет. Так, например, Каспийское море в географической научной литературе считается самым большим в мире озером. Поэтому факты из монгольских языков показывают, что понятия "большое озеро" — "море" — "океан" в этих языках нивелировались в один общий семантический признак "огромное водное пространство". Правда, с расширением географических представлений, в настоящее время в монгольских /халха/ и калмыцких лексикографических источниках слово далай дифференцировано в значения "океан". Ср. калм. Ар мөстэ

дала "Северный ледовитый океан".

В.М.Иллич-Свитыч⁴⁵ предполагает первоначальную форму с лабиальным гласным во втором ологе типа далуй // да-лой, откуда было заимствовано др.-тюрк. /орхон./, др.-уйгур. талуи "море".

Корневой элемент дал- и его чередующиеся варианты дел-// дол- дают в монгольских языках интересные производные ответвления: калм. дал-ваах "простирается, расширяется, расстилается"; монг. дал-ай-ха "размахнуться, широко откинуть руку", ср.калм. дайх "размахивать руками"; калм. дал-даах /ял-даах/ "раскинуться, лечь навзничь, раскинув руки"; калм. дел-г-х "расстелить /что-либо/"; монг. дэл-г-үүр "универмаг ←←← расстелить /товары/".

Вариант дол- в монгольских производных доли-ги- "волноваться" /монг.письм. долги-, калм. письм. дол' гй-/ и доли-ги-гэн "волна" /средн.-монг. доли-гийен, долгийан, монг.-письм. долгийан, дагур. долгән, калх. долгио/н/, калм. долгән, бур/алар/ дол' йōң.⁴⁶ По мнению Иллич-Свитыча, для этих форм можно предполагать развитие далу-ги → дали-ги-/ассимиляция по *i* суффикса/ > доли-ги - /компенсаторная лабиализация/.⁴⁷ Из монгольского заимствованы тюркские: якут. долгун, туркм. толкун, азерб. далга, турец. далга "волна" и тунгусо-маньчжурские формы: маньчжур. долчин "волна", эвенкийское тōлгән "водоворот",

также восходящие к монгольской форме, что позволяет предполагать древнюю долготу в исходном дōли- < дәлу-. Сюда же относится нанайское и ульчское далаи "наводнение".⁴⁸

В ряде языков наблюдается расширение семантики слова далаи в сторону количественных характеристик. Например, каз. талай "несколько, довольно много", кирг. бар далай "довольно много; значительно", калм. дала "много, очень много".

В топонимическом /гидронимическом/ употреблении термины далаи в зависимости от позиции в составе наимено-

вания, может выполнять двойную функцию. В постпозиции выступает в своем собственном значении: бур. Дундади далай "Средиземное море", калм. Номһн дала "Тихий океан". В препозиции выступает в роли интенсификатора: монг. Далай-Нур, Далайнор "озеро, подобное океану; огромное озеро". Ср. далай-ян хаган /букв. "море/океан/ хаган" - император в "Сокровенном сказании".⁴⁹

Монг. н у у р, бур. н у у р, калм. орд. н у р "озеро". В Монголии /Тоби/ лексема нуур имеет также значение: "вся площадь временного, высыхающего озера" /Казакевич/. В "Монгольском словаре Мукаддима ат-Адаб"⁵⁰ рассматриваемое слово представлено в форме на'ур "море", что отражает промежуточный этап в историческом развитии слова нуур ← наур ← нагур. В арабском тексте⁵¹ отмечена форма нанур, также в значении "море". Судя по калмыцкому словарю Рамштедта, слово нур могло означать "море", ибо название Аральского моря передано как Арл нур. Таким образом, генетическая связь семем "море" — "озеро" подтверждается и на примере лексемы нуур. Ср. далай, тенгис "море — океан". Как показывают наблюдения, связь этих семем в сфере монгольских языков представляется универсальной.

Деминутивные варианты нуурмаг, нуурмалг, нуурхан в монгольском и бурятском языках имеют значения "озерко, заводь, пруд".

Как географический /гидрографический/ термин нуур широко употребителен в топонимии с древних времен. У Рашид-ад-дина, в сборнике летописей "Джами ат-таварих" находим названия озер Далай-наур и Чаган-наур.⁵² В тексте "Сокровенного сказания" упоминается гидроним Наур.⁵³

В составе сложных гидронимов термин нуур употребляется, как правило, постпозиционно: Чаган-Нур, Бор-Нур, Далай-Нур и др. Ареал распространения термина нуур охватывает Монголию, Бурятию, Калмыкию, Киргизию. В гидронимии

Киргизии, например, наряду с киргизским кел "озеро" употребляется и монгольское нуур: Баш-Нура, Орто-Нура, Чет-Нура.⁵⁴

Лексема арал во всех монгольских языках обозначает реалию "остров". Окказионализм ольтрог ~ ольтируг "остров, островок, архипелаг" употребителен в бурятском языке, а также в некоторых тюркских языках Южной Сибири.

Общемонгольское арал лексически тождественно тюркскому арал, которое известно во всех тюркских языках, за исключением огузской группы, в которых для обозначения острова выступает слово а:да ~ ада. К некоторым тюркским языкам слово арал имеет значение "заросли кустарника, главным образом, по берегам рек и озер" /алт./, "чаща, лес" /алт./, "тальник на берегах рек" /вост.-тюрк./.

Отдельные ученые /Дж.Г.Клекбаев, А.К.Матвеев/ связывают термин арал с топонимом Урал. Эта связь обнаруживается ввиду того, что в отдельных районах арал имеет значение "хребет, небольшой пригорок".⁵⁵ К тому же старое название Уральских гор - Аралтовы горы говорит в пользу сопоставления арал и урал. Еще Семенов-Тянь-Шанский писал, что "казахи любой горный хребет называют Уралом".⁵⁶

Форма арал более древняя, чем урал. Это подтверждается материалами сравнительно-исторической фонетики тюркских языков.⁵⁷

Известно и гидронимическое значение термина арал. Башкирский топонимист А.Н.Камалов отмечает арал в значении "озеро" в Оренбургской области. Еще раньше это значение, но в более широком семантическом объеме, зафиксировано у Г.Вамбери: арал "море", "озеро", "остров".⁵⁸ Таким образом, в тюркских языках арал выступает как в гидронимическом, так и оронимическом значениях, что позволяет ставить вопрос о тесной семантической связи поня-

39131-

БИБЛИОТЕКА
Калмыцкого научно-исслед.
института истории, филологии
и этнографии

тий "озеро - остров - гора" и с наличием смыслового сдвига в значении термина арал. Такой вопрос я ставит А.Н.Камалов, правда, в рамках проблемы взаимосвязи лексем арал-урал. Как нам представляется, семантический сдвиг озеро-остров-гора мог происходить через промежуточный этап "островной холм". Возникшая семантическая цепь, таким образом, имеет вид "озеро → остров → островной холм → гора", что в свою очередь, является звеньями более обширной цепи, включающей самемы "море", "остров на реке", "покрытые кустарником острова на реке", "заросли кустарника, тальника по берегам рек", "оазис".

Этимологически Г.Вамбери сопоставлял ар, ор "между"; "посреди", "между собой", "общий", "общество" и включал в ряд уйг. ара "между", ортак, ортаки "середина", чаг. ариш "оглобля", арал "море", "озеро", "остров" /собств. "маленькое тело, заключенное между большими телами"/. С ара~ара "промежуток", "между" сравнивал арал позднее и Г.Рамстедт, считая, что второе /арал/ происходит от первого. Однако источником арал в алтайском, шорском и казахском языках он считал монгольский.

Г.Дерффер склонен считать арал монгольским заимствованием из тюркских языков. В то же время он допускает, что в самом тюркском арал может быть древним заимствованием.⁵⁹ Из монгольского заимствовано эвенское арал "лесной островок в степи".⁶⁰

Что касается окказионального термина ортудук и его вариантов в языках Южной Сибири ортолык~олтырк~ольтрог "остров, островок", то этимологическое значение его восходит к тюрк. ортак, ортаки "середина", что опять-таки сближает его с арал. Бурятские диалектные варианты ольтрог~олтирог, а также хакасское олтырк являются продуктом метатезы исходного ортудук "остров".

Итак, в масштабе монгольских и тюркских языков /за исключением огузской группы/ для обозначения острова су-

ществуют два слова, образующих соответственно два ареала: 1/ обширная группа языков, в которых выступает арал; 2/ группа языков Южной Сибири – хакасский, алтайский, тувинский и примыкающий к ним бурятский, в которых употребителен ортудук /с вариантом/.

3. Термины со значением "ключ, источник, родник, колодец"

Монг. бур. б у л а г "родник, источник, ключ", дунс. б у л а "родник"⁶¹, калм. б у л г "родник". В тюрских языках отмечается параллельная форма булак с тем же значением "родник, источник".

В структуре слова булаг выделяется корневой элемент бул-, означающий движение вверх⁶². Корень бул- и его чередующиеся варианты бэл-// бал-// бол-// бөл-// бүл-// бил-, по мнению Т.А.Бартагеева, имеет общее этимологическое значение "что-то выдающееся, выступающее"⁶³. Например: бул-тай-ха "выпячиваться, высовываться, выдаваться", бул-са-гар "пухлый /например, о руках/", бэл-тэ-гар "выпученный, навязоте", бол-до-г "бугорок", булчир-хай "железа, узел, бубон", бул-гих "подбрасывать, сбрасывать всадника /о лошади/", бил-тар-ха "переливаться через край /о жидкости/; выходить из берегов /о реке/".

Любопытно, что корневой элемент бул- встречается в славянских языках и имеет сходные значения с монгольским: сербохорв. булав-а "выпученный /о глазах/, пучеглазый", чеш. дял. булавы "толстый, полный, надутый", русск. булава "жезл с шаровидным набалдашником", словен. була "водяной пузырь", сербохорв. була "нарыв, гнойник"⁶⁴. Ср. бур. булаг "гнойник; золотуха", калм. булг "гнойник /в ушах/".

Термин булаг широко распространен в топонимии. По данным картотеки топонимов Сибири, количество наименований с составным компонентом булаг в Монголии и Бурятии

составляет 82 названия.⁶⁵ В Калмыкии, бедной водными источниками, топонимов с составными компонентом булаг очень мало. Из названий с термином булаг наиболее характерными для Калмыкии являются Хар Булуг "Родник с чистой водой", Эмте булуг "Родник с пресной водой", Кек булуг "Голубой родник".

Мог. а р ш а а н "аршан; целебный минеральный источник; целебная минеральная вода", бур. а р ш а а н "аршан"; целебный /или минеральный/ источник, целебная /или минеральная/ вода", калм. а р ш а а н "аршан; целебный напиток, святая вода; божественный напиток". Отсюда калм. аршалх "принимать целебный напиток".

Словари монгольских языков дают это слово еще с пометой "уст" - святая /или живая/ вода. Действительно, слово аршаан восходит к санскритскому рашьян "святая вода, нектар". Кстати, в форме рашьян это слово отмечено в качестве географических названий на рукописных монгольских картах.⁶⁶

Употребление слова аршаан в современных языках /монгольском, бурятском/ в качестве географического термина реально обусловлено. "Монголия и южная часть Сибири славятся своими целебными минеральными и термальными источниками - аршанями", - пишет Э.М.Мурзаев.⁶⁷ Он же проводит интересные оближения монгольского аршаан с кирг. ара-сан "минеральный источник", туркм. арчман - название минеральных источников у подножия Копетдага. Поскольку эти слова не осмысливаются местным населением /киргизским, туркменским/ и этих слов нет в других тюркских языках, Мурзаев считает возможным заимствование из монгольских языков. "Вряд ли можно сомневаться в том, - пишет Мурзаев, - что аршаан, ара-сан Центральной части, получив форму арчман, сохранился в топонимии Туркмении, потеряв семантику, но уцелел только с номинативной функцией".⁶⁸ Со словом аршаан, Мурзаев связывает также северокавказские

"нарзаны", которые объединены единой семантикой: минеральные источники, целебные воды. Сюда же, по его мнению, можно отнести армянское Арзни – название известных минеральных источников и курорта на реке Раздан.

Монг. ц э э л "ключ, источник, родник /постоянно бьющие из земли/", бур. с э э л "омут; пучина; глубь", калм. ц е е л "глубокие воды". В словаре Голстунского цегел /ст.-письм. форма/ – "мочажина, место, где вода постоянно стоит и не просыхает".⁶⁹ В "Сокровенном сказании" отмечено цецл усун "глубокие воды".⁷⁰

В.А.Казакевич, изучавший топонимию Монголии, характеризует цецл, как "сырое место; лужа; мочажина; промоина; омут".⁷¹

Совершенно очевидно, что отдельные значения слова цецл носят локальный характер и не являются всеобщими в языке. Об этом как раз и свидетельствуют данные Казакевича, которые фиксируют лишь узкие локальные значения слова цецл. Естественно, что словарь /в данном случае "Монгольско-русский"/ не в состоянии охватить всего континуума значений слова цецл. Отмечаемый полисемантизм – явление, типичное для разговорного языка. "В речи преобладает полисемия, в словарях – моносемия", – такой вывод делает, например, Н.П.Савельева на основе семантической обработки материалов частотных словарей".⁷²

Монг. ш а н д "родник", калм. шанд "источник или маленький ручеек в степи, не имеющий выхода в большие воды" /Рамстедт/. В.А.Казакевич записал в Гоби слово шанд в значении "мелкий, неглубокий колодец". Ср. монгольское название колодца Шанд-Худук в Южногобийском аймаке. В топонимии Калмыкии встречается название местности Шандоста < из Шанд уста назар "местность с родниковой водой".

Монг. б у р д "криница". У Казакевича это слово отмечено в значении "грязная лужа, топкое болото". Семан-

тивческая связь "кряница" - "грязная лужа, топкое болото" отражает реальный процесс заболачивания водных источников.

Монг. т а м с а г "родник" употребляется в сочетании тамсаг-булаг. На востоке МНР находится населенный пункт Тамсаг-булаг. В словарях монгольского языка слово тамсаг отсутствует. Это слово встречается в тюркских языках: тамчы "родник с малым дебитом, подающий воду каплями из обнажений коренных пород".⁷³ Поскольку это слово плохо осмысливается местным населением, то к нему приписывается собственно монгольское булаг, которое поясняет неизвестное слово: тамсаг булаг /родник + родник/.

В Западной Монголии тюркский термин тамчы сохранен в более близкой к оригиналу форме: пос. Тамч, пер. Тамч-Дава.

Монг. з а д г а й "открытый, раскрытый, обнаженный". В топонимическом употреблении осмысливается как родник. Ср. топоним Далав-Дзадагад "Семьдесят родников". Возможно усечение аналитических форм: задгай ус "открытый водоем" → задгай; задгай булаг "открытый, обнаженный источник /родник/" → задгай "родник".

Монг. х у д а г бур. лит. х у д а г, дунс. һ у д э у, калм. орф. ч д г "колодец". Для этого слова отмечены многочисленные тюркские параллели в форме кудук с тем же значением "колодец". В бурятских говорах наблюдаются фонетические вариации в виде ходок и худуг. Первый вариант ходок характерен для цонгольского говора, особенность которого составляет оканье. Как указывает Э.Р.Раднаев, оканье "особенно заметно в речи кударянских и кяхтинских бурят".⁷⁴ Второй вариант худуг свойствен для сартульского говора, в котором, по свидетельству И.Д.Бураева, "имеет место определенная тенденция к употреблению у и ү в непервых слогах".⁷⁵ В литературном бурятском языке, как известно, в непервых слогах не употребляются краткие

узкие огубленные гласные у и ү. Любопытно, что в "Мукаддимат-ал-Адаб" рассматриваемое слово встречается в форме худуг.⁷⁶ По последним данным, в южнобурятских говорах имеет место форма худок "колодец".⁷⁷

Процесс топонимизации термина худуг интенсивнее протекает в засушливых районах Монголии и Калмыкии, где дефицит питьевой воды наиболее осязаем. В связи с этим, каждый колодец был на строгом учете у кочевников. "Колодец в Гоби почитается, очевидно, больше, чем обо на горных перевалах Хангая", — пишет И.И. Ломаякина. "В Южной Гоби, — продолжает она, — встречаются очень интересные старинные колодцы. Одному из них уже триста лет. На камнях, которыми обложен такой колодец, высечена надпись: когда и кто его вырыл. Ведь известно, что в старой Монголии на работе самого лучшего иконописца или умельца не ставилось имя автора".⁷⁸

Не меньшее значение имели и имеют колодцы в условиях степной Калмыкии. Известному калмыцкому поэту Давиду Кугультинову принадлежит афоризм:

Теегт худг уга	Степь без колодца
Тергид төгэ уга-эдл. ⁷⁹	Подобна телеге без колеса.

До недавнего прошлого колодцы являлись важными ориентирными пунктами при перекочевках калмыцких улусов. Колодцы служили тем центром, вокруг или вблизи которого обосновывалось кочевье на летний или зимний период. В книге Костенкова "Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии" сообщается: "Летняя кочевка /Ики-цохуровского улуса — В.О-Г./ шла по худугам Балбарха, Джанай, Бархайн-Боро, Меклете, Адык Санзыр и Яшкуль".⁸⁰

Надо отметить, что и в настоящее время колодцы продолжают сохранять свое ориентирное значение. Многие жители сельских районов, в особенности, животноводы или

охотники ориентируются на местности по названиям колодцев.

По последним данным на территории Калмыкии расположено 3639 колодцев⁸¹.

Чтобы представить характер номинаций колодцев в монгольских языках в целом, необходимо поближе рассмотреть калмыцкий ареал, где эта номинация наиболее ярко выражена.

Прежде чем перейти к рассмотрению калмыцких названий колодцев, следует обратить внимание на ряд устойчивых определений, которые непосредственно не входят в состав наименования, но при необходимости дополнительной детализации признаков легко привлекаются, тем самым обогащая информацию гидронима. К таким устойчивым определениям прежде всего относятся хоолта худг - букв. "колодец с горлом" и хол уга худг - букв. "колодец без горла". Первое определение используется для характеристики глубоких колодцев с холодной водой, второе - для неглубоких колодцев, вода которых теплая. Калмыцкие названия колодцев отличаются довольно богатой и разнообразной семантикой. Рассмотрим семантические модели, по которым образуются названия колодцев.

1. Модель "имя собственное + колодец" самая распространенная. Эти колодцы названы в честь людей, построивших колодцы. Например: Балдра худг - "колодец Балдыра", Лиджин худг - "колодец Лиджи", Морчван худг - "колодец Морчвы". Встречаются названия с полным именем собственным: Шовадин Эрднин худг - "колодец Шовадиева Эрдина", Түлмэжин Бэмбэн худг - "колодец Түлмэджиева Бэмби". Имена собственные, как правило, стоят в препозиции к основному термину худг и оформлены в родительном падеже.

2. Модель "имя собственное + вкусовое качество + колодец" используется достаточно широко. По своим вкусовым

качествами колодцы дифференцируются на пресные, соленые и горькие. Вкусовые качества воды отражаются в наименованиях крайне неравномерно. Если вода в колодце соленая, то название почти всегда указывает на этот признак. Например: Бурла һашун дудг - "соленый колодец Бурла". Колодцы с пресной водой в своих названиях почти не имеют показателей, указывающих на пресность. В редких случаях встречаются Савхан эмтэ - "пресный Савхи", Эмтэ чонт - "пресный волчий". А такое вкусовое качество, как горький, в названиях встречается мало, ввиду того, что это значение в большинстве случаев нивелировалось со значением соленый. В названиях этой модели номенклатурный термин худг неустойчив. Например: Бухан һашун - "соленый Буха".

3. Модель "вкусовое качество + колодец" широко распространена на всей территории Калмыкии. Эмтэ худг - "Пресный колодец", һашув худг - "Соленый колодец".

4. Модель "местонахождение + колодец" не менее распространена. Эта группа колодцев названа по наименованию или по характеру местности, на которой они расположены: Шокштин худг - "Шокштинский колодец", Нукнэ худг - "Колодец в яме". В таких названиях отражается и характер рельефа, например: Салан худг - "Колодец в высохшем русле реки", Бөөргин худг - "Колодец в низине", Хужртин худг - "Колодец на солончаке". Иногда название колодца прямо соответствует наименованию того или иного географического объекта например: Адсх - название кургана и колодца, Сээнцг - название местности и колодца.

5. Модель "местонахождение + вкусовое качество + колодец" редка. Укр бөөргин һашун /худг/ - "соленый колодец, расположенный на местности Укр бөөрг".

6. Модель "размер + название колодца": Маштг һашун - "Низенький соленый", Их бузһу - "Большой довольно снос-

ный", Му бузһу - "Маленький довольно сносный". В последних двух названиях любопытно необычное противопоставление прилагательных: прилагательному ик - "большой" противопоставлен, вместо ожидаемого бички - "маленький", му - "плохой". Аналогичный случай такого противопоставления встречается в названиях курганов. Так, кургану Ик эмгн - "Большая старушка" противопоставлен курган с названием Му эмгн - букв. "Плохая старушка". Дело в том что в калмыцкой топонимии чуждо противопоставление типа му - сэн "плохой - хороший". Имея названия с компонентом му - "плохой", бесполезно искать названия с сэн "хороший". Их нет. В калмыцкой топонимии прилагательное му - "плохой" приобретает другое значение - "маленький".

7. Модель "количество + колодец" довольно продуктивная. һурһан худг - "Три колодца", Тавн худг - "Пять колодцев".

8. Модель "размер + количество + вкусовое качество + колодец" не имеет широкого распространения: Ик дөрвн һашун худг - "Четыре больших соленых колодца", Бички дөрвн һашун худг - "Четыре маленьких соленых колодца".

9. Модель "количество + вкусовое качество". В названиях этой модели термин худг опущен. Тавн һашун - "Пять соленых", Дөрвн һашун - "Четыре соленых".

10. Модель "этноним + колодец": Хазга худг - "Казахский колодец", Орсa худг - "Русский колодец" /ср.монг. Орос-худак/, Чонахна бор /худг/ - "колодец рода Чонах".

11. Модель "качество почвы /грунта/". Мокт бор - "Сырой /о почве/ или колодец в сыром грунте", Ар тооста - "Северный пыльный", Өмн тооста - "Южный пыльный".

12. Модель "признак постройки". В названиях этой модели номенклатурный термин отсутствует: Шатта - "Со сру-

бом", Хар модта - "С дубовым срубом" или "С дубом", Ар чавчач - "Северный рубленный", Өмн чавчач - "Южный рубленный".

13. Модель "цветовой признак + колодец" встречается очень редко. Улан худг - "Красный колодец". Цветовые определения хар "черный" и цаһан "белый" в составе гидронимов имеют переносные значения. Так, со словом цаһан калмыки связывают все самое благородное и чистое. Например: Цаһан седкл - "Благородная душа", букв. "белая душа", Цаһан хаалһ "Счастливейший путь", букв. "белый путь". В связи с этим гидроним Цаһан усн, букв. "белая вода" следует понимать как "благородная вода /напиток/". Прилагательное хар "черный" в гидронимах выступает в значении "чистый". Например: Хар усн - "чистая вода".

14. Модель "обозначение растительности + формант" распространена довольно широко. Хамхл-т /хамхл - "перекапти-поле"/. - "Перекаптипольный", Харһа-т /харһа - "сосна"/ - "Сосновый". Номенклатурный термин худг в этих названиях утратился. О его былом присутствии напоминает лишь аффикс совместного падежа имени существительного -т, ставший формантом, широко распространенным на всей территории Калмыкии.

Особую группу составляют названия колодцев с составным компонентом бор - букв. серый: Боцган бор, Борц-һуда бор, Халтриан бор, Чонахна бор, Дажин бор и др. В наименованиях второй компонент бор означает растительность бор өвсн "бурые травы". Давно замечено, что колодцы с компонентом бор в названиях, как правило, находятся на возвышенностях, где в обилии произрастают бурые травы. Колодцы эти глубокие, с холодной водой и эти качества всегда учитывались при ежегодных перекочевках калмыцких улусов с низин на возвышенности. Компонент бор, кроме того, выполняет роль номенклатурного термина. Под словом бор легко угадывают значение худг - "колодец".

- 1 Раднаев Э.Р. Заметка о цэнгольском говоре.-В кн.: Труды БКНИИ СО АН СССР, вып.3, Улан-Удэ, 1960, с.130.
- 2 Тодаева Б.Х. Монгольский язык. М., 1973, с.359; она же: Дунсянский язык. М., 1961, с.173; она же: Баоаньский язык. М., 1964, с.147.
- 3 Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. ч.1-П, изд. АН СССР, М.-Л., 1938. Приложение IV. Список монгольских слов из глоссария Ибн-Муханна, с.449.
- 4 Мелиоранский П.М. Араб-филолог о монгольском языке. СПб., 1903, с.122.
- 5 Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М., 1974, с.194.
- 6 Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, с.14.
- 7 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959, с.105.
- 8 Цыдендамбаев Ц.Б. О диалектальных различиях в разговорном бурятском языке.-В кн.: Труды БКНИИ СО АН СССР, вып.3, Улан-Удэ, 1960, с.112.
- 9 *Haltod M. Mongolische Ortsnamen.* т.1, *Wisbaden* 1966, с. 44-45.
- 10 Позднеев А.М. Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911, с.48.
- 11 Митрошкина А.Г. Говор качугских /верхоленских/ бурят.- В кн.: Исследования бурятских говоров. вып.2. Улан-Удэ, 1968, с.66.
- 12 Бертагаев Т.А. К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 1961, с.37.
- 13 Бурятско-русский словарь. Сост.К.М.Черемисов. М., 1973, с.485.
- 14 Бурятско-русский словарь. М., 1973, с.484-485.
- 15 Козин С.А. Сокровенное сказание. Юань чао би ши. т.1, М.-Л., 1941, с.125
- 16 Попова В.Н. Информационная роль местных географических терминов в составе топонимов.-В кн.: Местные геогра-

- фические термины. Сб. статей. М., 1970, с.180.
- 17 В контексте эпических произведений такле "душа".
- 18 Константинова О.А. К характеристике лексического комплекса "очаг-жилище-народ" в тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языках.-В кн.: Проблема общности алтайских языков. Сб. статей, Л., 1971, с.164-175.
- 19 Митрошкина А.Г. Говор качугских /верхоленских/ бурят.-В кн.: Исследование бурятских говоров, вып.2, Улан-Удэ, 1968, с.66.
- 20 Бурят-монгольско-русский словарь. Сост.К.М.Черемисов. М., 1951, с.492.
- 21 Буряад-ород словарь. Сост.К.М.Черемисов. М., 1973, с.484.
- 22 Койчубаев Е. Термин кол и гол в тюркско-монгольской гидрографии.-Вестник Академии наук Казахской ССР, № 9, Алма-Ата, 1979, с.71-73.
- 23 Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1940, с.383.
- 24 Анучин В.А. Географические очерки Маньчжурии. М., 1948, с.12.
- 25 Монгольский словарь Мукаддима ал-Адаб, ч.1-11, изд. АН СССР, М.-Л., 1938, с.35.
- 26 Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. М., 1971, с.61.
- 27 Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ..., с.61.
- 28 Мурзев Э.М. Очерки топонимики. М., 1974, с.189.
- 29 "Хальмг хаадын туужиг хураж бичсн товч оршва". Транслитерация на современную калмыцкую орфографию А.В.Бадмаева.-В кн.: Вестник института, № 12. Серия филологии. Олуста, 1975, с.50
- 30 Владимирцов Б.Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах.-Сб. Северная Монголия, вып.2, Л., 1927, с.3.

- 31 Буряад-ород словарь. Сост.К.М.Черемисов. М., 1973, с.131.
- 32 Козин С.А. Сокровенное сказание. Юнь чао би ши. т.1, М.-Л., 1941, с.547,598.
- 33 Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, 1969, с.116.
- 34 Молчанова О.Т. Топонимы монгольского происхождения в Горном Алтае.-В кн.: Языки и топонимия Сибири, вып.У1, Томск, 1976, с.11.
- 35 Гриценко К.Ф. Избранные якутские географические термины.-В кн.: Местные географические термины. М., 1970, с.194.
- 36 Мухамедова З.Б. О некоторых гидронимах Западной Туркмении.-В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с.183.
- 37 Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков /Общетюркские и межтюркские основы на гласные/, М., 1974, с.452.
- 38 Козин С.А. Сокровенное сказание. Юнь чао би ши. т.1, М.-Л., 1941, с.523.
- 39 Бертагаев Т.А. Западно-бурятский диалект на материалах лексики.-В кн.: Академия наук СССР акад. Н.Я.Марру. М.-Л., 1935, с.148.
- 40.Бертагаев Т.А. Указ.соч., с.148.
- 41 Данзан Лубсан "Алтан тобчи". М., 1973, с.304.
- 42 Козин С.А. Сокровенное сказание. Юнь чао би ши. т.1, М.-Л., 1941, с.517.
- 43 Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. М., 1948, с.333.
- 44 Номинханов Ц.Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1975, с.285.
- 45 Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. М., 1971, с.216.

- 46 В бурятских диалектах согласный г /заднеязычный звонкий смычный/ в положении перед гласным і превратился в среднеязычный ј /См.: Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964, с.41.
- 47 Иллч-Свитыч В.М. Опыт сравнения..., с.216.
- 48 Иллч-Свитыч В.М. Опыт сравнения..., с.216.
- 49 Козин С.А. Сокровенное сказание. Каян чао би ши. т.І, М.-Л., 1941, с.607.
- 50 Монгольский словарь Мукаддимат ал-Одаб., ч.І-П. изд. АН СССР, М.-Л., 1938, с.442.
- 51 Араб филолог о монгольском языке. Арабский текст издал и снабдил переводом, глоссариями и комментарием П.М.Мелиоранский. СПб., 1903, с.151.
- 52 Рашид-ад-дин Фазлуллах. Джами ат-таварих. т.Ш, Баку, 1957, с.345.
- 53 Козин С.А. Сокровенное сказание. т.І, М.-Л., 1941.
- 54 Орузбаева Б.О. О киргизских и монгольских лексических параллелях в топонимике.-В кн.: Известия АН Киргиз.ССР, Фрунзе, 1971, с.110.
- 55 Камалов А.Н. Еще раз о топониме Урал, гидрониме Арал и термине арал.-В кн.: Местные географические термины. М., 1970, с.205.
- 56 Адаян-Семенов А. Семенов-Тянь-Шанский. М., 1965, с.66.
- 57 Клекбаев Дж.Г. Вопросы башкирской топонимики.-Уч.зап. Башк.гос.пед. ин-та, вып.8, № 2, Уфа, 1956, с.241.
- 58 Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с.167.
- 59 Там же, с.167.
- 60 Севортян Э.В. Этимологический словарь..., М., 1974, с.167.
- 61 Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. М., 1961, с.15.
- 62 Дондукор У-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964, с.59.

- 63 Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с. 96-97.
- 64 Этимологический словарь славянских языков, вып.3, изд. "Наука", М., 1976, с.92-93.
- 65 Молчанова О.Т. Географический термин булак в топонимии.-В кн.: Ономастика Поволжья, 4, Саранск, 1976, с.247.
- 66 *Xaltsei u. Mongolische Ortsnamen* --- 153.
- 67 Мурзаев Э.М. Местные географические термины и их роль в топонимии.-В кн.: Местные географические термины. Сб. статей. М., 1970, с.24-25.
- 68 Мурзаев Э.М. Ук.соч., с.24.
- 69 Голстунский Г.С. Монгольско-русский словарь. т.Ш, СПб., 1893, с.263.
- 70 Козин С.А. Сокровенное сказание. Юань чао бя ши. т.І, М.-Л., 1941, с.611.
- 71 Казакевич В.А. Современная монгольская топонимика.Л., 1934.
- 72 Савельева Н.П. К вопросу о лексической многозначности и однозначности слов.-В кн.: Ученые записки Барнаульского гос.пед.института, т.УШ, Барнаул, 1966, с.161.
- 73 Караев С. Географические термины в зоне контактирования узбекского, киргизского и таджикского населения.-В кн.: Местные географические термины. Сб.статей. М., 1970, с.191.
- 74 Раднаев Э.Р. Заметка о цонгольском говоре.-В кн.: Труды БКНИИ СО АН СССР, вып.3. Серия востоковедная. Улан-Удэ, 1960, с.130.
- 75 Бураев И.Д. Сингармонизм в бурятском языке.-В кн.: Труды БКНИИ СО АН СССР, вып.3. Серия востоковедная. Улан-Удэ, 1960, с.91.
- 76 Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч.І-ІІ, изд. АН СССР, М.-Л., 1938, с.445.
- 77 Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнитель-

- но-историческом обозначении. Новосибирск, 1978, с.33.
78 Ломакина И.И. Белые горы в степи. М., 1975, с.49.
79 Когутин Даво. Дарл. Элст, 1966, 149-гч х.
80 Костенков К.И. Статистическо-хозяйственное описание
Калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб., 1868,
с.98-101.
81 Богзинов С.А. Водные ресурсы Калмыкии. Элиста, 1970,
с.25.

СОКРАЩЕНИЯ

- монг. - монгольский
ст.-монг. - старописьменный монгольский
бур. - бурятский
монгол. - монгольский
дунг. - дунганский
басаньж. - басаньский
каз. - казахский
тур. - турецкий
кырг. - киргизский
г.-алт. - горно-алтайский
хак. - хакасский
др.-уйг. - древнеуйгурский
чув. - чувашский
калм. - калмыцкий
ст.-калм. - старописьменный калмыцкий
ордос. - ордосский
корейск. - корейский
шыра-югур. - шыра-югурский
эвенк. - эвенкийский
негид. - негидальский
маньчж. - маньчжурский

уд. - удэ́йский
сэрбохорв. - сэрбохорватский
чеш. - чешский
диал. - диалектн́ый
словен. - словенский
русск. - русский

ТОПОНИМИЯ ЕРГЕНЕЙ

/дореволюционный период/

Топонимия Ергеней представлена разными языковыми пластами и охватывает значительные хронологические рамки. Если верить сообщению русского геолога Н.И.Барбот-де-Марни, то первое название Ергеней относится к греко-римскому времени, ибо у Клавдия Птолемея они упомянуты под названием "Типпис монтеc", что означало место, на котором обитало большое число лошадей.¹ В "Книге Большому Чертежу" /1627 г./ Ергени обозначены монгольским оронимом Улки,² т.е. "Несчаные горы". Этот топоним, несомненно, золотоордынского периода, когда Ергенинская возвышенность входила в ареал расселения монгольского этноса. С поселением калмыков в регионе Нижней Волги за ней закрепляется название "Ергени", о котором Н.И.Барбот-де-Марни писал следующее: "Слово это явидось, без сомнения, с пришествием калмыков, так как ерге по-калмыцки значит яр или крутизна".³

Вытеснение монгольского названия калмыцким, видимо, произошло не сразу и не в 50-е годы XVII в., когда калмыки окончательно освоили и нагорную сторону Волги. Так, название "Ергени" впервые было употреблено русскими только в 1772 г., что было сделано географом И.А.Гильденштедтом, во время его путешествий по степям юго-востока Европейской России.⁴ Конечно, эта дата не может быть рубежом смены названий. Монгольский топоним затерялся в более отдаленном отрезке времени и, видимо неслучайно, что Никита Соколов /участник экспедиции П.С.Палласа 1773 г./ возвы-

нения, пролежавшие западнее Сарпинских озер, назвал Сарпинским.

По картографическому материалу названия Ергени или урочище Иргени окончательно утверждается в конце ХУШ в. и в такой форме перешло в следующее столетие.⁵ Но в литературе еще раз можно встретиться с обозначением Ергеней под названием Сарпинскими, а точнее Сарпинскими холмами. Это было сделано на карте калмыцких кочевий, составленной сарептянскими миссионерами Г.Цвигом и Е.Шиллом, которые в 1823 г. совершили поездку в калмыцкие улусы Астраханской губернии.⁶ Их маршрут так же, как у Никиты Соколова, охватывал только восточную часть Ергеней, т.е. он пролегал в непосредственной близости от Сарпинских озер, а поэтому в обоих случаях на возвышенность механически переносилось название соседнего географического объекта.

В середине ХІХ в., когда началось бурное освоение Калмыцкой степи, за Ергенями часто закреплялось название "Высокая степь".⁷ Оно давалось русскими землемерами, которые для отчетности делили неровную часть Калмыцкой степи на низменную, прилегающую к Волге и Каспию, и - высокую, включавшую район Ергеней.

Как русское, так и калмыцкое название Ергенинской возвышенности близко передавало характер ландшафта местности.

Ергени никогда не были горами. Они образовались в геологическую эпоху третичного периода и долго оставляли берег огромного Каспийского моря, на что указывают морские отложения на их склонах. На местности Ергени выглядят как уступ или переход от возвышенных предонских степей к более низменной прикаспийской степи. Следовательно, Ергени - часть степного возвышения. Самая высшая точка Ергеней - гора Шаред⁸ /в Ики-Бурульском районе/ - 221 м. над уровнем моря.

Из всех приведенных названий Ергеней в настоящее время используется только калмыцкое, которое как и ранее указывает на географическую особенность западной территории Калмыкии.

В "Книге Большому Чертежу" сказано, что "река Маннча вытекала от Хвалинского моря /Каспийского - И.Б./, от озера Ясибаш за 70 верст, из горы Ташмурана, из содопцев. А гора Ташмуран от Астрахани 210 верст". На карте 1803 г. часть Ергеней, прилегающая к долине Маннча, обозначена бугром с названием Таш бурун, которое Н.И.Барбот-де-Мария переводит как "Каменный нос".⁹ М.У.Монраев считает, что этот ороним турецкого происхождения,¹⁰ с чем нельзя не согласиться. В средневековье, надо полагать, юг Ергеней входил в ареал расселения турецкого этноса, о чем свидетельствуют близприлегающие гидронимы турецкого пласта такие, как Маннч /Горький, Горькосоленый/, Большой Егорлык /Извилистый, Искривленный/ Калаус /Граница/, Джурак /Звонкотекущий речей/, Яшкуль /Молодое озеро/ - имеется в виду верхнее течение реки Яшкуль и др. Возможно, часть из них относится к половецкому времени. Археологи до сих пор находят на юге Ергеней половецкие каменные изваяния /бабы/, материала для изготовления которых в этих местах было достаточно. Половецкие изваяния калмыки именовали Кеше, что понималось ими как "одеревеневшее, застывшее". Такое название до сих пор закреплено за одной из балок верхнего течения Джурак-сада /в 60-е годы XIX в. на ней возникло село с названием Кеше/. В происхождении Таш бурун нельзя исключать и более поздний турецкий вариант - ногайский /XVI и начала XVII вв./ "Книга Большому Чертежу" отмечает следующее: "А ниже Улки горы, меж морь и гор, от Черного и от Азовского моря, все кочевья Малых Ногаев" /с. 92/.

Калмыки называли и продолжают называть юго-восточные отроги Ергеней Чолун-Хамур,¹¹ что так же означает

"Каменный Нос". Остов хамуров состоит из степного известняка, который выходит на поверхность, а благодаря залегающему нижнего рыхлого песчаника и надуванию ветром, образуются карнизы, напоминающие форму носа. Хамуры господствуют на востоке и юго-востоке Ергеней /их более 60/. Именно они создают причудливые контуры возвышенности, представляющиеся взору приближающегося путника значительной грядой. Возможно, по этой причине Ергени в прошлые века выдавались за горы, чего не было в действительности. У Палладия Кафарова - известного русского синоведа и исследователя Центральной Азии упоминается подобный факт: "... издали видишь, как будто кряжи и холмы, а когда подъедешь к ним, то все оказывается кучами песка" /см. "Записки Сибирского отделения РГО, кн.9,10. Иркутск,1867, с.583/.

Хамуры часто венчаются курганами эпохи бронзы и железа. Русско-украинские переселенцы называли их просто Могилками, калмыки-дербеты - Хоэн толга /Баранья голова/, а калмыки-торгуты - Кююкин толга /Девичья голова/.¹²

Значительный пласт топонимов и, прежде всего, гидронимов калмыцкого происхождения присутствует в названии ергенинских балок и речек. На карте Астраханской губернии 1909 г. их зафиксировано более 160.¹³ Укажем лишь на ряд из них, наиболее известных. Так, на западе /с севера на юг/ - это левый приток Сада /Уара Сал/ "Черная балка";¹⁴ Амта /Амтта/ - источник "Пресная вода", Зегиста /Зегеста/ "Чакан", "Кереста"¹⁵ /впадает в долину Маннча/, Чий "Блестящий", Чиканды¹⁶ /Чиканда/ "Давящая" /сейчас протекает по территории совхоза 40 лет ВЛКСМ Приютненского района/, Ноян Шир или Кагин Шора /Наин шийр/ - 80 ручьев¹⁷; на востоке /с севера на юг/ Ласта /Уласта/ /"Тополевая"¹⁸, Альмата "Яблоневая", Ялмата "Тушканья", Амта Зельмен /Амтта/ балка "Пресный напиток", Аршан Зельмен "Напиток нектар", Нарын Зельмен "Солнечный напиток", Нарын - Узкая

балка, Улан Зауха /Улан зууха/ - "Красная балка" /Яр/, Хара Заухан /Хара зууха/ "Черная балка" /Яр/, вблизи г. Элисты - Гашун сала "Горькая балка", Арман "Целебный напиток, нектар", Булгун сала /Булгин сала/ "Родниковая балка", ¹⁹ Элиста "Песчаная", Хара-будук "Черный родник", Бургуста "Лозовая" ²⁰ и далее на север /по вершинам Ергеней/ следует упомянуть балку Сала с большим числом разветвлений. Сейчас это гидроним с необычным названием "Салын Сала" находится на трассе Элиста-Волгоград. Затем идет Увата /Овата/ "Куча" /от слова ова/, Кегульта "Терновая", Субурган-"Пирамида", Годжур "Ручеек", Сухота "Гребенчук", Кек будук "Синий родник" - у центральной усадьбы совхоза "Ергенинский", Тянгута "Пенек" /на севере Ергеней/. Приведенный перечень названий балок и речек показывает, что дореволюционная топонимия ергенинских гидронимов довольно емко отражала географический объект, что необходимо связывать с хозяйственной деятельностью калмыка-скотовода, с его постоянной связью с окружающей местностью. Со спецификой производства связано и наличие той или иной флоры и фауны в указанных названиях.

Балки и речки Высокой степи сходятся в основном, вершинами к трем главным пунктам: первый из них находится севернее села Абганерово, второй - между селами Кисилево и Заветным, третий - западнее села Богородское. От этих пунктов балки и речки расходятся в виде веера в разных направлениях.

Указанные пункты обладают одной особенностью, которая вызвана тем, что в этих местах близко к поверхности залегают грунтовые воды, сильно воздействующие на притяжение атмосферных осадков. Летом здесь чаще останавливаются тучи, а в другие времена года нередко опускаются густые туманы. Это явление природы и легло в основу мотивации: калмыки каждый такой пункт называли Тенгерин кийсен "Цуп неба".

В устьях ергенинских балок и речек от внешних вод образовывались озера, а точнее разливы, многие из которых не всегда сохраняли воду и оставались высохшими в течение всего года. Н.И.Барбот-де-Марни писал, что "озера, лежащие против лодин, носят у калмыков название общее худжир²¹ /Солончаки/. У восточных склонов Ергеней он называет 16 худжиров /с севера на юг/: Цаца "Часовня",²² Барманцк /Барванцк/ - Лохматый /Развесистый/, Шарбут /Шар-бут/ "Желтый кустарник", Ханата "Бамбуковый", Батырмада - /батыр - мада/ "Крепкий скот", Адык Умке нур "Конечноегнилое озеро", Адык Салвру "Разветвленное устье", Алсхайта /Алцинхута/, Шар толгата /Шар толга/ "Желтый курган" /бугор, голова/, Гурбун /Горви/ "Ручей" /Овраг/, Хулусун "Камышовая", Чильгир /Чилгир/ "Ясный", Бор-нур "Серое озеро", Яшкуль /имеется в виду озеро Яшкуль - Верхний Яшкуль и Деэд Яшкуль /Нижний Яшкуль/, Санзыр "Разлив", Капитан-нур /Кивтян-нур/ - озеро Капитан.²³ К худжирам можно отнести и речку Сарпу, что и отметил Н.И.Барбот-де-Марни. Сделано это, видимо, на том основании, что Сарпа в середине XIX в. не представляла собой речки в прямом смысле этого слова. Она состояла из ряда озер, соединенных между собой небольшими протоками. Так было уже в XVI и XVII вв. Например, "Книга Большому Чертежу" свидетельствует: "А с востоку, подле Улку гору, приходили воды, истоки нетекущие и озера" /с. 92/. Далее говорится, что озер всего семь и протянулись они от озера Арпа /Сарпа - И.Б./ на 150 верст. Калмыки, поселившиеся в этих местах во второй половине XVII в., переименовали название Арпа - Сарпа в Шорву, что означало "прерывающая или сгущающаяся река".

Как отмечалось, западный пологий склон Ергеней совершенно отличался от восточного. Балки и речки не так многочисленны и идут не параллельно друг другу, а напротив, соединяясь, стремятся к образованию больших речек,

направляющихся к Дону, через его левые притоки - Сал и Западный Манч. Поэтому речная система западной части Ергеней была не способна к образованию таких озер, какие возникали у восточных склонов степной возвышенности. Они здесь почти отсутствовали и калмыцкий топоним Худжиры в этих местах не встречался.

Дореволюционные ойконимы также были богато представлены в Ергенях. Их возникновение, в основном, было связано с реализацией указа от 30 декабря 1846 г. "О заселении дорог на калмыцких землях в Астраханской Губернии".²⁴ В Ергенях к заселению подлежали Царицынско-Ставропольский тракт, соединявший Волгу с Северным Кавказом, и Аксайский, связывающий Волгу с Доном /от с.Цаца до станции Нижнечирской/. К началу 60-х годов XIX в. на них крестьянами русско-украинской переселенческой деревни было образовано 12 поселений.

Поселения	Местонахождение	Год осн.	Происхождение назв.
Абганерово	При речке Аксай	1849	От наименования калмыцкого родового кочевья
Садовое	У речки Амта-Зельмен	1849	По разведению древесного и отчасти фруктового сада
Тундутово	У речки Алмата	1848	-"
Плодовитое	На балке Улеста	1848	От годности земли к произрастанию разных плодов
Обильное	На урочище Чикре*	1850	От обильного родника, который находится на урочище Чикре
	На балке Нарня-Зельмен	1862	

*Чикре - /Шикре/ - сладкий /с калм./

Киселево	На протоке Акшибай жж	1850	В честь министра Государственных Имуществ графа Киселева
Заветное	На протоке Амта	1849	-
Торговое	На протоке Загеста	1851	От места, где проходил торг калмыцкими товарами
Крестовое	При балке Кириста	1848	От балки Кириста, которая расходилась крестообразно
Ремонтное	У речки Джурак	1847	От места, где ремонтеры покупали лошадей у конезаводчиков
Кормовое	У родника Киценбудук	1847	От обилия трав у родника
Приютное	У озера "Амта-нур" /Амтта-нур/	1849	От места, где ранее калмыки в зимнее время устраивали загон для скота

Приведенные сведения взяты нами из "Описания населенных местностей Черноярского уезда", куда входили в дореволюционное время указанные поселения. Оно опубликовано в У выпуске трудов Астраханского губернского статистического комитета /1877 г./. В нем нет разъяснений о происхождении названий поселений Заветного и Тундута. О первом будет сказано ниже, а вот о последнем отметим, что оно возникло вблизи зимней ставки малодербетовских владельцев Тундутаевых, от которых оно и получило название. К такому выводу пришел А. Парнис в статье "Концарство, ведь оттуда я...", которую он посвятил уроженцу ставки Малодербетовского удуса - поэту Велемиру Улебникову.²⁵

В "Описании" нельзя согласиться с этимологией названия поселения Крестовое. Балка, на которой оно располагалось /сейчас село Первомайское Ростовской области/, на жж Акшибай - Хороший бай /с тюркского/

многочисленном картографическом материале, в том числе и на карте 1909 г. никак не напоминает конфигурацию Креста. К происхождению названий Абганерово, Киселево, Торгового, Ремонтного и Приятного, указанных в "Описании", у нас нет возражений. Нельзя не доверять этимологии Садовое, Плодовитое, Обильное, Заветное, Кормовое. Поселения этих названий действительно возникли на хороших землях. Так, еще авторы статьи "Заселение дорог в калмыцких степях", написанной в 1855 г. о пространстве, пролежавшем вдоль Царицынско-Ставропольского тракта, писали, что "земля здесь отличается своей доброкачественностью и есть лучшая во всей Калмыцкой степи. Она освежается множеством ручьев. Балки здесь представляют обильные сенокосные места для продовольствия скота. Словом, для поселенцев в этих местах имеются все хозяйственные удобства".²⁶ А вот, что отмечает И. Корнилов при описании Ергеней. Он говорит, что речки, ручьи, родники этой части Калмыцкой степи "поддерживают влажность почвы и свежую зелень лугов, покрытых разнообразными травами: по балкам разбросаны небольшие роши, растут терн и дикая яблоня. Эти места могут быть названы садом печальных Астраханских степей, только здесь встречается хорошее естественное орошение".²⁷ Как видим, ергенейские степи были превосходными и вполне пригодными для оседлого поселения. Однако, в далекие калмыцкие кочевья, видимо, не всегда удавалось привлечь к поселению нужное число крестьян из центральных губерний России, а поэтому, вполне возможно, что при определении вышеприведенных названий, а они давались во время нарезки земель под будущие поселения, т.е. до появления самих поселян, учитывался элемент пропаганды. Его можно усмотреть и в названиях тех поселений, которые согласно указа 1846 г., образовались и на других дорогах Калмыцкой степи. Например, поселения Доля, Величавое, Урожайное, Удачное,

Могучее и Заповедное. Им отводились земли в более худших районах казачьих кочевий, где преобладал полупустынный ландшафт, значительно уступавший плодородию ергенинских степей. Для последних двух поселений так и не нашлось желающих поселиться и они быстро прекратили свое существование²⁸. Если это так, то кто был инициатором такого продуманного мероприятия? Не приехали ли к нему руки главный попечитель казачьего народа Тагайчинов, который, как сообщает Н.Н.Пальмов, проявил величайшую заботу по привлечению переселенцев к хлебопашеству, дабы крепче привязать их к отведенным участкам земли²⁹. А может быть оно исходит из центральных ведомств? Название "Киселево" ведет нас в Министерство государственных имуществ, которое с 1837 по 1856 гг. возглавлял П.Д.Киселев - инициатор проведения в 1837-1881 гг. реформы по управлению государственными крестьянами³⁰. В пользу этого предположения и название поселения "Ведуевка" /казачье Хомбата или Камбате - Романовское/, возникшее у Царицынско-Ставропольского сообщения. В 80-е годы XIX в. оно названо в честь директора Второго Департамента /1858-1859/ и Департамента сельского хозяйства /1858-1860/ Министерства государственных имуществ графа П.А.Ведуева.

У Царицынско-Ставропольского тракта селились государственные крестьяне. Однако все их поселения, с момента нарезки под них земельных участков и до середины 60-х годов XIX в. /так было и на других дорогах/ шли под статусом станиц. Затем они постепенно вытесняются селом, что окончательно произошло в начале XX в. Почему так было? Из-за отсутствия материала мы не можем определенно ответить на этот вопрос. Можно лишь предполагать, что первоначально у дорог Казачьей степи намечалось образовать поселение по типу казачьих на юге России.

Кумо-Менчикская экспедиция в начале 60-х годов XIX в. наметила 14 пунктов по Крымскому тракту /он связывал Астрахань с Новочеркасском и Ростовом/, причем предпола-

галось поселить в каждом по 10-15-20 дворов. В Ергенях такие пункты были отведены у Северной и Южной веток Крымского тракта. У первой им нарезали земли при балках Кеше и Булгу-Сала, а на второй - при речках Шандаста, Кирюльта /Спорный родник/ и Элиста³¹. В начале здесь образовались небольшие поселения, которые затем выросли в крупные села с русско-украинским населением.

Если у царицынско-ставропольских поселений чаще использовались официально утвержденные названия и реже их обозначали местным именем, то здесь было наоборот. У крымских поселений всегда преобладали ойконимы калмыцкого происхождения. Такая ситуация распространялась и на те села из этой группы, у которых позже появились и другие названия Булгуи сала - "Троицкое" и Кирюльта - "Вознесеновка"³².

Крымские поселения, так же как и царицынско-ставропольские, входили в Черноярский уезд Астраханской губернии, но в отличие от последних они были заметно удалены вглубь калмыцких кочевий, где занимали островное положение, что не могло сказаться на преобладании за ними названий чисто калмыцкого происхождения.

Из всех населенных пунктов этой группы нам бы хотелось остановиться на селе Элиста, которое дает начало современной столице Калмыцкой АССР. Название речки, на которой оно возникло, в переводе с калмыцкого означает то же, что и приток Элиста, упомянутый нами при описании бассейна речки Няин-шиир. Топоним Элиста был очень распространенным в Ергенях. На общей геологической карте Европейской России, составленной геологом И.В.Мушкетовым в 1894 г. /лист № 95/, зафиксирована балка Элиста-Сала, расположенная в верховьях упомянутой нами речки Кегульта³³. Севернее ее, к востоку от села Обильное, на картографическом материале Кумо-Манычской экспедиции показана

еще одна бядка под названием Элиста³⁴. Академик Г.Н.Воскоцкий во время своей поездки в 1913 г. по Ергеням назвал Северной, а у Крымского тракта - Южной³⁵. Оба названия в практике почти не использовались и из всех ергенинских названий "Элиста" наиболее известное было у Крымского тракта. Название Элиста возникло из первоначального сочетания Элиста газар, т.е. "местность с обилием песка, песчаная местность"³⁶. "По своей структуре Элиста состоит из корневого элемента Элис /элси/ - песок и суффикса совместного падежа - та"³⁷. Следовательно, наименование Элиста образовано по аналогичной модели с другими ергенинскими названиями с суффиксом - та: Ялма-та, Бургуста, Ова-та, Кегуль-та и др. Например, последний топоним означает "местность, богатая терновником"³⁸. Такова же структура топонима Бюслюрта, прежнее название села Воробьевки Приютненского района, возникшего в 70-е годы XIX в. как миссионерский стан среди калмыцких кочевий. Он означает "местность, опоясанную или окруженную чем-либо" /бядки, окружавшие село, заливались внешними водами и к нему трудно было проехать/.

Ергенинская возвышенность очень богата и "дорожной" топонимией. Названия двух приведенных дорог не являются единственными. Наименование Царицынско-Ставропольский относится к одному из позднейших названий этого сообщения, пролежавшего по Ергеням с севера на юг. Во второй половине XVIII в. эта дорога обозначалась Маджарским трактом, так как доходила до развалин золотоордынского города Маджары на реке Куме³⁹. В начале XIX в. он стал называться Сальским, поскольку пролегал вдоль верховий речек Джурак-Сал и Хара-сал⁴⁰. В середине XIX в. эта дорога получает название Царицынско-Ставропольской. Она имела большое хозяйственное, торговое и военно-транзитное значение. По ней перевозили рыбу, железо, лес.

Пользовались ею чумаки. По тракту пролегал скотопрогон-
мный путь шириной в одну версту. За столь оживленное дви-
жение тракт называли Тор - хорошо наезженная, людная до-
рога /с иранского/.⁴¹

Крымский тракт, видимо, возник после распада Золотой
Орды. Калмыки его называли Воровским /Хулхачин-хаалга/,
так как по ним крымские татары совершали набеги на посе-
ления Нижней Волги.⁴² Крымский тракт использовался и
для вьючной перевозки, отчего калмыцкое Ике эмель хаал-
га⁴³ - "Дорога большого седла".

В начале XVIII в., во время персидского похода, при
Петре I, от Царицына к Моздоку прошло русское войско,
основу которого составлял Томский полк, от него путь
следования был назван Томским.⁴⁴ Маршрут полка пролегал
у восточного подножья Ергеней, вдоль озер Сарпа, Цаца,
Барванцка и т.д. С середины XIX в., когда началось засе-
ление Царицынско-Ставропольского тракта, Томская дорога
постепенно прекращает свое существование и его название
исчезает из географии Ергеней.

Из сказанного следует, что топонимия Ергеней богато
представлена оронимами, гидронимами и ойконимами. Несмот-
ря на то, что она охватывает значительные хронологичес-
кие рамки, основная часть дореволюционной топонимии Ерге-
ней дошла до наших дней, и преобладают в ней названия кал-
мыцкого происхождения.

I См.: Барбот-де-Марни Н.И. Геологическо-орграфичес-
кий очерк Калмыцкой степи и прилегающих к ней земель.-
Записки Русского географического общества, кн.3, СПб.,
1862, с.22

2 Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950, с.86,92,147.

3 Барбот-де-Марни Н.И. Указ. соч., с.23.

4 Магидович И.П., Магидович В.И. История открытия и ис-
следования Европы, М., 1970, с.251.

5. См.: Карта Астраханской и Казанской губернии /1803 г./ - Ровинский И.В. Хозяйственные описания Астраханской и Кавказской губерний. 1809 г. СПб., приложение.

6. См.: Приложение к соч. "Путешествие из Сарепты в разные калмыцкие орды", Лейпциг, 1827 /На немецком яз./.

7. См.: Костенков К.И. Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб., 1868, с.6.

8. Происхождение данного названия надо связывать с этнонимом шаряд.

9. Барбот-де-Марни Н.И. Указ. соч., с.22

10. Сангаджиев П.Д., Монреев М.У. О возникновении поселка Лагань и происхождении его названия. - Сб. Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР, Элиста, 1981, с.72.

11. Это же название носит и ныне действующий каменный карьер, расположенный на самой окраине юга Ергеней, в пределах отрогов Чолун-Хамура.

12. Корнилов И. Заметки об Астраханской губернии. - Вестник императорского Русского географического общества, т. XXVII, 1859, отд. II, с.65.

13. Астраханский краеведческий музей, коллекция карт, № 1035.

14. В литературе встречается и турецкое название этой речки Кара-сал, что так же, как и на калмыцком, означает Черная балка. В скобках дается правильное написание.

15. См.: 6-й лист карты Войска Донского /начало XIX в./ - ГАРО, коллекция карт, папка № I, № 249.

16. Т а м ж е.

17. Верховье речки состоит из большого числа притоков. На карте 1909 г. показаны такие притоки, как Барета

Бурата/ "Лозовая", Элиста "Песчаная", Кундрюк "Тяжелый", Шандаста "Ключ", Хара "Черный", Булук "Родник" и др. Гидротехник М.Гаврилов в 1920 г. писал следующее: "Вершина р.Ноин-шире состоит из многих крутоберегих балок, все они по выходу из крутого склона более возвышенной части соединяются между собой и образуют общее русло, которое и носит название р.Ноин-шир. Русло это имеет вид глубокой промоины с отвесными стенками высотой от 1 до 4 саженьей как бы образовавшейся в террас накопления, так как по бокам ее тянется на десятки верст почти гладкая степь со слабым уклоном в сторону Манчы, где переходит постепенно в целую систему хакон /высохшие озера, лишенные всякой растительности, со значительным скоплением соли - И.Б./". См. его работу: "Описание Калмыцкой степи Астраханской губернии в гидрогеологическом отношении", с.48-49.

18 См. карту Калмыцкой степи Астраханской губернии /1864/ - Материалы Кумо-Манчской экспедиции. СПб., 1868, прил. У П.С.Палласа об Уласте записано следующее: "За большим краем /Ергени - И.Б./ следует речка Уласта-Шири и долина при оной лежащая получила свое название от белого там в нарочитом количестве растущего тополевого дерева". См. его соч.: "Путешествие по разным провинциям Российского государства", СПб., 1788, ч.3,2-я пол.с.191. Думается, что это свидетельство против тех исследователей, которые пытались этимологию данного гидронима объяснить от собственного калмыцкого имени Ласта. См.: Суворов Е.К. Поездка по системе Сарпинских озер. - Известия императорского Русского географического общества, т.ХУ, вып. УП, 1909, с.444.

19 От существительного булук "родник", а не от собственного имени Булгун "Соболиная", это место до сих пор обильно родниками.

20. Последние три входят в бассейн р.Яшкулд. У М.Гаврилова о балке Элиста отмечается, что она "принадлежит к пресноводным рекам с массой родников различных по приходу воды. В вершинах, впадающих в нее всевозможных балок, так же наблюдалось множество родников, до сих пор неиспользованных", с.39.

21 Барбот-де-Марни Н.И. Указ. соч., с.26.

22 Этот худжир получил название от часовни, которая была воздвигнута в память покойного торгуетовского князя Санджи-Убаши, отца князя Цербен-Убаши /из сведений г.Цвика и Е.Шилла/.

23 Там же, с.27-28. При этимологии как первого перечня топонимов, так и второго встречаются определенные трудности. Они вызваны тем, что многие названия адаптировались и фонетически видоизменились до неузнаваемости.

24 П ПСЗ, т. XXI, отд. 2, № 20758, с.725.

25. См.: Литературно-художественный альманах Союза писателей Калмыцкой АССР "Теегин герл" /Свет в степи/, 1976 № I, с.145-146.

26. См. журнал Министерства государственных имуществ. ч.60, СПб., 1856, с.25: ЛОИИ АН СССР, ф. 2 30, оп.2, д.123 /рукопись ст. "Заселения калмыцких дорог в Астраханской губернии" - 1855 г./.

27. Корнилов И. Указ. соч., с.15.

28 См.: Пальмов Н.Н. Обоседление калмыков и русская миграция в Калмыцкую степь. - Калмыцкая область, Астрахань, 1925, № 3, с.98.

29 Т а м ж е, с.70

30 См.: Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева, т.1-2, М.-Л., 1946, с.58.

31 См.: Костенков К.И. Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи. СПб., 1868, с.79.

32 Оба названия связаны с днем открытия в этих селах церквей.

33 См.: Приложение к "Геологическим исследованиям в Калмыцкой степи в 1884-1885 гг. И.Мушкетова", СПб., 1895.

34 См.: Приложение к материалам "Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-маньчской экспедиции", СПб., 1868.

35 Высоцкий Г.Н. Ергени /культурно-фитологический очерк/. Петроград, 1915, с.33 /отдельная брошюровка/.

36 "Комсомолец Калмыкии", 1982, № 13.

37 Там же. Заметим, что такой же структуры придерживается и Ц.К.Корсункиев.

38 В 60-е годы XIX в. этот топоним образован крещеными кадыкями.

39 "Дорога Капкай" - Советская Калмыкия, 1976, № 153.

40 Т а м ж е.

41 Т а м ж е.

42 Нефедьев Н.А. Подробные сведения о волжских кадыках, собранных на месте. СПб, 1834, с.10; Барбот-де-Марни Н.И. Указ. соч., с.6-7.

43 См.: Костенков К.И. Указ. соч., с.75.

44 Барбот-де-Марни Н.И. Указ. соч., с.9-10.

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ
В ТОПОНИМИИ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ*

Известно, что одним из важных источников для определения или иллюстрации исторических процессов служат данные ономастики. Это объясняется тем, что имена собственные своеобразно фиксируют структуру и типологию материальной и духовной культуры народа.

Обращение историков и этнографов к языковедению при описании этнографического материала вполне естественно, поскольку реконструкция языковой системы, прежде всего, преследует цель, выходящую за пределы лингвистики и относящуюся к области более широких проблем — этногенетических. В этом смысле особый интерес представляют топонимические исследования.

Локализация географических названий Предбайкалья свидетельствует об их разнородной языковой принадлежности. Установлено, что в топонимии Предбайкалья прослеживаются образования т у р с к о г о /Булэн — бур. название р. Белой в Черемх. р. Ирк. обл. тюрк. булуи "залив, излучина реки"; р. Чара от якут. чара "мелководная"; Ордын нуур "ордынское озеро" от тюрк. орда "стан, ставка, резиденция, центр"/, м о н г о л ь с к о г о /с. Кукунур досл. "синее озеро", с. Алтарик от ольторог "остров", улус Саган-Далгай досл. "белая падь", д. Горхон "речка,

* Сообщение построено на анализе топонимического материала, собранного автором в полевых условиях на территории Аларского района Иркутской области, кроме того, используются данные современных справочных, литературно-описательных, картографических источников и публикации последних лет, относящиеся к названной теме.

ручей"/, о л а в я н о к о г о происхождения /д.Заречное, д.Идевал, д.Каменка, д.Слава, д.Угольная и т.д./.

Смена исторических условий, сложные общественные процессы – передвижение и смешение различных народов и племен – оставляли свой след: каждая появившаяся народность, усваивая и сохраняя прежние географические названия на языке своих предшественников, в то же время вносила в топонимию новое на своем языке /гор.Тудун в Ирк. обл. якут. толоон "долина", а народная этимология возводит это название к бур. тудам "мешок" и географически обосновывается вполне убедительно/¹.

Среди множества топонимов, а особенно микропонимов в языке бурят значительное место занимают стантропонимические топонимы. Анализ стантропонимических топонимов и микропонимов, бытующих в языке аларских бурят, подтверждает мысль В.А.Никонова о том, что топонимы стантропонимические возникают чаще всего в период господства частной собственности на землю². Заметим, что стантропонимический принцип номинации географического объекта основан на свойстве антропонима выделять, различать и определять принадлежность именуемого объекта какому-либо лицу.

Выбор антропонима при образовании топонима чаще всего определяется антропонимической системой данной территории³. Таким образом, стантропонимические микропонимы, появившиеся в языке бурят до их крещения, исключают отфамильные образования. В исследуемом регионе отфамильные микропонимы зафиксированы лишь на территории Аларского и Ольхонского районов Иркутской области: С а м с о н о - в о – удус назван русскими переселенцами вследствие того, что большинство населения удуса носило фамилию Самсоновых, которая в свою очередь восходила к личному имени Самсон /бур. Самсоон – основатель рода, отсюда и произошла фамилия. Любопытно, что до переименования удус носил название с бурятской языковой основой Х ү й т э н "мороз,

холод", которое с появлением нового названия перестало функционировать/; Б а я н д а е в с к а б у у с а - местность, где раньше проживала семья Баяндаевых.

Если фамильные микротопонимы в бурятской языковой среде редкостны и появились в сравнительно недавнее время, то микротопонимы, образованные от отчеств, пока не обнаружены. Появление их не исключено.

Наиболее многочисленна группа лично-именных топонимов: Коостини һуури - местность, где раньше жила семья, главу которой звали Коостя, Барднай бээгэй нарһан "сосняк шамана Бардная" - лес, Бажитан - удус в русском произношении Бажей и т.д. В топонимии Предбайкалья множество названий этнического происхождения. К таковым относятся топонимы и микротопонимы, образованные на основе семейно-родовых имен, например: Алагуй - удус, носящий родовое наименование по имени одного из сыновей Тулагакя, родоначальника бурят булагатского племени, Бадархан-удус по имени бурятского рода бадархан, согласно легенде, вышедшего из Монголии во второй половине ХУП в. и принявшего русское подданство, Бирюса - река в бассейне Ангары от слова бирюс - имя одной из родовых группировок отуреченного племени, обитавшего в бассейне этой реки, Болдой - удус в Алар. р. Иркутской области - здесь живут потомки Болдоя, считающегося незаконорожденным сыном Ашаты, одного из предводителей хонгодоровского рода. К числу микротопонимов, связанных с родовыми именами, относятся: Буря, Бурутхан, Готол, Улзет, Хонхорог, Бултарга и т.д.

Разновременность появления тех или иных географических названий и их разноязычность свидетельствуют о миграции населения Предбайкалья в прошлом. Так, например, на территории Нижнеудинского района Иркутской области распространены географические названия, содержащие топоформант - ма, относящийся к элементам эвенкийского

языка /к примеру, Катарма, Ходома и т.п./, эвенкийские элементы встречаются и в географических названиях Заларинского района Иркутской области /Мойган, Матаган и т.п./ . В Братском районе Иркутской области есть река и населенный пункт Эдучанка, в котором возможно выделить эвенк. топоформант – чан и славянский – ка.

В составе топонимов рассматриваемого региона нашли отражение религиозно-мифологические воззрения народа. К таковым следует отнести названия: Едогон /Тулун.р.Иркутской области/ от бур. одегон "шаманка, кудесница"; Арангата – бур. название гор. Черемхово от бур.аранга "помост, навес на 4-х столбах, вышка-помост для хранения продуктов; навес для наземного захоронения шаманов"; Закулей – село в Аларском районе Иркутской области от бур. зүхэли – слово, обозначающее жертвоприношение духам, когда шкуру жертвенного животного с головой и ногами возделывают на длинный березовый шест, Бариса – перевал, место подношения духам, Бэзе нарһан – шаманская сосна и т.п. Однако топонимы подобного происхождения столь частые в прошлом, теперь же встречаются все реже, и первоначальная семантика именовании практически не осознается говорящими. В целом же топонимы, отражающие религиозные воззрения народа, характеризуют на территории Предбайкалья шаманизм.

Мотивированность антропонимических топонимов определена или связана с именем человека, а именно:

1/ непосредственного обладателя данного объекта /Тармайн шэрэнги "роща Тармая", Марсиин нуга "дуг Марсия"; хорегой заимка "хуторок землевладельца Хоре", Хавсахани жалга "березовая роща Хавсхане"/;

2/ предводителя рода /в основном это объекты, носящие имена патронимов, например: Алагуй, Гогол, Дарбай, Улзет, Хорто/;

3/ влиятельного жителя данной местности /Баатарай

хада "гора Батора", Балханн нуур "озеро Балкана",
Түдүе боори "горка Тилдэ"/;

4/ почитаемого шамана, по поверию местных шаманистов превратившегося после своей смерти в зайца, т.е. в "духа-хозяина", именованного объекта /Аргали хада - гора Аргали, Торпин бээгэй нархан - сосновый бор шамана Трофима, Барднай бээгэй нархан - лес шамана Бардная/.

Предварительный анализ топонимии Предбайкалья в плане синхронии позволяет установить развитие этой языковой системы, где нашли отражение и этнографические особенности изучаемой территории, свидетельствующие о форме общественных отношений в тот или иной хронологический период, о религиозно-мифологических воззрениях населения. Более детальное изучение этого лексического пласта предполагает в известной мере выяснение адаптации культуры приходящего народа в новых природных условиях при тесном общении с культурой аборигенов. Кроме того, топонимический материал может дать сведения об ушедших из быта явлениях, что представляет определенный интерес для выяснения этнической истории того или иного народа.

С н о с к и

1. Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. Бур. кн.изд-во, Улан-Удэ, 1969, с.39
2. Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965, с.30.
3. Поротников П.Т. Топонимы антропонимического происхождения Твицдого района Свердловской области. - В кн.: Ономастика Поволжья, 2. Горький, 1971, с.261.

С о к р а щ е н и я

алар.	- аларский	р.	- река	якут.	- якутский
бур.	- бурятский	с.	- село	эвенк.	- эвенкийский
гор.	- город	тулуи.	- тулуиинский		
д.	- деревня	тырк.	- тыркий		
обл.	- область	черемх.	- черемховский		

ТОПОНИМИЯ ЯШКУЛЬСКОГО РАЙОНА

Известно, что топонимические названия несут в себе события из истории, факты из фольклора, этнографические и антропонимические компоненты. Не составляет исключения из этого и топонимы современного Яшкульского района. С 30-х гг. XIX в. - по 30-е гг. XX вв. Яшкульский район назывался Икицохоровский улус; с 1935 по 1944 гг. - Черноземельский улус; с начала 1957 года - Яшкульский район. Из старого состава района в другие районы отошли совхоз Сарпа, совхоз Адык /одноименный поселок/, совхоз "Черноземельский", ур. Меклята.

При написании статьи были использованы как дореволюционные, так и послереволюционные материалы: карты, книги и другие источники.¹

В большинстве своем топонимы Яшкульского района имеют мемориальное содержание /за исключением одного защитительного Мааньт/. Ниже даются топонимы района в алфавитном порядке.

АВДР /Авдар/ Толһа... Этот курган находится недалеко от ур. Харһата, где расположено отделение совхоза "Таван Гашун", имеет четырехугольную форму, особенно заметную, если рассматривать его с близкого расстояния. Поэтому еще в начале XIX в. кочующие калмыки рода деремин дали такое название этому кургану; оно зафиксировано на географических картах Калмыцкой степи XIX в., как и все нижеследующие топонимы.

АДСХА. Бугор и худук с таким названием расположены в 8-10 км от пос. Яшкуль на северо-восток, левее шоссе Яшкуль-Утта. Это слово означает: а/ шкура истощенной лошади; б/ черпалка-бадьа из лошадиной шкуры /предварительно пропитанной насквозь дымом/. Бытовало предание, что у указанного бугра в котловине от усталости пала лошадь калмыка, ехавшего в улусную ставку Яшкуль, и в той котловине были вырыты копани /тателы/, - вот откуда это название.

АРМ Элсн-см. п.Привольный.

Анһучин-һашун. Урочище и худуки /два/ расположены на юго-западе от Центральной усадьбы совхоза "Тавен Гашунский", примерно в 35 км от нее. В XIX в., как и в ХУП-ХУШ вв., калмыцкая степь изобиловала дикими животными /волки, лисы, корсаки, хорьки, зайцы, сайгаки/. Поэтому калмыки широко промышляли охотой на них, особенно те, кто уходил в сторону Черных земель. Оторванные на многие дни, особенно осенью, от своих хотонов, охотники имели постоянные места отдыха и ночевки, где они рыли копани, вода в которых была часто горьковатой /солончатой/. Отсюда это и название АНҺУЧИН-ҺАШУН "Охотничий Солончатый".

БАҺ ШОЛДА -см. Шолда.

БАЛДРА ХУДГ. Территория в окрестности этого худука была кочевьем Мухараева Балдыра и его родственников из Арбана элжигүд. Он сам выкопал два колодца со срубками, почему и получили они название Балдра худг. Они находятся в 30 км от Яшкуля к северо-востоку, левее шоссе Яшкуль-Утта, за невысоким бугром /в 5 км от Ик Шолда/.

БИЧКН ДЭРВН ҺАШУН - см. ДЭРВН ҺАШУН.

ҺАШУН. На участке колодцев с горьковатой водой расположена нынешняя центральная усадьба совхоза "Гашунс-

кий", который до 1944 г. назывался Рев.Дольган "Волна революции". Гашун значит "горький".

ДАВАН – это древнее русло правого рукава реки Волги, тянущееся с излучины реки у нынешнего Волгограда по Сарпинским озерам, а начиная с территории совхоза "Сарпа" и до урочища ХАГ носит это название. Известно, что в монгольских языках слово даван означает горный перевал /см.Хамар Даван в Бурятии и др./ . Кстати, нынешнюю одну из конечностей Ергеней-Хамар калмыки в XIX – начало XX вв. тоже называли Хамар Даван. Возникает вопрос: почему такое название дано низменному участку /бывшему руслу реки/ на ровной местности? Дело в том, что часть бывшего Икицохоровского улуса в XIX в. на летошку перекочевала к северу, к границам Малодербетовского и Харахусовского улусов, переходя это древнее русло рукава р. Волги, и так как такой переход калмыки называли: "давжи харлхан-кавлхан-даван", то слово даван так и осталось как название собственное, т.е. стал топонимом.

ДАЛЪЧИ БААВ. Это урочище локализуется в 5 км к юго-западу от пос. Искуль. В урочище располагался на зиму /убюльзинг/, один из хотонов Ягачин-Эркетеновского аймака, старшиной которого /хотона/ являлся гадальщик по трещинам на обожженной бараньей лопатке. И название хотона, и имя этого человека остались неизвестными, калмыки его уважительно называли не по имени, а Далъчи Баав, которое как топонимическое название осталось за этим урочищем.

Как пишет Т.М.Михайлов, монгольский исследователь Н.Игхамд считает, что гадание по трещинам на обожженной бараньей лопатке монгольские народы переняли от убюльзингов /монголоязычных -Ц.К./.

ДЕЕД ХУЛСН и ДОРД ХУЛСН. В поймах реки Яшкуль весенние талые воды и осенние атмосферные осадки не давали засыхать почве и в этих поймах круглый год обильно рос камыш. Один участок этих пойм находится в 7 км к северо-востоку от орошаемого участка совхоза "Гашунский". Здесь создан новый кормодобывающий совхоз "Прогресс", другой участок этих пойм располагается у пос. Яшкуль, примыкая к его окраине. Это последний участок разлива р. Яшкуль. У самого южного края его теперь расположен асфальтный завод. На этих двух участках поймы камыш рос до начала 30-х гг., т.е. до начала коллективизации. Участок, где расположен совхоз "Прогресс", называется ДЕЕД ХУЛСН, а участок у пос. Яшкуль - ДОРД ХУЛСН.

ДӨРВН ҺАШУН /ИК и БИЧКН/. Расположены эти урочища с четырьмя колодцами каждое к востоку от пос. Яшкуль на полпути из Яшкуля в совхоз "Тавн Гашун". Названия колодцев получили по размерам срубов. В ИК ДӨРВН ҺАШУНЕ колодцы были широкие /1,5-2 м по сечению срубов/.

БИЧКН ДӨРВН ҺАШУН так назывался потому, что четыре колодца имели узкие сечения срубов /до 1 м/, а следовательно в них было мало воды; ими пользовались другие хотоны анги "Тохан Кэсэг". Вода в колодцах обоих урочищ была горьковатой, отсюда и название Гашун - "Четыре больших /малых/ колодца с горьковатой водой".

Пос. ДРУЖНЫЙ - отделение совхоза "Улан Эргинский", находится в 5 км от села Улан Эрге к западу. Здесь имеется молочнотоварная ферма совхоза. Место, где расположено оно, называется Эрг /Эрег/, что значит "Ерик", т.е. крутой берег, размываемый тальми водами.

ҖАМТҖР /ДЕЖАМТҖЫР/. Это название растения типчак, свойственного засушливой полупустыне. Урочище это находится в 10-15 км к юго-западу от центральной усадьбы совхоза "Та-

ван Гашун". Колодцы называются "Джамтыр худг". В XIX - начале XX вв. это урочище было кочевьем одного из хотонов анги "Тохан Кэсэг" Икицхуровского улуса /Кетченер-Шебенеревский аймак/. Такое же название урочища зафиксировано на территории совхоза "Чялгир".

ИК БУЗГУ и МУ БУЗГУ. В письменных монгольских языках слово бузгу-бузга означает неплохой, приятный /в данном случае - приятная на вкус вода/,⁴ в современном калмыцком языке оно уже не употребляется, а осталось как топонимическое название. Урочище ИК БУЗГУ с колодцами находится на дороге из Яшкуля в совхоз "Таван-Гашун", на нем расположено одно из отделений этого совхоза. Вода залегает поверхностно /по крайней мере так было раньше/, пресная. Урочище же МУ БУЗГУ соседствует с первым, немного южнее от указанной дороги. Почему назвали это урочище с колодцами "Шлохим" /Му/ - трудно объяснить. По-видимому, такое определение противопоставлено первому БУЗГУ.

ИНРЛИН ТОЛГА. Во время работы геодезической экспедиции Костенкова, Крыжина и Барбот-де-Марни в Калмыцкой степи какой-то генерал по поручению астраханского губернатора ездил в степь по проверке правильности размежевания границ улусов. Однажды он вынужден был заночевать на бугре, по которому прошла межа, и этот бугор калмыки Икицхуровского улуса назвали ИНРЛИН ТОЛГА, что значит "Генеральский бугор". Этот бугор расположен в 30 км от Яшкуля по левой стороне шоссе Яшкуль-Утта, между последним и урочищем БАЛДРА ХУДУТ.

КЕЦИН ГУ. Это - лощина между двумя длинными "грябами", протянувшимися в широтном направлении, начиная с урочище ХАГ, т.е. она является продолжением Даван в сторону дельты р. Волги.

КИВТЭН МУ. Участок к северу от Центральной усадьбы "Гашунский" и прилегающий к нему ныне орошаемый участок

/поворот шоссе на Улан-Эрге/ в XIX в. назывался МУ КИВ-ТЭН "Плохой капитан". Происхождение этого топонимического названия связано со следующим фактом: капитан-геодезист, картограф /возможно, Барбот-де-Марни/, проводивший разграничение территории кочевки калмыков одного из улусов, часть выпасов /заливных лугов/ отдал другому анги. Поскольку его группа располагалась на этом участке, поэтому, естественно, те калмыки нарекли его "плохим капитаном" /МУ КИВТЭН/, и это его прозвище осталось за этим урочищем - "Капитан МУ".⁴

Совхоз "Кировский". Центральная усадьба расположена в пос. Яшкуль. Квартал поселка, где она расположена, раньше назывался ДУНЦ ТОЛГА по той причине, что поселок делился на три части - северную, южную и среднюю /соответственно: собственно поселок, Дунд толга и улусное правление/.

Пос. Кировский. Здесь находится центральная усадьба совхоза им. XIIУ партсъезда. Место, где она находится называется УЛАН ЗУУХ /восточный участок одноименной балки-речки, текущей с территории Ики-Бурульского района/. ЗУУХ значит "печь-яма, очаг-яма".

Совхоз КОРМОВОЙ. Центральная усадьба расположена на участке МАЛЗРЫГ /БАЛЗРЫГ/. По участку протекает узкое русло балки-речки Бурата /восточный ее конец/. По-калмыцки малзрыг /балзрыг/ значит "проран-проры".

ЛИДЖИН БОР. Урочище локализовано на дороге Таван-Тадун-Адык. В XIX - нач. XX вв. колодцами на этом урочище пользовались жители двух хотонов, старшиной являлся некий Орзан Лиджи, по указанию которого были вырыты колодцы.

Компонент "бор" указывает на плодородность почвы и растительность /см. также Халтрин Бор, Мокт Бор, Чонин Бор/.

МАННЬТ. До 20-х гг. XX в. на этом участке были барханные пески, а в центре их в котловине-колодце с пресной водой. Бытовало поверье, что в этих песках находятся нечистые духи /четкур/. Поэтому у колодцев были постоянно воткнуты шести с заговоренными флажками маани против этих духов. После гражданской войны флажки перестали водружать, но топонимическое название МАННЬТ осталось.

Ныне это участок - территория на стыке двух совхозов - "Таван Гашун" и "Цаган Усун".

МАЛЗРЫК /БАЛЗРЫК/ - на этом участке расположен кормосовхоз имени XXIV -го партсъезда в 20 км к юго-востоку от центральной усадьбы совхоза "Гашунский". По участку протекает узкое русло речки-балки Бурата /восточный ее конец/, которое часто размывалось весенними водами, образуя глубокий проран-прорыв, а последний по-калмыцки называется Балзрык, Малзрык /замещение начальной "б" на "м" в калмыцком языке, как впрочем и в других монгольских языках - явление обычное/.

МОКТ БОР. Худуки на этом урочище были вырыты в неглубокой котловине с жирной глиной, что по-калмыцки называется мохон, который в топонимическом употреблении присоединяет грамматический суффикс - т/а/.

МОЛОДЕЖНОЕ. Участок, на котором расположена центральная усадьба совхоза "Молодежный", раньше назывался АР ТООСТА /есть еще ЭМН ТООСТА и ДУНЦ ТООСТА/, ныне называется "Молодежное". Старое калмыцкое название произошло от барханных песков, образовавшихся вследствие вытоптывания растительности копытами скота, пригоняемого на водопой к колодцам.

МУ БУЗГУ - см. ИК БУЗГУ.

ИУКН - это старое название урочища, где располагался Зюнгарский с/совет бывшего Икицожуровского улуса /впослед-

дствия в 30-40-х гг. - Черноземельский район/, в настоящее время расположено отделение совхоза "Чилгир" и называется оно Зонгар. Топоним Нукн означает "Яма, ямы". Это название произошло от того, что там не один раз копали колодцы в поисках хорошей воды, а следы недовыкопанных колодцев так и оставались углублениями, ямами.

НИИЦЕН. В этом поселке находится одно из отделений совхоза "Чилгир". Ниицен по-русски "объединение", равнозначно оно таким терминам, как Хамдан, Ортог, Негдел.

ОЛИНГ. Поселок находится в 7 км от пос. Яшкуль у дороги пос. Чилгир и является отделением совхоза "Кировский", центральная усадьба которого расположена в пос. Яшкуль. По-калмыцки ОЛИНГ значит "скудный /растительность/; дужайка".

ПЕРВОМАЙСКИЙ - См. совхоз "Прогресс".

п. ПИОНЕРСКИЙ - это отделение совхоза "Молодежный". Урочище, на котором расположен поселок, по-калмыцки называется ХЭРИН /ЛОРИН/ "двадцать".

пос. ПРИВОЛЬНЫЙ - центральная усадьба совхоза "Улан Хөөч". Урочище, на котором она находится, с колодцами пресной воды и называется АКМ ЭЛСН. Такое название дано по той причине, что пески здесь всегда влажные из-за поверхностного залегания грунтовых вод и не рассыпаются, а комкуются при сжатии в ладонях.

совхоз "ПРОГРЕСС". Центральная усадьба его пос. Первомайский. Совхоз организован на базе отделения совхоза "Ташунский" на урочище ДЕБЦ ХУЛСН.

пос. РАССВЕТ - отделение совхоза "Хулхутинский". Урочище, где оно расположено, раньше называлось Улан бөөрг, т.к. колодцы были вырыты среди отдельных обнаженных песчаных покровов почвы. Слово же бөөрг означает слегка гсхолмленную равнину с "блюдцами" - котловинами.

совхоз "Ростовский" - см. УТТА.

САНЗЫР /урочище/. Это - название урочища обширных заливных лугов /цэрниг/. Здесь кончается балка-речка Улан зуух. Калмыцкое слово санзыр буквально означает "разлив".

СЭЭНЦГ - это урочище на шоссе Утта-Хулхута, в нем находится одно из отделений совхоза "Хулхутинский" - пос. Степной. Происхождение названия сээнциг неизвестно, хотя само слово означает слепую кишку.

пос. СТЕПНОЙ. см. СЭЭНЦГ.

пос. ТАВАН ГАШУН - центральная усадьба одноименного совхоза. Это название - позднее и искаженное /уже в наше время с 50-х гг./. В 30-х гг. XIX в. здесь по указанию гелюнга Джантова /Джанчува/ были выкопаны колодцы-копани. Поэтому эти колодцы с горькой соленой водой и весь участок получил название Джантован Гашун, впоследствии /с 60-х годов XIX в./ первая часть имени - "джан" вышла из употребления, осталась вторая его часть - "Тован", которая вошла в полное название ТОВАН ГАШУН и бытовала до 50-х гг. XX в.. Когда в 1959 г. был создан совхоз "Таван Гашунский", в названии которого первый компонент был искажен, и образовался топоним Таван Гашун /по-русски "Пять колодцев с горькой водой"/.⁵ Как видим из изложенного, антропонимические компоненты в топонимах Яшкульского района зафиксированы в трех случаях: Лижин Бор, Балдра Худг и Тован Гашун /Джантован Гашун нынешнее Таван Гашун/. Аналогичные случаи мы увидим в топонимике и других районов республики.

ТЭРМР. Участок, на котором в конце XIX в. пытались сеять травы, потому и получилось такое название.

пос. ТЭЕГИН ГЕРЛ. Здесь находится отделение совхоза "Таван Гашунский". Место, где оно находится, именуется ИК БУЗГУ.

совхоз "Улан Эргинский". Центральная усадьба совхоза расположена в одноименном селе. Название это показывает,

что в этом месте правый берег /село находится на правом берегу/ балки-речки Яшкуль высокий и размывается тальми водами, обнажая толщу красной глины берега. Село это существует как населенный пункт с 1874 г., школа в нем - с 1877 г., церковь построена в 1879 г.⁶

пос. УТТА. Здесь расположена центральная усадьба совхоза "Ростовский". Во времена царизма здесь находилась ставка Харахусовского улуса /до 1920 г./ После гражданской войны и разрухи, связанной с ней, улус перестал существовать, и УТТА осталась в виде маленького поселения. В 40-60-х гг. она являлась центром зимовок скота Ростовской области /отсюда и памятное название совхоза/. В XIX в., когда УТТА стала ставкой улуса, в ней были построены религиозные обелиски - ЦАЦА, около них посажены две ивы /по-калмыцки удун-удн/. Поэтому появилось тогда же на географических картах название Удта койр Цаца, т.е. "две Цацы с ивами". Впоследствии от этого сложного названия осталось только первое слово Удта-Утта, остальные два вышли из употребления.

ХААЛГ ДЭВРДГ /урочище/. Оно находится в 7 км к западу от пос. Яшкуль: поперек его проложено шоссе. Здесь низина, которая в прошлом часто заливалась тальми водами из речки Яшкуль и атмосферными осадками осенью и весной. Поскольку грунтовая дорога на Улан-Эрге-Элисту проходила поперек этой низины, поэтому она и получила такое название. Ныне здесь чабанская бригада совхоза "Ташунский".

ХАГА /урочище/. В 15 км, не доезжая до УТТЫ по шоссе из Яшкуля, на площади примерно 1,5-2 кв.м. расположены солонцовые "блюдца" - такыры. Здесь были разливы-лиманы от сухого русла ДАВАН. От ХАГА начинается лощина КЕЦИН ГУ к востоку, т.е. ХАГА являлся расширенной низиной Даван, образовавшейся в виде отдельных обнеженных, без растите-

льности площадок - соляночных "блюдцев" - такиров.

ХАЛТРИН БОР /урочище/. Находится в 5 км к востоку от худуков САНЗЫР. В настоящее время здесь организована бригада совхоза "ЦАГАН УСН".

На этом урочище были вырыты колодцы калинков Халтыром Джамцаевым, имя которого так и осталось за урочищем.

ХАР ТОЛГА /урочище/. Здесь находится отделение совхоза им. XXIV партсъезда. Название Хар Толга "Черный бугор, черный курган" - получило по оттенку цвета своей поверхности: если посмотреть на него издали, то при утреннем и вечернем свете он имеет темно-синий оттенок. Этот бугор - восточная оконечность одной из гряд Ергеней.

ХАР МОДТ. Урочище получило свое название по дубовым срубам колодцев /от хар модн - "дуб"/. Ныне там выпасные участки откорм совхоза "Адыковский".

ХАРГАТ - отделение совхоза "Таван Гашунский". Территория, охватывающая это урочище и урочище Чонин Бор, была кочевьем арбанов.

ДЕРЭМИН ЭЛЬДЖИГУД. Название урочище получило от сосновых срубов колодцев.

ХЭЭРЦГЛУ - урочище с колодцами хорошей /пресной/ водой. Здесь сходились грунтовые дороги, идущие из Таван Гашуна, Хулхуты, Утты и Давсна худука. Здесь до гражданской войны находился большой хурул Харахусовского улуса. Название хээрцглу буквально означает ларцеобразную форму /от хээрцг /ларец"/. Такую четырехугольную форму, по рассказам старожилов, имел главный храм /сэмэн/ хурула.

пос. ХОГОН - отделение совхоза "Гашунский". Название это означает растение ОСОТ. Урочище с одноименным названием находится между Деед Хулси и Дорд Хулси.

ХУЖР. Это название носят два глубоких "блюдца" - озера с соленой иловой грязью. Одно находится в 5км от пос.

Адык левее дороги на Яшкуль, другое — недалеко от Бузгу. Оба имеют лечебное значение. До недавнего времени животноводы народным способом лечились грязью от ревматизма в теплое время года / май-август/ прямо в самих озерах. Хужр значит "солончак".

пос. ХУЛХУТА. В поселке расположена центральная усадьба совхоза имени 28-й Армии. Название поселка произошло от того, что в вырытых здесь колодцах вода в виде "выпотов" появлялась за слоем жирной глины /по-калмыцки такая глина называется мокон шавр /моңл моков/. Следовательно, эта глина закрывала источник воды наподобие пробки из ушной серы, закрывающей слуховой проход уха, которая называется по-калмыцки ХУЛХУ. Топоним ХУЛХУТА прилагательное от этого слова.

ЦАГАН СӨГ. Заливная низина /царн/, конечный участок балки-речки Улан Зуух. Здесь находится центральная усадьба совхоза им. ХХІУ партсъезда — пос. Кировский. Цаган Сөг переходит в еще более широкую низину САНЗЫР. Название ЦАГАН СӨГ значит "низина с обильной ковыльной травой".

ЦАГАН УСН — обширная заливная низина, конечный участок балки-речки Бурата, проходящей через Балзырк/Малзырк/. Ныне здесь организован совхоз с одноименным названием на базе одного из отделений совхоза "КИРОВСКИЙ". Название ЦАГАН УСН значит "БЕЛЫЕ ВОДЫ", "Белородье". Компонент цаган "белый" в обоих названиях указывает на цветовой оттенок лиманов из-за обилия ковыля.

ЦОЛМОН /Цолмон/ —уроч. "Звезда утренней зари".

ЧАВЧАЧ /ДЕЕД, ДОРД/. На урочище Деел чавчач ныне базируется бригада совхоза "Чилгир", в Дорд чавчач рклучен в государственнй заказник. Чавчачи /от чавчх "сечевой"

или же "рубленный"/.

Село и совхоз ЧИЛГР "ясный, безоблачный и безветренный". Такое название селу дано еще в 70-х гг. XIX в.

По-видимому, первые недели, когда здесь обосновались на поселение первые пришельцы, были ясными, безоблачными, безветренными. Село ЧИЛГР основано крещеными калмыками в 1867 году, русские из Царицынской и Астраханской губерний пришли сюда в 1879 г., школа открыта в 1885 г., церковь - в 1892 г.⁸

ЧОНИН БОР /урочище/ включено в государственный заказник. Прилагательное Чонин /от чон "волк"/ переводится как "волчья". Значит Чонин бор "волчьепустынное серо-бурое логово".

ШАВХАТА /урочище/ находится к востоку от пос. Яшкуль в 15 км на дороге в совхоз "Таван Гашунский". Слово это означает колодцы с быстро исчерпываемой водой, этими колодцами пользовались до самой Октябрьской социалистической революции. Здесь находилась усадьба, построенная по типу усадеб русских помещиков /большой двор с каменными сплошными оградами, конюшни, склады, трехэтажный каменный дом и прочие помещения/. В годы гражданской войны все деревянные помещения сгорели, а после каменные постройки были разобраны жителями с. Яшкуль на собственные нужды. Ныне здесь бригада совхоза "ЦАГАН УСН".

ШАРВА /урочище/. Здесь находится отделение совхоза "Чилгир" и кончается балка-речка Овата, текущая низиной /царынг/ через Бор Нур. Слово это - искаженное ШОРВА, каковым калмыки называют Сарпинскую возвышенность, т.е. Ергени.

ШОЛДА /ИК, БАГ/. Эти урочища с колодцами находятся на дороге из Яшкуля в Утту. Ик Шолда в 22 км, а Баг Шол-

да - в 18 км от Яшкуль. До Великой Отечественной войны 1941 г. в Ик Шолда была дорожная станция-будка; ныне через эти урочища проложено шоссе на УТТУ; территория их включена в государственный заказник. Слово "Шолд-шолд/а/" имеет звукоподражательное значение - падать с резким звуком. Видимо, капли воды, вытекая из боковых источников, каплями падали со звуком на дно колодца.

ШОЛЫП /урочище/ находится между Таван Гацуном и МААНЬТ /см./. Здесь были колодцы с пресной водой. Слово это означает бульканье, журчание воды. По-видимому, вода в колодцы вытекала из бокового источника с газом.

пос. ЯШКУЛЬ. Он существует, как видно из имеющихся материалов, с 1882-1883 гг., так как до этого он не упоминается как постоянное поселение в трудах исследователей /К.Костенков, Черкасов, Михайлов, Крыжин, Барбот-де-Марни, И.Хитецкий и др./ Так, в "Миссионерском сборнике Астраханской Епархии" за 1910 год указано, что в 1884 г. предполагали построить церковь, но ввиду малочисленности русских она не была построена в том году, а только в 1893 г. И.Хитецкий в "Сборнике трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края" за 1892 г. отмечает, что на урочище Яшкуль находились удусное правление и удусная школа, а К.Костенков в 1885 г. писал, что зимой удусная ставка, удусная школа, удусное правление, Зарго, казачья команда, правитель удуса-/т.е. пристав - Ц.К./ в домах,⁹ иначе говоря, указанные учреждения и лица, обслуживавшие и работавшие в них, жили в стационарных помещениях. Само слово Яшкуль - тюркское яш-куль "молодое озеро". Таким образом, оно восходит к тюркским племенам, обитавшим в Междуречье Дона и Волги задолго до прихода сюда калмыков. В Яшкуле школа светская открыта в 1893 г., церковь - 1893 г.

М.У.Монраев отмечает, что советская действительность внесла в топонимию много новых, современных названий.¹⁰ Подтверждением этого служат топонимические названия Яшкульского и других районов Калмыцкой АССР. Такие, как "Прогресс", "Рассвет", "Теегин герд", "Первомайский" и многие другие.

1 Современная карта административного деления Калмыцкой АССР, Элиста, 1980 г.

2 Калмыцкая АССР. Административно - территориальное деление. Элиста, 1977 г.

Карта Астраханской губернии. Астрахань, 1914 г.

Водная карта калмыцких земель. Астрахань, 1909 г.

Карта калмыцких земель Астраханской губернии, 1869 г.

Список населенных мест Калмыцкой АССР, г. Элиста, 1940 г.

3 Сборник "Кумо-Манычской экспедиция /Костенков, Крыжин, Барбо-де-Марни/", 1868 г.

Т.М.Михайлов. Из истории Бурятского шаманизма. Новосибирск, 1980 г., с. 242

4 Костенков К. Хозяйственно-статистическое и естественно-историческое описание Калмыцкой степи, Астрахань, 1869 г. Его же. Исторические и статистические сведения о Калмыках, кочующих в Астраханской губернии. Астрахань, 1868 г.

Борисенко И. Картографические источники по землеведению и землепользованию Калмыцкой степи. -Сб. "Докапиталистические и капиталистические отношения в Калмыкии", Элиста, 1977 г., с. 131

5 Житецкий И. Астраханские калмыки. Астрахань, 1892 г "Миссионерский сборник Астраханской Епархии", 1910 г.

- 6 Карты Калмыцкой степи за 1869, 1909 и 1914 гг.
Те же карты за те же годы.
- 7 Указанный сборник за 1910 г.; Житецкий И. Указ.соч.,
с.24
- 8 Указ.сборник за 1910 г.; Костенков К. Указ. соч.,
с.110, 118 и 164
9. Его же. Указ. соч. с. 148-152
- 10 Мюзраев М.У. О гидро-оронимических терминах и изме-
нении топонимии Калмыкия. Этнографический сборник
№ I, Элиста, 1978, с.148-152.

ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ЧИСЛОВОЙ
СИМВОЛИКИ В КАЛМЫЦКОЙ АНТРОПОНИМИКЕ

Во многих языках мира, у разных народов, нередко отделенных друг от друга территориально и исторически не связанных друг с другом отмечается традиция именования так называемыми числовыми антропонимами.

Очевидно, корни такой традиции именования, характерной для многих современных языков, следует искать в далеком доисторическом прошлом человечества, поскольку факт наречения "числовыми" именами имеет широкий характер распространения. Именно поэтому есть основания считать, что начало этой традиции заложено еще в ту древнейшую эпоху, когда возникали первые представления и понятия человека о мире.

Этот способ именования, являющийся одним из более древних и очень распространенных мотивов в наречении именем во многих языках мира является общим для индоевропейских, семитских, тюркских, монгольских и других языков.

В составе современной калмыцкой антропонимии прочно сохраняются антропонимы, образованные от числительных. Так, например, в разряде личных имен можно отметить имена, образованные от числительных 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 20, 30, 60, 70 /хурви, Тави, Зурван, Домаи, Нэзми, Йисн, Херте, хучи, Дирте, Дадита/: соответственно эти же числительные отмечаются в разряде отчеств и фамилий, образованных от этих же основ, но оформленных русскими патронимическими суффиксами: Гучинович /-овна/, Зурганович /-овна/, Дла-

нович /-овна/, Наминович /-овна/, Есинович /-овна/, Джирянтеевич; Гучинов, Джирянтеев, Есинов, Наминов и пр.

Разряд личных имен, образованных от числительных, обязан своим происхождением древнему мировоззрению человека. Это несомненно. Их появление связано в общечеловеческой верой в магическую силу слова.

Обращает на себя внимание тот факт, что представления, связанные с числами 3, 5, 6, 7, 8, 9, 12 носят, если не всеобщий характер, то во всяком случае, свойственный большинству народов. В литературных памятниках, мифах, эпических сказаниях, сказках и легендах так или иначе упоминаются эти цифры: девятирица древнеегипетского божественного пантеона, 7 ипостасей богини любви Хатхор в древнеегипетских гимнах, 7 небес мироздания в космогонических представлениях многих народов мира, 7 лучей фантастического существа Хумбабы древнешумерских мифов, представления людей об устройстве модели мира, состоящей из 9 верхних и 9 нижних миров, 6-дневное создание мира по Библии, семь дев творенья Калевалы, 9 /12/-главие Змеи-Горынычи, 33 богатыря, 7 перевоплощений в сказках и т.д.

Почему человек так активно использовал именно эти строго определенные числовые понятия? Почему именно они вошли в его сознание как магические символы сверхъестественной силы?

Ответ на эти вопросы поможет понять и загадки имятворчества, те мотивы, руководствуясь которыми люди называли своих детей подобными именами.

Какова же жизненная первооснова этой традиции именования, возникшей в глубокой древности человеческой истории и сохранившейся до наших дней? Что заставило человечество создавать имена, в основу которых положено опреде-

ленное число?

Числовые понятия, наделенные в сознании первобытного человека сверхъестественной силой, являлись определенными символами, продиктованными жизнью. Из них наиболее конкретную основу имели семерка и девятка, символическое толкование которых может быть объяснено тысячелетними наблюдениями человека за жизнью земной и небесной. Опыт человека показывал совершенно определенную связь жизни земли с теми или иными явлениями небесного мира /циклическость, повторяемость/. Отсюда, в сознании первобытного человека "космические" и "тотемические" представления находились, по всей видимости, в глубоком взаимодействии. Так, в названии Большой Медведицы совершенно очевидно сказались тотемные верования, поскольку у большинства народов это созвездие связано с идеей лося, оленя, марала. А как известно, эти и другие представители животного мира были предметом культа древних, обоготворялись ими. Нередко такое почитание видимых небесных светил находило свое отражение в самих названиях. Большую Медведицу калмыки, например, называют Долан бурхи "Семь богов". Идея семи небесных покровителей, постоянно сопровождавших человека на его жизненном пути, могла, в конечном счете, отразиться на представлении о числе 7 как вообще о символе божественной силы. В калмыцких пословицах и поговорках сохраняются следы древнего почитания Большой Медведицы как всеобщей небесной покровительницы. До недавнего времени в народе бытовала детская присказка – скороговорка "Долан бурхи дола дэж келхэ – нег буйн", что дословно переводится как "Семь богов семь раз упомянутые – уже одно благодеяние". Считалось, что произнесший эту sacramентальную фразу одним духом 7 раз подряд совершает благодеяние и освобождается от земных грехов. Не разрешалось

говорить о Большой Медведице нечистым ртом, необходимо было предварительно ополоснуть рот водой.

Отсюда вполне объяснима древняя вера человека в магическую силу 7. Семь видимых с Земли звезд Большой Медведицы обожествлялись в сознании первобытных людей. Их божественная сила была перенесена на понятие семерки вообще.

Другая версия о причинах, вызвавших почитание числа 7, может быть связана с семидневным циклом полнолуний и новолуний, послуживших, как считают астрономы, исходной точкой отсчета времени. Воспевание коня о 7-ю поводьями, на котором якобы, движется Время, представлено в древнеиндийском гимне Времени:

Время везет воз, это конь с 7-ю поводьями,
Тысячеглазый, нестареющий, с обильным семенем.

На него садятся верхом вдохновенные поэты.

Его колеса — все существующия.

Семь колес везет это Время.

Семь — ступицы его, бессмертие / ось.

Время. Оно простирается во все существования

Оно шествует, как первый бог.²

Культы и верования древних, связанные с общекосмическими и общеприродными явлениями /7-дневный цикл полнолуний и новолуний, восход и заход солнца, чередование дня и ночи, смена времен года/ должны были откладываться в сознании каждого равнозначно и вызывать типологически общие ассоциации. Таким образом, не исключена и, пожалуй вероятно причина космогонического характера, утвердившая представление о числе 7 в истории человечества как о символе божественного проявления. Традиция такого религиозного представления о семерке, закрепившись в сознании человека, нашла свое отражение в мифологии, обрядах, фольклоре, орнаменталистике.³

У калмыков /так же как и у других монголоязычных народов/ традиционное почитание числа 7 как символа божественной силы отмечается в верованиях и обрядах, в эпических сказаниях, поговорах и поговорках. До седьмого колена по отцовской линии /долан үйн күртл/ сохранялись родственные связи, обычно семью семь сорок девять дней скачет сказочный герой в дальний путь, на броневых доспехах героя 7 x 10 70 пуговиц /"семьдесят пуговиц грозной брони"/, на 7-м году жизни героя обычно приключаются какие-то важные события. Семь - очень стойкий и повторяющийся символ. Не исключено /к этому как раз-таки ведут предыдущие рассуждения/, что вера в число 7 как в символ божественного проявления послужила мотивом и для возникновения личного имени Долан /"Семь"/, которое предназначалось как имя - оберег его носителю.

Символика 9-и как священного числа также исключительна по своей постоянности и повторяемости у многих народов мира, у всех монголоязычных народов активно проявляется символическое значение этого числа.

- При исполнении 9 лет родители совершали обряд сватовства мальчика к будущей невесте. Философский камень буддийской религии "Чиндамани" способен выполнять 9 желаний. Весь мир представлялся в виде девятицветной вселенной - Дзамбу тив"а. Очевидно, не случайно такое постоянство девятки как особого числа в мировоззрении человека. Опять-таки следует опираться на какие-то общеприродные мотивы, заложенные в основу почитания понятия 9. Конкретные первопричины символического толкования числа 9 могут быть связаны с 9-месячным циклом внутриутробного развития человека. Так, например, в шаманистской религии чрево матери - алтн оома "утроба матери, золотое чрево, матка" - почиталось как божество. В комментарии к "Алтан тобчи", выдающемуся произведению монгольской историографии XVII в.,

написанному Дубсан Данзаном, ученым ламой, отмечается, что такое почитание наблюдается и в ламаистских культурах, в которых чрево матери почитается как "емстилище рода" и играет какую-то чудодейственную роль при заклинаниях.²

На фоне подобных культовых верований могло развиваться представление о числе 9 как о священном, магическом элементе. В общей системе верований, связанных с 9, очевидно, можно назвать и геру в магическую силу слова 9, которая и положила начало традиции наречения личным именем 9 /в калмыцкой антропонимии это имя Йисн/. Йисн - широко распространенное личное имя, причем очень древнее. В "Сокровенном сказании" - литературном памятнике монголов XIII в. встречаются имена Бсунтей, Бсунхей, Бсу-латун, Ясуган-Латун. В современной калмыцкой антропонимии имя Йисн отмечается, в основном, у представителей старшего поколения. У молодых оно встречается реже, что связано с новыми тенденциями в развитии национальной калмыцкой антропонимии, сужением традиционного именика. Но тем не менее это имя - живое явление в системе именования и бытует не только в указанной огласовке, но и в виде производных форм Йисн, Йислда, Йисн. Соответственно сохраняются и отчества и фамилии от этого личного имени: Есинович, Исеевич, Есинов, Исеев, Исеяев.

Менее конкретно символическое содержание в числах 3, 5, 6, 8, которые также встречаются в калмыцкой антропонимии /личные имена: Курви, Тави, Зурхан, Нээми/. Но в конечном счете и они обязаны своим происхождением древнейшим верованиям. Представления о сущности жизни как о единстве трех элементов /земли, воды и неба/ составляют основу религиозных учений. Например, в христианской религии идеи бога-отца, сына и святого духа связаны с идеей семьи как основы всего сущего в мире. Тринединная сущность семьи

/мать, отец, ребенок/ представляет собой своеобразную микромодель мира, всего существующего на Земле. Идея Жизни вообще, как мирового процесса, отражена в таком представлении. Единство 3-х элементов осознавалось древними как обязательное условие жизни. Основываясь на таком понимании мира, очевидно, эту идею люди включили в систему магического мотива именованья с числовым понятием 3, считая его символом возмездности и постоянства жизни. Идея 3-х может быть связана с мифологическим представлением о том, что мир будто бы разделен на 2 мира: на мир здешний и потусторонний. Это общее положение характерно для мифологии разных народов. Но иногда идея 2-х миров может трансформироваться и тогда "концепция двух миров развивается в представление о трех мирах: нижнем, среднем и верхнем".⁵

В древнеиндийском гимне Агни /У1, XII/, одному из главных богов ведийского пантеона, находим такие строки:
Царь жертвенной соломы, хотар посреди дома*
Бича повелитель, Агни, принести готовый жертву обоим мирам /т.е. земле и небу/.

/Дело в том, что согласно ведийским представлениям, Агни своим племенем передает жертву от людей богам, с чем связана его функция посредника, божественного жреца/.

Далее в этом же гимне Агни воспевается как "трех виталиц /3-х миров/ хозяин":

Трех виталиц хозяин, подобный крылу, достигающему до цели.

Прими возлияния жертвенные, дары людей.

Яркое отражение таких представлений о 3-х мирах находим в калмыцком национальном эпосе "Джангар".⁶

*Хотар - один из 4-х главных жрецов ведийского жертвоприношения. - См. комментарии к книге "Поэзия и проза древнего Востока", с. 695

Вполне возможно, что число 3, в целом и понятие "3" вообще, символически отражает подобные представления древних о характере мироздания. Вследствие таких представлений в сознании людей утверждается отношение к понятию 3 как символу сверхчеловеческого, божественного начала. Отсюда и вера в магическую силу слова 3, чем, в конечном счете, объясняется и мотивировка наречения личным именем, содержащим числовое понятие 3 /имя божественной природы, имя - оберег/.

Рассмотрение конкретных причин символического толкования оставшихся незатронутыми числовых понятий 5,6,8 несколько затруднительно /в виду того, что в ряду единиц первого десятка их символическая сущность представляется менее ясной/, тем не менее природа их утверждения в качестве особых элементов именования в антропонимии, исходя из предыдущих рассуждений, по-видимому, каким-то образом обязательно соотносится с древнейшими представлениями человека об окружающем мире и о себе как части его. И поэтому не совсем убедительно мнение многих исследователей антропонимии о том, что так называемые "числовые имена" появились в языке для того, чтобы ими отмечался порядок /последовательность/ рождения детей в семье. А если это и так, то, пожалуй, это отнюдь не самое точное понимание этого явления в антропонимии. Обычай именования детей подобными именами, так сказать, для порядка /или последовательности/ рождения мог возникнуть тогда, когда уже прочно утвердилась в быту того или иного народа привычная традиция употребления "числовых" имен, потерявшая связь с определенными верованиями древних предков. Изначальное же их происхождение в корне обязательно продиктовано ранее указанными причинами космогонического и в целом общеприродного характера.

Наблюдая жизнь вокруг себя, человек, очевидно, обращал внимание не только на видимые природные явления, но и определенные закономерности, факты жизни его самого как биологического существа откладывались в его сознании со всеми закономерностями, исходящими из его биологической природы. Так, например, совершенно конкретны в мировоззрении человека 5 чувств, 5 разумов, связывающие его с окружающим миром. "Пятью источниками" ума человека являются известные 5 чувств: осязание, обоняние, слух, зрение и вкус. Представления древних о своих чувствах как сосредоточении жизненной силы находят свое отражение в различных обрядовых и магических актах, всевозможных сакральных действиях, связанных с убеждением об особой роли органов чувств. Отражение таких представлений о глазах, отношение к глазам как к сакральному объекту обнаруживается, например, в ряде пережитков европейских, западносибирских и енисейских ненцев, у савомов, юкагиров, ингансан, эскимосов, чукчей и других народов тундровой зоны. В работе Ю.Б.Симченко "Культура охотников на оленей Северной Евразии"⁷ очень подробно описываются такие элементы мировоззрения этих народов, связанные с представлениями об исключительной роли глаз. Обязательным обрядом при убийстве дикого оленя у северных народов было вырезание оленьих глаз и предание их земле. ~~Земля-мать понимается как творец~~ всего живого. Факт возвращения Земле глаз животного связан символически с идеей воспроизводства животных, необходимых для жизни человека. В 36-й руне Калевалы, где рассказывается о том, как Куллерко узнает о смерти своей матери, есть такие строки, в которых он, оплакивая мать, говорит:

"Мать ты добрая, родная.

Что оставила ты сыну,

На земле живя на этой?

На глазах твоих стою я...⁸

Понятие "стоять на глазах" в этом контексте – свидетельство древних верований финнов в глаза как объект исключительной важности и необходимости, дарованный природой.

Опираясь на данные Симченко и "Калевалы", можно предположить, что не только одно из указанных чувств было объектом поклонения у древних. Пять чувств – основа взаимоотношения человека и природы. Это достаточно четко обозначалось человеком всегда.

В "Джангаре", калмыцком национальном эпосе, при описании битвы Санала, эпического героя, с богатырем Одном так рассказывается о ратной силе Санала, сокрушившего врага:

Ринулся на Одона Санал,
Щеки запылали как жар.
Хлынула к сердцу кровь, горяча.
Со всего размахнулся плеча –
Страшный нанес Одону удар.
70 пуговиц грозной брони
/Плотно застегнуты были они/
Разлетелись, как голубки.⁹

Возвращаясь к мысли о древнейших космогонических представлениях человека, о его понимании мироздания в целом, необходимо отметить, что в религиозных верованиях разных народов оно нашло неодинаковое отражение. Так, например, у народов мусульманского мира отмечается объемное представление об окружающем мире – четыре стороны света, верх и вниз /мир верхний и нижний/. В якутском олонхо "Ниргун Боотур Стремительный" Земля изображается как восьмикрайний мир в окружении 8 ободов¹⁰.

В основе буддийского учения также лежит представление о восьмеричном пути, пройти который предначертано всему сущему на Земле. У калмыков отражение такого представления находим опять-таки в эпосе "Джангар", в котором прохождение этого восьмеричного пути связано со все-

возможными страданиями.

Герой должен на 8-й день встретиться с противником, который побеждает его, восьмикратные мучения побежденно-го в аду с последующим высвобождением оттуда.

В основе шаманистских верований представление о Земле — тоже как о восьмикрайной, восьмиободной.

Символическое толкование цифровых понятий IО и II не встречается. Далее, I2 и I3 почти у всех современных народов имеют равнозначную семантику: I2 — несомненный символ I2 месяцев года, число I3 /"чертова дюжина"/ несет в себе отрицательное содержание зловредного начала, нарушающего закономерность. Не может быть I3 месяцев в году, а если бы такое случилось, это в представлении древних связывалось, по-видимому, с понятием зла, бедствия, как, например, падение кометы, затмение луны и солнца, — одним словом, напасть на человечество.

Практика использования числовых понятий в качестве определенных символов постепенно привела к тому, что люди стали употреблять эти числовые понятия уже в отрыве от изначальной их символики в удвоенном, утроенном, удесятеренном виде, что также нашло отражение в разных формах духовной культуры: мифологии, эпосах, сказках, пословицах, поговорках и т.д.: в тридевятом царстве, в тридесятом государстве /в сказочных зачинах/, 33 богатыря в русской сказке, в калмыцком эпосе 6000 и I2 богатырей Джангара и т.д.

По этой же причине в силу действия традиции называть человека "числовым" именем в антропонимии появились личные имена, в основе которых — числовые понятия, отмечающие десятки. У калмыков это уже названные в начале статьи имена Арван, Хорин, Гучин, Джиринтя, Даланта, Найнта.

Таким образом, разряд личных имен, в основе которых определенные числовые понятия, возник в истории человечества в глубочайшей древности и рассматривать его воз-

никновение и становление в качестве антропонимической традиции необходимо с учетом общей системы мировоззрения, существовавшей на заре человеческого общества.

-
- 1 Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.-Л., 1950, с. 296-303
 - 2 Из "Ригведы". Гимн времени. XIX, 53. - Сб. "Поэзия и проза древнего Востока". М., Изд-во "Художественная литература", 1973, с. 394-395
 - 3 Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. М., 1978
 - 4 Лубсан Данзан "Алтан Тобчи" /Золотое сказание/. М., 1973, с. 353
 - 5 Кичиков А.Ш. Исследование героического эпоса "Джангар", Элиста, 1976, с. 71
 - 6 Там же, с. 70-75
 - 7 Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976, с. 244-245
 - 8 Калевала. Изд-во "Художественная литература", М., 1977, Руна 36-я, с. 432
 - 9 "Джангар". Песнь 3-я. О подвигах богатыря Строгого Санада
 - 10 "Ниргун Боотур Стремительный". Якутский героический эпос олонхо. Якутск, 1975, Песнь первая /Эпиграф/. Жуковская Н.Л. Семантика чисел в кадымском эпосе "Джангар". - В кн.: "Джангар" и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов" /Материалы Всесоюзной научной конференции. Элиста, 17-18 мая 1978 г./ М., 1980, с.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НЕКОТОРЫХ
ИМЕН У КАЛМЫКОВ

"Личные имена соци-
альны все и всегда"

/В.А.Никонов/

Личные имена у калмыков /особенно употреблявшиеся в прошлом/ многочисленны и многообразны, что обусловлено различными факторами традиции, истории и культуры их носителей. Они /личные имена - Г.Б./ больше, нежели имена нарицательные, зависят, - пишет А.В.Суперанская, - от экотралингвистических факторов, в связи с чем регулируются не всецело законами языка, но и некоторыми социальными, прилическими и историческими закономерностями". /Г,9/. Так, калмыки в прошлом, как в период их пребывания в Центральной Азии, так и позже на Волге, вступали в контакты с другими народами, что обуславливало процесс языкового заимствования друг у друга, в том числе и такой группы лексик, как личное имя. Этому способствовали и традиция наречения именем ребенка. Например, было достаточно, если во время пребывания гостя или путника в семье родился ребенок, чтобы наделить последнего именем гостя или путника. Видимо, поэтому у калмыков встречаются имена самого различного происхождения, прежде всего тюркского и русского.

Другим источником личных имен у калмыков было влияние тибетского языка, которое шло через переводные книги и монастыри, но таких имен не так много.

Богатейшим был арсенал личных имен исконно калмыцкого происхождения. В них-то больше всего и обнаруживаются традиционные мифические, суеверные представления, чаяния

желания калмыка при наречении ребенка. Исконно калмыцкие личные имена практически могли быть образованы от любого слова, обозначающего различные предметы действительности, топонимических наименований, названий животных, частей их тела и масти, растений, а также от слов, обозначающих признаки, свойства, количество, действие.

Для иллюстрации чего приведем некоторые личные имена со значениями их апеллятивов. Бух "бык-производитель", Хон "овца", Таке "курица", Кичг "щенок", Уннн "жеребенок до года", Малч /скотовод, пастух/, Нохн "собака", Бахв /свинья/, Арслц "лев", Чон /волк/, Хамр "нос, холм", Тохв "локоть", Чирэ "лицо", Кэлтэ "с ногой", Альмн "яблоко /плод, дерево/", Зегстэ /от зегсн "чакан"/, Цаста "снежный, со снегом", Булг "источник, родник", Сала "балка", Махла "шапка", Деш "наковальня", Темн "большая игла", Жола "возжи", Шар "желтый", Бор "серый", Хо "светлый", Баатр "богатырь", Байн "богатый", Тавн "цать", Долан "семь", Дече /от дечн "сорок"/, Зула "темя", Толна "голова", Нарн "солнце", Салькн "ветер" и т.п.

Вместе с тем, несмотря на неограниченный характер употребления нарицательных имен в качестве собственных, обращает внимание непродуктивность некоторых групп слов как качество личных имен. Например, малопродуктивны слова, обозначающие неполноценные, лишенные жизненных сил — холощенных животных: ати "холощенный верблюд", ирг "холощенный баран", пар "рабочий вол" и др. Не удалось обнаружить личное имя, образованное от керэ "ворона".

Совершенно естественно, что у калмыков отсутствуют личные имена, образованные от названий болезней. Хотя многим народам свойственны личные имена, выражающие понятия "болезнь", "смерть", например, немецкое Кгаик /от кгаик "больной"/, русск. Смертин /от смерть/. Даже такое

широко распространенное у других монголоязычных и тюркоязычных народов слово, апеллятив которого обозначает "цветок", в калмыцком произношении или созвучно, или полностью совпадает со словом, обозначающим такую болезнь, как "оспа", срав.: цецг~цецгэ "цветок", цецг "оспа", поэтому оно в качестве личного имени у калмыков не встречается. Зато у монголов цэцэг "цветок", особенно в сочетании с другими словами: Мөнхцэцэг "вечный цветок", Алтанцэцэг "золотой цветок", Цэцэг "цветок" очень часто встречается как женское имя.

Не было у калмыков личных имен, образованных от имен богов. Для калмыка казалось кощунством нарекать простого человека, даже если он относился к высшему сословию, именами богов. Единственное личное имя Очр, которое часто встречается, было заимствовано из санскритского и передавало значение "жезл". Исключено было использование в качестве личных имен слов, обозначающих нечистые силы. Они могут употребляться при характеристике человека в ругательных выражениях. По той же причине не могли быть личными именами слова сүлд "гений-хранитель", сүмси "душа". Вместе с тем не встречается личное имя от ажрһ "жеребец". Слово же арат "лиса" может употребляться только как прозвище, характеризующее хитрость, ловкость того или иного человека, но не может быть использовано как имя. Причина — слишком широко распространено нарицательное значение слова. Не встречается личное имя от слова туула "заяц", по-видимому, оно не популярно в качестве личного имени из-за своего содержания, выражающего трусость обозначаемого объекта — зайца. Не могло употребляться в качестве личного имени и слово моһа "змея", из-за отношения носителей языка к обозначаемому этим словом референтом — змее как гадкому, неприятному существу. Но нами записано имя Моһат /от моһа/, которое, как выяснилось, было дано чело-

веку по названию местности Mohat, где он родился. Не служит личным именем и слово домбр "домбра". Вполне допустимо, что сложению такого представления способствовал омоним слово домбр, которое обозначает "неимущий, бедный, не имеющий ничего, кроме своих рук". Сохранилось как компонент парного слова доск - домбр, значение то же.

Для калмыцкой антропонимии характерны и так называемые имена с негативной окраской. Например, очень распространенными были имена: Ноха "собака", Нохашк /от ноха/, Наха "свинья", Така "кураца", Мекле "лягушка", но еще больше было имен, связанных со словом му "плохой", например, Му, Муура, Муушк, Муучка, Мууха, Мууза, Муута, Муутла, Муула, Муутланк, Муузна, Муузра, Муудра, Мууча, Мууша, Муухла, Мууна и т.п. Кроме того, встречаются имена: Му Кевун "плохой мальчик", Му Күүки "плохая девочка", причем последнее могло быть и мужским, поэтому и бытует ныне фамилия Мукюкенов. Образуются личные имена, состоящие из двух компонентов, первый из которых составляет слово му, а второй - личное имя, наиболее часто Манд: Му Манди букв.: "плохой Манди". Сочетаниями, усиливающими негативное значение компонента му являются Му Хар "плохой черный", Му Ноха "плохая собака". Но равнозначным с му по степени негативности является слово хар "черный", этот цвет обычно связывается в представлениях калмыков с темными, грязными, неприглядными явлениями. Слово хар выступает как самостоятельно, так и, особенно в сочетании с другими словами, в качестве личного имени: Хар, Хара, Хар Кевун, Харка, Харда, Харла, Хариц, Херта, Хардун, Харлу, Хардаш, Харака, Харгча; Хар Кевун "черный мальчик", Хар Күүки "черная девочка", Хар Ноха "черная собака", Хар Манди "черный Манди", Хар Дорд "черный Дорджи" и другие. Показателее, наиболее показательными являются имена Беаста "испачканный калом", Шеасте "облитый мочой". Наречение

такими именами и было одним из "способов обмануть злых духов - давать ребенку отталкивающее имя, с таким значением, как "негодный", "вонючий" и т.п. в расчете, что злой дух такого не возьмет". /2,29/. Можно встретить имя Согту "пьяный", которое, по-видимому, также должно было отпугивать злых духов. Не случайно существует поговорка Согтунас халзу ээдг "пьяного и бешеный боится". Другой, но сходной с этой причиной было желание оберечь от "дурного глаза".

Однако, если бы личные имена калмыков состояли только из подобных приведенным выше, то калмыцкая антропонимика представляла бы весьма мрачную картину. Противоположный полюс составляют имена, указывающие на силу, мощь, например, нарекая ребенка именами: Баатр "богатырь, выносливый", Темр "железо", Болд "сталь", Чолун "камень", Сук "топор", Арслд "лев", Чон "волк", старшие родственники, обычно родители, желают ребенку быть выносливым и сильным, крепким, как железо, сталь, камень, мощным как лев, волк. Правда, иногда это простое наречение по имени другого человека, как правило, родственника, прославившегося или отличившегося своими делами, добрыми человеческими качествами. В любом случае присутствует то же самое желание - отпугнуть или обмануть злых духов, но уже, показывая, не "негодность", "вонючесть", а на предметы или животных, которые победить не под силу никому. По крайней мере так было первоначально.

Несколько особняком стоят личные имена - пожелания, в которых выражены надежды на счастье, радость, богатство, мир, благополучие. Поскольку калмыки видели счастье в первую очередь в детях, семейном благополучии, то такого рода именами - пожеланиями надеялись представители женского пола, от которых во многом зависело исполнение

жизненной мечты и чаяний калмыка. Поэтому такие имена, как Сээхе "красота", Дирһл "счастье", Амулдц "мир, благополучие", Төвкэ /от төвк "мир, спокойствие"/, Байн "богатый", Бая /от байн/, Байжх /от байн/, Байр "радость", Байрха /от байр/, являются, как правило, женскими.

К числу слов, которые используются в качестве женских имен, относятся названия некоторых зверьков с красивым, пушистым, нежным мехом. Наиболее распространенными являются Буһһи "соболь", Буһһа, Буһһаш от той же основы, Кермен "белка", Кермеш от той же основы, а также ласкательные формы Кеемэ, Кеемеш. Но основной причиной наречения названиями таких животных является их пушистый хвост, олицетворявший в понимании калмыков продолжение деторождения. Женским было имя Ялми "тушканчик", хотя оно не так распространено. Из названий птиц и деревьев употребляется Торһа "заворонок", Харада "ласточка", Аһьми "яблоко". Употребление этих и аналогичных им имен для девочек обусловлено не только представлениями калмыков о внешней и внутренней красоте, мягкости и приятности характера представителей женского пола, но и прежде всего тем, что личные имена входили как один из компонентов системы воспитания новых поколений людей, поскольку семантика апеллятивов хотя и не имела значения для имени и не обозначалась как самим носителем, так и окружающими, но каким-то образом присутствовала.

Деление исконно калмыцких личных имен на мужские и женские относительно, оно основано на социально-психологической дифференциации имен по семантике и сложившейся традиции их употребления. Однако в отношении подавляющего большинства имен нет гарантии, что они не могут быть использованы в качестве имен для мужчин, по-видимому, из желания обмануть злых духов, выдавая мальчика за девочку. Например, Ноһала "зайчонок, родившийся весной" является

типично женским именем, но встречаются мужчины с таким именем.

Пожелания, выраженные семантикой личного имени, не всегда относятся к его носителю. Известно, что калмыки, как и многие другие народы, любили детей, многочисленность которых воспринималась как счастье. И тем не менее бедность простого человека, граничащая с крайней нищетой, неспособность прокормить детей заставляли, видимо, иногда думать при наличии, например, десяти и более детей об их ограничении. Тогда давали имя ребенку Сул "последний" или Суулэ /производное от сул/, несколько красивое по звучанию, а главное по значению – Отхи "самый младший" или Болха /от болх "достаточно, хватит"/. Такие имена значением своих апеллятивов самым непосредственным образом выражают желание родителей, а чаще старших родственников родителей, привлеченных для наречения именем. Правда, такими именами нарекали не всегда из желания, чтобы больше не было детей. Нередко ими наделялись девочки, если в семье рождались дети женского пола. Причина – нежелание иметь девочек. И это понятно, если учесть, что в дореволюционных условиях мальчики были более предпочтительными по многим мотивам. Сын – опора отца, едва достигнув подросткового возраста, а на деле сравнительно раньше, помогал зарабатывать, кормил себя и семью. Да и позже, когда наступала пора жениться сын мог заработать сам свадебные вещи, а дочь же всегда нуждалась в помощи родителей.

Однако жизнь диктовала свое. Нередко встречаются младшие сестры у людей с именами Суулэ, Отхи, Болха и др.

Одной из особенностей личного имени калмыков является встречающийся иногда случай параллельного существования двух и даже трех имен одного и того же лица. Например,

назвали мальчика именем Цэрн, но называли его Манз, а о существовании первого имени мало кто знал, оно было зарегистрировано, как выяснилось позже, в документах. Бывают случаи, когда первоначальное имя впоследствии забывается из-за редкого употребления. Случай использования двух имен у калмыков отмечено М.У.Монраевым, который писал, что "основное, данное при наречении зурчачи /астролога/, а второе имя - прозвище, появление которого связано с религиозными предрассудками и другими различными мотивами" /3,64/. Когда же второе имя было прозвищем, то по существу не было никаких других причин, кроме обращения не по имени, а прозвищу, отражающему характерные для индивидуума черты или свойства. Это чаще всего могло быть на стадии детства и юности человека. Два или даже несколько личных имен было обычным явлением для калмыков, поскольку из-за табу личных имен родная мать не могла произнести имя своего ребенка. Кроме того, некоторые незначительно отличались от основного имени, например, человека с именем Лиж /мужское имя/ могли называть Ижэ, Дорж - Дорж, Кермен - Кеэмэ.

Таким образом, параллельное употребление двух или более имен - явление, характерное для калмыцкой антропоники, поэтому по мере расширения контактов с русскими и другими народами нашей страны для удобства общения возникали русские имена параллельно с калмыцкими, часто созвучные со вторыми.

К особому разряду можно отнести личные имена калмычек, получаемых ими при выходе замуж. Как и у некоторых других народов, девушки-калмычки до выхода замуж имели девичье имя, а при выходе замуж получали новые имена, которые могли быть обычными именами, например, Керми "белка", Булһн "соболь", Дулахн "тепленый", Чеевэ - личное

имя. Но в подавляющем большинстве случаев – это имена-пожелания, причем последние, как правило, недвусмысленно выражали наилучшие, с точки зрения надеявшего именем, пожелания как самой невесте, так и особенно новой семье, вкладывались чаяния и мечты, которые диктовались конкретными условиями жизни. Какие могли быть наиболее характерные мечты у простого народа. Это в первую очередь – счастье, которое видели в благополучной и спокойной жизни, взаимном понимании, мире и дружбе, в многодетности, богатстве. Поздравляя молодоженов, произносили благопожелания, содержащие и такие слова: Хормацирн дүүрц күүкдтэ болтн, хотар дүүрц малта болтн "Пусть будет детей полон подол, скота полна стойбище". Не случайно поэтому невесток надеяли такими именами-пожеланиями, как Лирл "счастье", Өлзэ "счастье", Өлзэт "счастливый, счастливая", Амулц "мир, спокойствие, благоденствие", Сэн Цаг "хорошее время", Төвкэ "спокойствие", Амр "легкость, спокойствие", Байдх "разбогатеть", Байн "богатый, богатая", Мөнкт "имеющий деньги", Намжд – собственное имя /от нам "тихий, спокойный" суффикс-жд/, Герлэ /от герл "свет"/, а также производные от этой основы Герлэш, Гернэл, Хваалн "путь, дорога" и другие.

По способам грамматического оформления, а нередко и по лексическому содержанию аппеллятивов эти имена ничем от обычных имен женщин могут быть отличаться, но несут новое значение, обусловленное их социально-психологической функцией, указывающей о посвящении жены, о начале принципиально новой жизни, о необходимости психологического осознания произошедших в жизни изменений. Причем наречение новым именем невесты сопровождалось соответствующим ритуалом. Например, поздравление невесты, которое сопровождалось, в частности, и подношением ценных подарков,

а также сама свадьба со всеми своими обрядами служили целям психологической подготовки к новой жизни как невесты, так и жениха.

Все эти обряды заканчивались тем, что замужние женщины расплетали девичью косу молодой, делили волосы на две половинки и заплетали их в две женские косы, уклады- вали в шивирдики /чехлы - Г.Б./ и спускали вниз вдоль обеих сторон груди; молодую одевали в полный костюм замужней женщины". 74, 199/.

Все эти традиции во многом утратились, но местами еще сохраняются, правда, уже в значительной мере в моди- фицированной форме. В частности, наречение новым именем женщину при выходе замуж также сохраняется, но большей частью формально. Так, если раньше новое имя невесты ста- новилось настоящим, а девичье имя нередко забывалось, осо- бенно, если девушка выходила замуж в далекое от родного дома место, то сейчас новым именем называют обычно только родители мужа /и то старшего поколения/. Это обусловлено, во-первых, отношением к этому явлению как анахронизму; во-вторых, устойчивостью девичьего имени, которое офици- ально признается, записано во всех документах, начиная от свидетельства о рождении, школьных тетрадей до докуме- нтов, получаемых после совершеннолетия.

На основе вышеизложенного о калмыцких личных именах можно заключить:

1. Исконно калмыцкие личные имена могут быть образо- ваны от самых различных слов: названий животных и частей их тела, растений, домашней утвари, одежды, абстрактных понятий, чисел, цветовых наименований, а также от слов, обозначающих различные качества.

2. Выбор того или иного личного имени определяется социально-психологическими, морально-этическими причина-

ми, традицией, а также желаниями родителей или старших родственников.

3. Наиболее рельефно выделяются следующие группы имен:

а/ широко распространенными были в прошлом имена типа Ноха "собака", Хаха "свинья", Така "курица", Му "плохой", Бааста "грязный" и т.п., которые первоначально возникли желанием отвлечь взор нечистой силы тем, что объект не привлекателен;

б/ довольно часты личные имена, которые показывают бесстрашие, мощь Арслэ "лев", Чон "волк", Болд "сталь", Тэмр "железо"/;

в/ определенную группу составляют имена-пожелания типа Сэнцаг "хорошее время", Амулц "мир, благополучие", Сүүлэ /от сүл "последний"/, Отхи "самый младший", а также иносказательные пожелания, как Кермн "белка", Булһн "соболь";

г/ специфическую по своему содержанию группу имен-пожеланий составляют личные имена, присваемые молодой невестке при выходе ее замуж.

4. Анализ показывает, что существуют определенные ограничения в выборе личных имен некоторой части лексики, обозначающих, например, ползучих, букашек, болезни, холодных животных и др. И это обусловлено определенными представлениями общества об этих явлениях.

1. Суперанская А.В. Структура имени собственного /Фонология и морфология/. М., 1977.

2. Никонов В.М. Имя и общество. М., 1974.

3. Монраев М.У. Некоторые вопросы калмыцкой антропонимики. — Ономастика Поволжья. 2, Горький, 1971.

4. Эрдниев У.Э. Калмыки. Элиста, 1970.

АНТРОПОНИМИЯ КАЛМЫЦКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Сказки — древний жанр калмыцкого фольклора, в котором нашли отражение мировоззрение народа, его эстетические представления. Сказка является неиссякаемым источником народной фантазии, в текстах которой отражена живая человеческая речь, ее отдельные словесные элементы. Но особое место в ней занимает своеобразная антропонимика, заслуживающая внимания и изучения.

Круг персонажей калмыцкой сказки обширен — это представители различных слоев народа, фантастические образы, животные. Имя героя волшебной или богатырской сказки становится известным уже в зачатке сказки: Кезенэ санжи. Ах ду һурвн бөөд. Ик ахинь нерн-тави жиле юм тааж меддг, арви жиле юм ээлдэ меддг Кункэ Алтн Чееж бөөд "Давным давно это было. Жили три брата. Имя старшего было Ясно-видец Золотая грудь, предугадывающий события на пять лет вперед, предсказывающий события на десять лет вперед. Кеземэ бөөд. Нег орн нутгин хана түшмл болж Зара гидг күн бөөд. "Давно это было. Жил человек по имени Зара, который был сановником в своем нутуке при хане".¹

Имена персонажей указывают на те или иные особенности фольклорного героя, его способности, социальную принадлежность, на возраст. Однако, имена некоторых героев носят характер прозвищ. К вымышленным сказочным именам относятся такие имена, как Сэр, Сэнэке, Нусха му, Жуург, Порда. Многие сказочные вымышленные имена основываются на игре слов. Например: Арж Бурж хан. Кезенэ санжи. Алтан ар бийд нутукт алдр Шиддр хаана көвүн, һүнн настэ Жиддр гидг

көвүн бээж. "Это было давным-давно. На северной стороне Алтая жил сын великого Шиддр хана, у которого был сын трехлетний Джиддр". Игра слов Шиддр - Джиддр; Бош көвүн Тош хотлыгта "Бош, у которого стрела Тош".

Собственные имена носят многие персонажи сказки - родители героя, его сестры, невеста богатыря, его враги. Часто в сказках обозначена социальная принадлежность героя: байн "богатый", енчи "сирота", угата "бедный". Обездоленный герой волшебной сказки именуется как Нуска Му "сопливый плохой", Хождр "плешивый", Саак "тот же самый".

В богатырских сказках распространены имена, компонентом которого являются титулы баатр "богатырь", мерген "меткий стрелок". А.И.Уланов отмечает, что в сказаниях о борьбе богатырей с чудовищами чаще всего герой называется батормом. Слово "батор" в тюркских и монгольских языках обозначает "богатырь"; слово мерген "меткий" связано с понятием "лук" и "стрелья". Определение мерген встречается в эпосе якутов, тувинцев, хакасов и других народов, оно стоит на втором месте после слова батор.² В калмыцких богатырских сказках второй частью имени является титулы баатр и мерген: Дамбин Улан Баатр /богатырь Дамбин Улан Баатр/, Чиддр Баатр /богатырь Чиддр/, Шарада баатр /богатырь Шарада/; мерген - Харада мерген, Шарада мерген, Уладай мерген. Вместо них нередко встречаются также слова көвүн и күн: Нал хаана Отхи Шар көвүн - сын хана Огня. Отхи Шар, Сәрсен бортх девлте Сәр гндг көвүн - Мальчик по имени Сяр, у которого был овчинный тулупчик; Семьке гндг мекч күн - Хитрец по имени Семьяка.

Первая часть сказочного имени Отхи Шар - свидетельствует о почитании монгольскими народами огня, так как младший сын именовался отхи "хан огня" и считался хранителем семейного очага.

- Поэтике богатырской сказки характерно наряду с име-

нем упоминать имя и масть коня. "Алг мөртө Амн Цаһан"
/На пегом коне Амн Цаган/, "Шарһ мөртө Улажин Мергн"
/На соловом коне Улажин Мерген/.

Структура собственного имени в калмыцких сказках состоит из одного, двух, трех компонентов/эпитетная часть имени - собственно имя-показателя богатства - титул/: Догши Хар баатр /Свирепый черный богатырь/, Ёовһн мергн баатр /Богатырь пеший стрелок/. Ммя героя и масть коня: Аһнь Ал мөртө Амн Цаһан, Ха алг мөртө Харвада баатр, Ут шарһ мөртө Улажин Мерген, Ха алг мөртө Хатуч хан.

Именам героев характерны цветовые обозначения, наличие в их именах таких цветов, как шар "желтый", хар "черный", улан "красный", цаган "белый". Эти цвета пользовались особой популярностью у монгольских народов и каждый из этих цветов имел свою символику: белым цветом характеризуются вещи и явления с их положительной стороны, ему противостоит черный, который ассоциируется с темными силами, образы, связанные с этим цветом, являются отрицательными. Синий цвет символизирует вечность, голубое небо и окружающую природу. Красный цвет напоминает о вечном теплом луче солнца, о красоте природы, о человеческом счастье. Имена богатырей, в которых есть обозначения цветов одно- дву- и трехсоставны: Дамбин Улан Баатр, Шарвада баатр, Догши Хар Баатр, Шар Гюргю, Харвада Мерген, Буурул Хар Баатр Борлдаш. При описании внешности человека в калмыцком языке используют словосочетания, в которых определяющее место занимают цветовые обозначения: түүкә шар - говорит о человеке полноватом и светлым, нарһи хар - говорит о человеке стройном и смуглом, хар улан асхрне - излучает красный и черный цвет - говорит о красоте девушки или о человеке здоровом. Таким образом, в сочетании цветов при описании портрета человека отразились народные представления о красоте и силе.

Имена героев богатырской сказки имеют свои эпитетные определения, такие как Эрин сайн "лучший из богатырей, мужей", Эрин сэн Сэнэке "лучший из мужей Сеняка", Эрин сэн Эдг "лучший из мужей Эдг". Имена героев богатырской сказки нередко являются тибетскими по происхождению: Басцг, Бадм, Манджи, Саяджи, Чияид, Эрдни, Бамба.

В сказках, опубликованных Г.Рамstedтом, герой именуется как Иестир³ "девятый", в современной калмыцкой антропонимике распространены числовые имена Лучи, Тави, Арви, Долан, Йисн, Нээмн, от числовых имен образовались фамилии: Гучинов, Исенов, Найминов. В сказочных антропонимах дается оценке каких-либо внутренних качеств героя или его внешности. Уурта хан - злой хан, Залху эвги - ленивый старик, Сохр хан - слепой хан. Второстепенные персонажи сказки выступают в качестве помощников богатырей, поэтому они обладают волшебными свойствами. Они умеют управлять природными стихиями, что отражается на их имени. Герой, который умеет все слышать именуется как Чикне кевун Чингнухе - сын уха, богатырь, который родился у хатов воды именуется как сын воды - Уульха⁴ /"плачущий"/. Как видно из примеров, имена героев строятся на ритмике слова. Отголоски тотемизма получили отражение в антропонимах: Аю Чикте "медвежья уши" и Аюфия кевун Алвт Хар "Сын медведя Алват Хар".

Таким образом, антропонимия калмыцкой сказки обширна и разнообразна, и каждый жанр сказки стремится иметь свои антропонимы: в волшебных сказках употребляются имена сказочные и фантастические, с неясной этимологией, сказки богатырские изобилуют именами - титулами, имена иноязычного происхождения характерны бытовым сказкам. Итак, сказочные имена являются в некоторой степени отражением и источником пополнения калмыцкой антропонимии.

1 Хальмг туульс. Элст, 1961, с. 25.

2 Уланов А.И. "О проблемах изучения улигеров". - Сб. "Традиционный фольклор бурят". Улан-Удэ, 1980, с. 6.

3 Ramstedt G. J. *Kalmukische Marchen*. Helsinki.

4 Ramstedt G. J. *Kalmukische Marchen*. Helsinki.

О СЛАВЯНСКО-ТУРСКО-МОНГОЛЬСКИХ
СЕМИОТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ

/На материале "Слова о поюку Игореве"/

1. БОСЫЙ ВОЛК

Особого внимания в языке памятника заслуживают те слова и выражения, которые являются или редко встречающимися в других древнерусских текстах, или гапаксами. Определение "босый" — гапакс "Слова". Но относя "босый" к словам, зафиксированным только в одном этом произведении, нельзя быть до конца уверенным в том, что слово "босый" в действительности не существовало в более широком употреблении. Наша задача рассмотреть данный эпитет со стороны его этимологии, семантики и бытования.

Игорь... "въврѣсея на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ вълкомъ",...¹

Босымъ — членное прилаг. м.р. тв.п. ед.ч. По поводу заинтересовавшего нас сочетания "босый волк" высказано немало предложений, накопилась большая исследовательская литература. Но мы не ставим своей задачей исчерпать собранный обширный материал, а позволяем себе напомнить лишь некоторые известные сведения, которые могут облегчить выбор более корректного истолкования сочетания. Наш подход к проблеме таков — попытаться разрешить ее в результате синтеза исследования мифологических верований и лингвистического анализа. Мы ищем объяснения определению босый² /волк/.

Многие исследователи, вслед за В.И.Далем, видели в эпитете "босый" обозначение определенного цвета — серого. И так как диалектный материал в русском языке отмечает слово "буосый" со значением "серый, дымчатый, бурый",

принималось чтение "бусый" /Словарь-справочник, вып. I, с. 78-78/³. Ф. Миклошич, Ф. Е. Корш, А. Г. Преображенский выступали за тюркскую этимологию прилагательного "бусый". Впервые за тюркский источник заимствования высказались А. К. Казембек и И. Н. Березин /см. "Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики". СПб., 1854, II-III, с. 36, 190/. Ф. Е. Корш придерживался подобного мнения лишь некоторое время, в конечном счете им было принято чтение "бусый"⁴. П. Медиоранский считал, что заимствование могло быть более вероятным при чтении "бусый", сам отстаивал чтение "бусый". В не так давно вышедшем словаре Е. Н. Шиповой⁵ оба слова "босый" /с. 37/ и "бусый" /бусой/ отнесены к тюркским заимствованиям в русском языке. Первое приводится в сочетании "босый волк" с указанием на толкование В. А. Гордлевского: босый волк - тюркский тотем; второе с пометой "областное" со значением цвета "серый, пепельный". Нерусским кажется слово "бусый" /серый/ и М. В. Щепкиной. До сих пор точки зрения большинства исследователей совпадали в том, что эпитет "босый" или "бусый" - одно и то же прилагательное, обозначающее цвет. Спор в основном шел вокруг орфографии определения. Но М. В. Щепкина думает иначе: "босый" и "бусый" по семантике совершенно различные слова. Как видим, в науке не было недостатка в трудах, посвященных рассматриваемому эпитету.

Но несмотря на большое количество исследований многое в его объяснении остается еще пока не до конца выясненным. Например, семантика и этимология лексемы. Итак, тюркизм ли эпитет "босый"? T. Torbigtzson, позже "Этимологический словарь славянских языков" фиксирует наличие прилагательного *bozъ-jъ* 'босой, неподкованный, голый' в праславянском лексическом фонде. С таким же значением и в такой же форме слово существует во многих славянских языках: ст.-сл. бось, болг. бос, диал. бос; макед. бос, сербо-хорв. бос, словен. bôc, чеш. bozъ, польск. bozъ и др.⁶. По свидетельству В. И. Чернышева сочетание "босый

волк" в диалектном материале и фольклоре Покувской области отмечается в значении мифического существа – во-первых, пугали детей: "Не плачь, босый волк придет, съест тебя.". "Не бегай к речке, там тебя босый волк подхватит"; во-вторых, оборотня-волшебника: волк, действующее лицо в одной из сказок, обращается в принца, и, наоборот, серым волком иногда оборачивается в сказках молодец. В некоторых сказках серый волк – добродетельная фигура, помогающая герою в трудных делах; тогда определение "серый" – его "украшающий" эпитет.

"Босый волк" как мифическое существо в народной сказке сохранилось и в настоящее время. В одной записанной в Покувской области В.И.Чернышевым сказке рассказывается о чудесной столице "босого волка" – скамеечке /под иконой/, "босый волк" этой сказки также волшебный оборотень⁷. Босой в значении "волк" известно было севскому говору Орловской губернии почти до сегодняшнего дня.

Обратимся к материалу говоров той территории, где происходили события, описанные в "Слове" – Брянской области. В современных брянских говорах сочетание босый волк /в сравнении: как босый волк/ употребляется для характеристики быстро бегущего человека: "Что ты разбавляешь, как сьмашатный бегыш как босый волк"; "Как босый волк бегыть"; "У нас гаворить – как босый волк, а чила-веки, как он бягить". Применительно к волку "босый" употребляется для обозначения цвета шерсти: "Босый волк – када шерсть тиряет, вот босый волк, шерсть тиряит, шерсть збрасывает вясной, зимой был серый, а збросил – стал босый, билаватый, билавый дельица"⁸. В.А.Козырев приходит к выводу, что "сравнение как босый волк имеет в брянских говорах следующий смысл: "как подинаявший волк", переносно- "быстрый, подвижный", ... "в "Слове о полку Игореве" под "босый" следует иметь в виду специфическую окраску волка после весенней линьки, в результате чего сравнение /бо-

смысл вълкомъ, т.е. "быстро", "отрепительно" / приобретает реальный смысл". Современные диалектные данные показывают, что бытование в русских говорах эпитета босый именно в такой форме не только несомненно, но и имеет широкое территориальное распространение. Данный эпитет был не столь редким. Тот факт, что гапаксы "Слова" обнаруживаются в диалектах, опровергает предположение скептиков о них, как о словах искусственно созданных. Для изучения язика памятников древнерусской письменности современные русские народные говоры являются богатым источником: в их составе сохранили многие архаические черты. Задачи сопоставления словарного состава "Слова о полку Игореве" с современной лексики говоров... "побуждают искать решение вопроса в первую очередь у себя дома"⁹.

Наличие общеславянского прилагательного *bosъjъ*, широкое распространение словоупотребления "босый волк" в фольклоре, в современных говорах заставляют нас воздержаться от безоговорочного принятия гипотезы известного советского ориенталиста акад. В.А.Гордлевского, согласно которой 'босый' "Слова о полку Игореве" происходит из половецкого *bozъjъ* "темный"¹⁰. Сомневаться в названной этимологии нас побуждают и следующие причины. В.А.Гордлевский толкование и употребление сочетания "босый волк" рассматривал на основе изучения влияния тюркского фольклора на русский: тюркский тотем вошел в русский фольклор¹¹. Трудно согласиться с исследователем о заимствовании только эпитета, а не имени. Непонятно, зачем понадобился автору "Слова" тюркский эпитет, когда существовал искони праславянский?

В поковском фольклоре не могло быть заимствования образа как исторически, так и географически. Словоупотребление "босый /волк/" в поковских, орловских и брянских говорах общеславянского происхождения, а не заимствование: мифический образ волка таков же по происхождению. Тогда зачем понадобился бы автору "Слова о полку Игореве" образ "чужих кровей"? Древняя Русь знала собст-

венного волка — волшебника /ср. топонимику Белоруссии/. Кроме того, общеславянское "босый" на много столетий "старше" тюркского "босый" из "boz". Проникновение на Русь половецких представлений о волке В.А.Гордлевский датирует 2-й половиной II века, временем за 100 лет до создания "Слова".

Исследования последних лет показывают, что культ волка связан "о целым комплексом общиндоевропейских представлений", а более того, если учесть волка-тотема монголов и тюрков, является общевразильским: "волкоглавый" /ср. его прозвище *Bergasavi* < перс. *gurgar* "волчья голова"/ древнегрузинский царь Вахтанг I /У в. н.э./, греческий Ликаон, основавший город *λυκοῦρα*, сербохорватский Вук — Огненный Змей, способный к оборотничеству. Сюда же относятся имена — мифологического царя-оборотня, образованное от **wlkʷo* "волк", родоначальника нартов — осет. *Wurx-uc* "волк" героя Бхемы в "Махабхарате" Врикодара "имеющий брюхо волка"; тотемистические имена североамериканских индейцев¹². Волк был тотемом и у северных германцев. А.С.Фаминцын предполагает названия некоторых славянских народов /Вильцы, Хорутане /?/, Сербь /?/ Врань или Варим/ связанными с мифологическим значением названий оявленных животных волка и ворона¹³. Как видим, культ волка универсален. Общность поверья у столь отдаленных народов как турки, североамериканские индейцы, северные германцы заимствованием объяснить нельзя, здесь скорее нужно предположить типологию. Явления между собой генетически не связаны, в разных местах возникли самостоятельно, но сходны: вызваны сходными условиями общественного развития. Таким же типологическую парах — хель проводим касательно славянского и восточного образов мифологического волка. А как соотносятся между собой типология и заимствование? Одно другое не исключает, напротив, типологическая общность облегчает заимствование: однородная общественная ситуация предполагает возможность

культурных взаимодействий. Один народ заимствует у другого не только слова, но и сказания, поверья, обычаи. Однако при этом какие-либо непосредственные заимствования и влияния не всегда обязательны.

Этимология рассматриваемого определения окончательно пока что не решена. Нам представляется более вероятным его славянское происхождение. Таким же трудным является вопрос о смысле эпитета. Н.М. Дылевский определение "босый" "Слова" связывает с общеславянским и восточнославянским "bosyj" и, вслед за А.А.Потебней, предлагает видеть в "босый" слово, "имевшее в виду грубую, босую лапу хищного животного - волка"¹⁴. Не отрицая мифологического характера волка псковского фольклора, Н.М. Дылевокий выступил против такого в "Слове", давая общеславянское прилагательное "босый" в его первичном, конкретном значении - nudipes.

Примеры употребления прилагательного босый в славянских языках /ср. бол. поговорку "Да возьмеш на босия вълк цървулите" - "возьмешь у босого волка опанки, снимешь с босого волка опанки", серб. "Бос као пас" - "бос как пес" /см. В. Караджич "Српски рјечник", 1889, с. 39/ иллюстрируют значение эпитета - обнаженная, босая, голая лапа хищного животного - волка. Привлечение различных контекстов из многих славянских языков могло бы позволить более определеннее проследить в них семантические оттенки употребления слова "босой". Задача эта очень трудоемка, и мы в своей работе ограничились лишь отдельными наглядными примерами. И использованные примеры из русского, болгарского, сербского языков с прилагательным "босой", употребленным как определение к названиям животных, показывают предметное значение общеславянского прилагательного без всякого намека на тотемичность: "обнаженность ступени", "цвет шерсти или части тела" и т.д.

Есть мнение, что даже в тех случаях, когда речь идет о конкретных цветах - о сером волке или черном вороне,

не следует придавать цвету значение конкретно серого или черного. Это символы, синкретические представления, в которых цвет только переживание¹⁵ — явление, названное А.Н.Веселовским "окаменением"¹⁶. Цвет не всегда окрашивает, тем более в сращениях он играет второстепенную роль. Читая эпитеты "босымь" и "босуви" как "серый", А.М.Панченко думает, что и в этих случаях цвет — лишь переживание, что серый волк "Слова" — олицетворение прежде всего скорости и подтверждает свою мысль примерами из былин. В брянских говорах "как босый волк" в переносном употреблении значит "подвижный", быстро бегущий".

Как видим, на какой-либо одной точке зрения касательно анализа сочетания "босый волк" как единственно возможной настаивать не приходится: можно ли найти единое для всех толкование рассмотренного спорного места? Наше мнение таково, что определение "босый" вернее связывать с обозначением цвета. Основная задача рассуждения автору представлялась в том, чтобы показать, что возможность объяснения мифологического образа волка, если предположить, что "босый волк" "Слова" мифологический образ, обнаруживается и на славянской почве без заимствования. Мифологический образ волка является общеевразийской особенностью.

Волк-оборотень — это общеславянский миф, основные черты которого сводятся к следующему: 1/ прародитель — животное; 2/ необыкновенный сын рождается в последе; 3/ способен по желанию превращаться в любого зверя, связан с силами ночи, он вездесущ. Обратничество — традиционная тема общеславянского фольклора, надолго сохранившаяся во многих древних сказаниях и проявившаяся позднее в мифах о конкретных исторических лицах, например, на Руси — в мифе о полоцком князе Всеславе. Ср. точку зрения В.А.Гордлевского, согласно которой в полоцком князе Всеславе, родившемся от вдохновения, собраны элементы восточного волка-тотема. Р.Якобсон и М.Шефтель предполагают

возможность существования в дохристианское время у славян культа волка¹⁷. Анализируемое фольклорное предание отразилось в стихотворении А.К.Толстого 1840-х годов "Волк", в котором рассказывается о ведьмах, принимающих вид волков:

... "И отстреляй по ним смело,
Прежде рухнет волк белый,
А за ним упадут и другие
На озе ж, когда спящих
Всех разбудит петух,
Ты увидишь лежащих
Десять мертвых старух"¹⁸.

Материалы русского фольклора, диалектов русского и других славянских языков подтверждают орфографию эпитета в I издании и Екатерининской копии. Употребление прилагательного "босый" относительно к волку весьма уместно, это не выдумка подделывателя. Трудно принять утверждение А.А.Землина о том, что многие сочетания "Слова", среди них "бусови врани" и "босый волк" не находят подтверждения в устной литературе и являются "неповторимым своеобразием творческого почерка автора"¹⁹. Исследователь противоречит сам себе: двумя годами раньше он придерживаясь иного взгляда - "босый волк" и термин "бусый" встречаются в фольклоре²⁰.

Выше мы пытались доказать славянское происхождение сочетания "босый волк", но в то же время этим не отрицается "присутствие" в памятнике восточного²¹ волка-тотема. Относительно "Слова" можно говорить не только о восточных лексических заимствованиях, но и о влиянии восточного фольклора, что свидетельствует о хорошем знании автором мира представлений, сказочных и эпических образов степняков. Анализ всех случаев отражения восточной поэтической образности не входит в наши задачи, а из тотемических воззрений тюркских племен, связанных с культом волка, быка, лебедя, нашедших отражение в "Слове",

нас будет интересовать символ волка. Национальные взаимоотношения тюркских и монгольских племен отразились не только на языках, но и на верованиях. Для названных народов были характерны общие тотематические представления о волке-прародителе. "Книга эта общая у обоих народов, не принадлежит в отдельности ни одному из них, и вообще распространена в Средней Азии"²². О волке-тотеме много говорит "сокровенное сказание" монголов. Голова волка изображалась на знамени монголов, по преданию Чингис-хан рожден от волка. Также серым волком был рожден и легендарный предок тюрков Огуз. Слово, означавшее тотем, часто становилось названием рода или племени. Название волка как положительный эпитет употребляется в эпосе монголов и тюрков, в личных именах. Например, в бурятском эпосе "Адамжи-Мерген" герой превращается в волка:

"И в волка синего тогда
Она мгновенно превратившись
Скакала прытко ясным днем
И прыгала туманной ночью"²³.

О древнем предке тюрков и монголов говорили утвердительно И.Н.Березин, Г.Н.Потанин, Б.Я.Владимирцов, В.В.Бартольд, М.Фуад Кепрюлю. Тотем волка - родоначальника отражен и в "Слове": "вльци грозу всрожать", хан Газак "бьжить сырны влькомь", "коди Игорь соколкомь полеть, тогда Бдурь влькомь потече...". Но у тюркских и монгольских народов отмечалось явление заметного смещения тотемов - ими считались и волк, и собака. По мнению Г.Н.Потанина, в имени первой жены Чингис-хана /Буртэ-чино/ заключено представление о двух тотемах²⁴. Ср. различные варианты легенд о рождении Аттилы то от волка, то от собаки. Можно еще привести некоторые примеры примет, связанных с явлением смещения тотемов. Встреча с волком, когда волк перебегает дорогу, сопутствует удаче - думают киргизы, у казачков существует примета об удаче при встрече с собакой. Башкиры верили в помощь собаки при лечении больных детей.

В современных тюркских и монгольских языках распространены личные имена с компонентами эт "собака", кесек "щенок" - в тюркских и ноха "собака" - в монгольских языках: башк. мужск. Эткох, Кесекбай, жен. Этбикэ, каз. Этбай /Итбай/, Кесекбай /Кушикбай/, туркм., тур. Эталмас/Италмас/, адт. Кучук, Ит-баш, бур, калм. Нохой, Ноха и т.д. Культ собаки своим происхождением связан с культом волка. У туркмен, башкир когда-то волк и собака назывались одним термином. Волк и собака нередко отождествляются и в мифологии чувашей. О широком распространении тотемического культа собаки свидетельствует также антропонимический материал, являющийся реликтом таких представлений. Отсюда, личным именам как одному из источников изучения древних народных верований должно уделяться больше исследовательского интереса. Этимология имен позволяет подметить интересные бытовые детали, характеризующие ту или иную эпоху. Изучение антропонимов имеет большое значение в особенности при разрешении проблем, относящихся к древнейшим временам, от которых осталось мало документов и памятников.

II. Кобяк в "Слове о полку Игореве" историческое имя половецкого хана. Это широкораспространенное тюркское имя, встречавшееся даже у Сельджукидов Рума. Знакомо оно было и на Руси: Иван Кобяк, Московский посол в Казани /найдено в летописи по 1511 годом/, Кобяк Клементьев сын Динев, поручитель по боярам, Илья Кобяк, подчашный Полоцкий²⁵. Фамилия Кобякин была распространена в Рязанской губернии.

В "Слове" это имя употреблено три раза, приведем лишь примеры сочетания данного антропонима с другими словами без привлечения широкого контекста: "а поганого Кобяка...", "и падеся Кобякъ в градъ Кіевъ...", "пльку Кобякова". Этимология имени из половецкого слова Kōbāk - 'собака' ни у кого из исследователей не вызывает сомнения. Мужские имена у тюркских и монгольских народов часто являлись производными от названий и кличек собак: Боняк - "Бело-

шейка; Барак - кличка собаки с длинной шерстью, Иит, Иитляр - "собака", "собаки" - имена половецкий князей, Ногай /из монг. Ногай - "пес, собака"/ - имя Золотоордынского полководца /1299-1300/, одного из потомков рода Чингизхана²⁶. Имя Кобяк относится к зооантропонимам, связанным с тотемизмом, но при этом не следует забывать, что связь между тотемизмом и именами из зоонимов не всегда обязательна: на выборе подобных имен сказывалось несколько факторов, не только тотемизм, среди которых можно подчеркнуть и этот - отличное знание особенностей представителей животного мира. Давая ребенку имя от названия животного, родители желали, чтобы от данного животного как от прежнего носителя имени ребенок получил и его лучшие свойства: силу, живучесть, здоровье, смелость. Именами животных в старину назывались и многие славянские вожди и князья: брат Рогволода назывался Турь; под 1208 г. в Ипатьевской летописи зафиксировано имя Петрь Туровичь, в словаре Рупикова находим имена Ворон, Волк, Собака, Воробей, Бык и т.д. Большое количество примеров аналогичных антропонимов из древнерусских памятников, начиная с XI века, приведено у А.И.Соболевского: Чьгъль - сокол, писец Слов Григория Богослова, XI в. Воронь - писец Итиа Саввы Освященного, XIII-XIV вв. Соболевский отмечает, что особенно часты подобные имена в документах XV-XVII вв. Интересным представляется замечание Соболевского о том, что "употребление названий животных разного рода в качестве личных имен свойственно едва ли не всему человечеству. Древняя Русь знала его издревле"²⁷. На формирование именовослова многих восточных народов существенное влияние оказало наличие тотемических представлений. К именам тотемного происхождения относим антропоним Кобяк. Вторым фактором, влияющим на выбор имен из зоонимов, по нашему мнению, являлись диссимуляционные обряды, характерные, если не для всех, то для большинства народов. К именам, связанным с указанными обрядами, относилась большая группа имен по названиям жи-

вотных и птиц, это так называемые имена - "обереги" от "нечистого глаза", от злых духов: Баяк. Кучук - щенок, монг. кам. Мунохой - плохая собака. Ср. подобные русские личные имена: Сокол, Ворон, Волк, Волчий Хвост, Тур, Сом, Окунь. Из различных рядов слов, составляющих группу личных имен - "оберегов", нами упоминаются лишь названия животных и птиц. Материал анализа ограничен таким образом, чтобы показать, что не все "животные" имена обязательно относились к тотемным, что не следует чрезмерно увлекаться поисками тотемизма повсюду. Правильность последнего положения подтверждают русские некалендарные имена, которые исключительно являлись именами - "оберегами".

Если имя Кобяк мы смело относим к разряду тотемных имен, то относительно других имен половецких ханов в "Слове" этого безоговорочно сделать нельзя. Имена Кончак, Гза/Гзак имеет по несколько этимологий, причем новые этимологии, которые представляются более вероятными, совершенно далеки от ранее высказанных точек зрения И.Н.Березина и В.А.Гордлевского о том, что Кончак < *gandayg* ~ *qan'ayq* "сука", по аналогии с именами Кобяк, Барак, Ногай со значением "собака" и И.Н.Березина, что Гза < *qax'gus'*²⁸. Не все исследователи рассматривают настоящие имена как зоантропонины.

Зарождение имен - сложный процесс, определяемый многими факторами, среди которых можно выделить как широкое явление тотемизма, так и индивидуальные мотивы наречения. При разборе собственных имен, особенно древних, необходим тщательный анализ.

Изучение тюркских имен в древнерусских памятниках сопряжено с рядом трудностей, главная из которых состоит в том, что у кочевых тюрков существовал обычай называть ребенка по первому попавшемуся на глаза отцу ребенка предмету. Таким образом, используемая для наречения лексика ничем не ограничивалась. По этой причине долгое время большинство тюркских имен из "Повести временных

лет". "Слова о полку Игореве" и других памятников оставалось неисследованными. Фактически начало их обстоятельному изучению было положено сравнительно недавно в трудах К. Менгеса, А. Зайончковского, И. Г. Добродомова, Н. А. Баскакова. В этой области предстоит еще многое сделать: возможности истолкования уже известных антропонимов далеко не исчерпаны, а многие из имен вовсе остались нерассмотренными. Даже на примере разбора одного антропонима Кобяк доказывается правота Г. Шавырева, некогда заметившего, что /цитирую по книге Д. Дубенского "Имена половецкие, сохранившиеся в наших летописях, могли бы облегчить ориенталистов при исследовании - кто были половцы?"²⁹. Привлекаемый в настоящей работе круг этнографических сведений позволяет подтвердить, что среди половцев - язычников широко были распространены тотемистические представления, одинаково характерные также для монгольских племен, с которыми первые контактировали на длительном протяжении своей истории. Результаты обоих представлений и исторических контактов обеих групп указанных народов нашли выражение в их антропонимике.

1 Слово о полку Игореве, ... - В кн.: Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". М.-Л., 1965, вып. I, с. 24

2 Толкование эпитета волка "буоний" или "босый" представляет собой длительную дискуссию, подробно рассмотренную в трудах В. А. Гордлевского и Н. М. Дилевского. См.: Гордлевский В. А. Что такое "босый волк"? - ИЮЛЯ. М., 1947, т. УІ, вып. 4, с. 317-337; Дилевский Н. "Буоний" или "босый" волком в "Слове о полку Игореве". - "Известия на Камарата на народната култура, серия хуманитарни науки", 1947, т. ІУ, с. 203-225. Оба автора после тщательного анализа различных точек зрения приходят к заключению, что в первоначальном тексте стояло "босый", и что такое чтение "оправдано и палеографически, и диалектологически"

- 3 См. также: Словарь русских народных говоров. I., 1968, вып. 3, с. 306
- 4 Корш Ф.Е. Турецкие элементы в языке "Слова о полку Игореве". - ИОРЯС. СПб., 1903, т. УШ, кв. 4, с. 33
- 5 Шинова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976, с. 103
- 6 Torbjörnsson T. Die Bestimmten Adjektivformen der slavischen Sprache. - In: "Zeitschrift für slavische Philologie". Leipzig, 1925, B. I, Doppelheft 3/4, S. 277;
- Этимологический словарь славянских языков. М., 1975, вып. 2, с. 223
- 7 Чернышев В.И. Темные слова в русском языке. - В кн.: Чернышев В.И. Избранные труды. М., 1970, т. I, с. 307
- 8 Козырев В.А. Словарный состав "Слова о полку Игореве" и лексика современных русских народных говоров. - В кн.: ТОДРЛ. I., 1976, т. XXXI, с. 95
- 9 Головенченко Ф.М. Слово о полку Игореве. М., 1963, с. 4
- 10 Гордлевский В.А. Что такое "босый волк"?, с. 320
- 11 Ср. Робинсон А.Н. О закономерностях развития восточнославянского и европейского эпоса в раннефеодальный период. - В кн.: Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 211-214; "Древнетюркский /половецкий, печенежский и др./ тотем волка-родоначальника... нашел отражение в "Слове": "вльци грозу всрожать". Игорь... "окочи съ него босымь влькомь..." автор отклоняет преобладавшую у него до сих пор традицию русского фольклора /серымь/ и вводит характеристику половецкого тотема /"босымь"/"
- 12 Иванов В.В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. - ИЮЛЯ, 1975, т. XXXIV, № 5, с. 399, 407-408
- 13 Фаминцын А.С. Божества древних олаван. СПб., 1884, с. 204-206

- 14 Дылевский Н.М. Лексические и грамматические свидетельства подлинности "Слова о полку Игореве" по старым и новым данным. - В кн.: "Слово о полку Игореве" - памятник XII века. М.-Л., 1962, с. 199
- 15 Панченко А.М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян. - В кн.: ТОДРЛ, Л., 1968, т. XXIII, с. 12
- 16 Веселовский А.Н. Из истории эпитета. - В кн.: Веселовский А.Н. Собр. соч., СПб., 1913, т. I, с. 69
- 17 Jakobson R. Szeftel M. *The Vseslav Epos.* - In: "Russian Epic Studies: Philadelphia, 1949, p. 13-86; Jakobson R. *Ružičić G. The Serbian Zmaj Ograjeni Vuk and the Russian Vseslav Epос.* - In: "Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire orientales et Slaves", t. X, Bruxelles, 1950, p. 243-356
- Упомянем об известном сообщении Геродота о способности невра - возможных предков славян - обращаться в волков. Е.Ф. Карский указывал, что у восточных славян: "особенно замечательно обращение в волков". См. Карский Е.Ф. Белорусы. М., 1916, т. III, кн. I, с. 43. Ср. Прийма Ф.Я. Болгарские параллели к "Слову о полку Игореве". - В кн.: Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976, т. I, с. 53: "В исследованиях о "Слове" уже неоднократно отмечалось, что сравнение воина с волком /"скачить акы серыи вльци в поле"/, по-видимому, восходит к тотемистическим представлениям древних "русичей"
- 18 Толстой А.К. Собрание сочинений в 4-х томах, М., 1969, т. I, с. 212
- 19 Зимин А.А. "Слово о полку Игореве" и восточнославянский фольклор. - В кн.: Русский фольклор. М.-Л., 1968, т. XI, с. 213
- 20 Зимин А.А. К вопросу о тюркизмах "Слова о полку Игореве". - Исторический сборник. Чебоксары, 1966, вып. XXXI, с. 148
- 21 Под термином "восточный" в данном случае подразумевается понятие "тюркско-монгольский"

- 22 История монголов. Соч. Рашид-Эд-Дина. Русский перевод с предисловием и примечаниями Березина И.Н. - "Труды Вост. Отд-я Археологического общества" СПб., 1868, ч. XIII, с. 149
- 23 Алимжи-Мерген. Бурятский эпос. Стихотворный перевод Ивана Новикова. Вводная статья и комментарии Г.Д. Санжеева. М., 1936, с. 145
- 24 Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, с. 801
- 25 Тушиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903, с. 184
- 26 Баскаков Н.А. К этимологии половецких собственных имен в "Слове о полку Игореве". - В сб.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, с. 44
- 27 Соболевокий А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 235
- 28 Баскаков Н.А. Еще о тюркизмах "Слова о полку Игореве". - В кн.: "Слово о полку Игореве". Памятники литературы и искусства XI-XVII вв. М., 1978, с. 63-64
- 29 Дубенский Д. "Слово о полку Игореве". М., 1844, с. 244

С о к р а щ е н и я

- ИОЛЯ - Известия Отделения литературы и языка АН СССР
 ИОРЯС - Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР
 ТОДРЛ - Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы /Пушкинский дом/ АН СССР

ДИНАМИКА ЛИЧНЫХ ИМЕН г. ЭЛИСТЫ

В данной статье, выполненной в основном на материалах Элистинского городского ЗАГСа, рассмотрены русские и калмыцкие личные имена за 1970 и 1980 гг. В ней прослеживаются те изменения, которые произошли в именнике за последние 10 лет.

В результате подсчета актовных записей о рождении в городе Элисте за 1970-1971 гг. нами выявлено следующее: за рассматриваемый период зарегистрировано 904 женских /138 калмыцких, 766 русских/ и 946 мужских /187 калмыцких, 759 русских/ имен. Многие имена даны по одному разу. Всего единично зарегистрированы такие русские имена, как Вероника, Долорес, Инесса, Кристина, Лаура, Арсений, Георгий, Степан и др. Среди калмыцких разовых имен зарегистрированы: Алтана, Дугла, Зояна, Олинга, Элистина, Аранзал, Данзан, Бакур, Сувси, Улан, Хошун и др.

Что же касается орфографии калмыцких личных имен, то наблюдается разноречивость при передаче их на русский язык. Например, в метрических записях можно встретить варианты: Айса - Аиса, Альма - Алима, Баир - Байра - Баира, Герензал - Герензел - Геренэл, Кеэмя - Кеemia, Нюдля - Нюудля, Саглар - Саглара, Чингиз - Чингис, Цебек - Цевиг, Басан - Басанг и другие. Среди калмыцких имен встречаются такие, которые являются общими как для мужского именника, так и для женского: Айс, Байр, Джиргал, Улан, Кензе и др., т.е. дифференциальные признаки выражены недостаточно четко. Однако надо отметить, что в последнее время наметилась тенденция, когда женские имена в известной степени стали приобретать показатель грамматического рода: Зулина, Ай-

са, Баира, Амуланга, Басана, кроме того, в записях встречаются имена монгольского происхождения, в частности мужские /при браке монгол-калмычка/ - Батжаргал, Эрдэнэбилэг, западно-европейского происхождения /при браке кубинец-калмычка/ - Роландо, тюркского /при браке казах-калмычка/ - Ренат. Вообще могут быть получены очень интересные данные при анализе смешанных браков, но в нашей работе они не затрагиваются.

Таблица I.

год	: Кол-во родившихся			: Исползованные имена		
	: мальч.	девочки	всего	: мужск.	женск.	всего
1980	329	324	653	40	46	86

Как видно, общее количество родившихся детей в русских семьях составило 653, количество употребляемых имен - 86. Женских имен немного больше, чем мужских. Данная таблица дает представление о мужских и женских именах в гор. Элисте за 1980 г. Набор этих имен не так уж велик. Чем это объясняется? Общее количество использованных имен составляет 86. Большая часть имен имеет разовое употребление. Велика роль популярных имен. Из-за повторяемости одного и того же имени заметно сокращается объем именика.

Таблица 2.

Год	Место	Имя	Кол-во
1980	I	Александр	46/33/
	II	Сергей	36/31/
	III	Евгений	30/34

На этой таблице показаны самые популярные имена за 1980 год в русских семьях /в скобках приводятся данные за 1970 г./ Первое место по праву занимает Александр. На втором и третьем местах соответственно – Сергей и Евгений.

Таблица 3.

Год	Место	Имя	Кол-во
1980	I	Елена /Оксана/-	29/ 34/66/
	II	Наталья /Татьяна -	26/ 31
	III	Ольга, Ирина	по 28

Наиболее известное имя среди женских имен – это Елена, число носителей которого достигает до 34-х человек. На втором месте стоит имя Наталья, на третьем – Ольга и Ирина. Имена Елена и Наталья в течение десяти лет сохраняют ведущие положения. Если в 1971 г. число носителей имени Елена достигало 43 человека, то в 1980 г. – 34 человека. Такие имена, как Ивонна, Диана, Регина, Роксана, Илона, Янина и др. не получили еще должной распространенности и популярности в народе.

Таблица 4.

Год	Кол-во родившихся			Использованные имена		
	мальч.	девоч.	всего	мужск.	женск.	всего
1980	432	393	825	97	98	195

Здесь общее количество родившихся детей в калмыцких семьях составило 825, употребляется 195 имен. Из общего числа женских имен исконно калмыцкими являются 34 имени, остальные имена – иноязычного происхождения. Что же касается мужских имен, то из 97 имен исконно калмыцкими являются 49. Эти данные свидетельствуют о том, что большинство семей для наречения детей используют русские имена.

Таблица 5.

Год	Место	Имя	Кол-во
1980	I	Александр	26/21/
	II	Евгений	18/20/
		Сергей, Алексей	по 13/12/

Самым распространенным русским именем в калмыцких семьях является Александр. Раньше таковым оно было и в русских семьях. А вот имя Сергей, некогда занимавшее в русских семьях второе место / см.табл. № 2/, уступило место имени Евгений. Таким образом выходит, что в калмыцких и русских семьях для мужчин сейчас в моде одни и те же имена. Но расхождения в частности употребления довольно заметны: у калмыков употребления имени Александр доходит до 26, у русских до 46.

Таблица 6.

Год	Место	И м я	Кол-во
1980	I	Санал	20/27/
	II	Баатр	17
	III	Савр /Мингиян - 16/	13/16/

В данном случае первое место занимает Санал, число носителей которого достигает 20 человек. На следующих ступенях стоят Баатр и Савр. На популярность калмыцких имен Санал, Савр, Мерген, Мингиян, Хонгор, Джангар большое влияние оказал героический эпос "Джангар", в котором главные персонажи носят указанные имена.

Таблица 7.

Год	Место	И м я	Кол-во
1980	I	Елена	20/16/
	II	Ирина, Наталья	по 19/26/
	III	Виктория /Ольга-14/	16

На этой таблице приведены наиболее распространенные женские имена в калмыцких семьях. Здесь так же популярны имена Елена, Наталья, Ирина и к ним прибавляется Виктория. Заметны расхождения в частотности употребления: у русских число носителей имени Елена достигает цифры 34, у калмыков - 20. Кроме того, калмыки используют антропимы, которые не были в именнике у русских: Валентин, Игнат, Никита, Леонид, Зоя, Полина, Прасковья.

Таблица 8.

Год	Место	И м я	Кол-во
1980	I	Саглара	21/17/
	II	Гиляна	20
	III	Байрта /Кермен-12/	15/24/

Таким образом, в результате подсчета актовых записей, выявлены следующие популярные имена: у калмыков - Санал, Баатр, Савр; Саглара, Гиляна, Байрта; у русских - Александр, Евгений, Сергей и Алексей; Елена, Ирина, Наталья, Виктория.

Приведенный фактический материал позволяет сделать следующие выводы:

1/ степень сходства именника за 1970 и 1980 гг. значительна;

2/ в калмыцких и русских семьях популярны в основном одни и те же русские личные имена;

3/ за рассматриваемый период не произошло заметных перемен в калмыцком именнике;

4/ активизация дифференциальных признаков калмыцких мужских и женских личных имен - явление последних лет.

НАЗВАНИЯ ПТИЦ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ*

Происхождение названий птиц тесно связано с образом их жизни, местом обитания, внешним видом, издаваемым звуком и т.д.

Почему калмыки, например, скворца называли үкр хар? Безусловно, исходя из образа его жизни и цветового признака. Скворцы больше всего водятся там, где люди занимаются скотоводством. Отсюда и мотивировка первого слова этого названия үкр "корова", и второй компонент хар "черный" понятно без слов. Калмыки птицу страус называют темэн шовун /букв. "верблюд-птица"/. Причина появления этого названия также ясна без комментариев. Таковы мотивы рождения названий этих птиц. Однако подобных названий в лексике современного калмыцкого языка не так много. В большинстве случаев этимология их трудно объяснима, а то и вовсе неизвестна.

Надо полагать, что в далеком прошлом в калмыцком языке так же, как и во многих других языках, названий животного и растительного мира было довольно много. Такое утверждение не беспочвенно — у кочевых и охотничьих народов, какими, например, некогда были и ойрат-калмыки, как известно, жизнь протекала в гуще самой живой и растительной среды. Поэтому, тот факт, что в калмыцком языке содержится значительное количество названий различных лесных и водных, степных и горных животных и растений является не случайным.

Автор этих строк вот уже в течение нескольких лет собирает слова-названия животного и растительного мира. Источником в этом послужили экспедиционно-полевые матери-

*Статья включена в виде материалов по апеллятивной лексике.

алы, различные типы словарей по монгольским языкам, фольклорная литература и художественные произведения калмыцких писателей. Относительно письменных памятников необходимо отметить, что во многих жанрах устного народного творчества, особенно в сказках и старинных песнях, можно встретить различные названия фауны и флоры. Немало их и в языке пожилых людей, в прошлом будучи скотоводами, живших среди природы.

Названия, приводимые выше, различны по составу. Кроме однословных имен, встречаются названия из двух и реже трех слов. С точки зрения структуры слова большинство названий аффиксальны. По семантике можно разделить их на две большие группы: мотивированные и немотивированные.

Основная цель автора данной статьи заключается в том, чтобы собранный фактический материал сделать достоянием широкого круга читателей с тем, чтобы эти названия как можно быстрее нашли свое применение в практической жизни. Калмыцкие названия птиц, как один из древних пластов лексики, непременно вызовут большой интерес у лексикологов по алтайским языкам, ибо материала, специально посвященного этому слою лексики в таком количестве /около 300 слов/ не содержится ни в одном лексикографическом труде, тем более, ни в каком ином письменном источнике по калмыцкому языку.

При написании этой статьи автор столкнулся с рядом трудностей. Одной из них явилось нахождение идентичного русского эквивалента. Пришлось перелистать много страниц словарей и других печатных изданий, чтобы найти более или менее достоверное соответствие. Однако их точность мы не можем гарантировать на все сто процентов. Но работа в дальнейшем будет продолжена, словарь названий птиц непременно пополнится новыми находками, значения их будут

все более уточняться. Другая трудность была связана с орфографией слов. Дело в том, что в фольклоре и особенно в устной речи названия могли информироваться в искаженной форме, т.к. собеседники наши в том и другом случае были люди по языку разнодиалектными, а с точки зрения грамотности - в основном не имеющими образование. Здесь трудно было определить что дано нам правильно и что неправильно. Поэтому, боясь исказить верное, и наоборот, неверное выдать за действительное, формы слов мы оставили без изменения, т.е. так, как они были нами обнаружены в письменных источниках и услышаны из уст информаторов.

Адуч /адууче^I/ "конепас, пастух, кулик степняк" от адуун "табун лошадей" плюс афф. профессии -ч, букв. "табунщик". В корне слова ад- или ать, ср. ад-уу-с-н, ст. письм. адаһусун "скотина", также ат/н/ "конь, мерин". Употребляется в том же значении и в сочетании с родовым словом шовун: адуч шовун досл. "табунщик птица", от него собственное имя Адуч и фамилия Адучиев.

Алгыш /алыгыша/ "пеганка": ал "алый" плюс аффикс неполного качества =г(ср. хырг "черноватый") плюс афф. того же значения =ш, которые сочетаясь, образуют сложный афф. одного значения - неполного качества.

Ануша /колябри/ ан-уша.

Аңһт /аңһты/ "аркалик", монг. аңгат, бур.аңгата "аркалик", в основе аң "быть разинутым, раскрытым" һ (-г) - афф. имен, т - афф. принадлежности; у В.Дая аангыч /ангыч/ "зимняя камчатская утка", ср.тур. аңһут "черная лысуха", чаг.аңһут /то же/; калм.имя собственное Аңһырг и фамилия Ангыриков.

Арвач /арваче/ "овсянка": арва - ч арва от глагола арва "быть растрепанным, лохматым", напр., арһр үсн "растрепанные волосы," но в арва усматривается элемент ар/а: арв сарв /значение то же/, ср.кырг.арпачы /воро-

бей/, также его называют буддайчы.

Ахун "гагара", монг., бур. ахуна "куропатка", здесь ах-корень, ун - афф. имен, очень часто встречающийся в названиях животного мира, ср. һа-л-ун, тоһ-р-ун, заһ-л-ун; саарлг ахун "гагара полосатая", түүлдн ахун "гагара полярная", удан күзүтэ ахун "гагара красношейка", хар көйтө ахун "гагара чернозобая".

Составные названия:

Алг ботхн /алыг ботхын/ "пигалица" название по аналогии, букв. "пестрый верблюжонок". В монгольских языках в наименованиях животных и растений нередко участвуют названия домашнего скота /лошадей, коров, верблюдов, овец и коз/.

Алг живрт /алыг живерте/ "сойка" букв. "пестрокрылый"; заһин алг живрт "сойка саксаульная".

Алти живрт /алтын живерте/ "чижик" букв. "золотокрылый".

Ац сүүлт /ацы сүүлте/ "качурка вилохвостая" букв. ветвистохвостый".

Эңгр /эңгер/ "турпан", монг. ангир "турпан", бур. ангир "турпан, нырок-синьга", представляет собой эфемизм слова шар "желтый". Возможно, исторически здесь эң есть корень, = гр />һр/- афф. /ср. хоң-һр "буланный", туң-һр/, хотя слово это сейчас не воспринимается в расчлененном виде. Мягкая гласная фонема э из а /точно так же, как о < о, ү < у/, характерна из всех монгольских языков только калмыцкому. Это, как известно, явление последующего этапа развития калмыцкого языка. Поэтому эн < ан; см. собств. имя Эңгр и фамилия Ангриков; һалзи эңгр "турпан белоголовый".

Баакра /баакыра/ диал. "ворона" - звукоподражание крику вороны бааһ-бааһ, где при словообразовании һ перешло в к, = ра - афф. имен.

Баарц /баарың/ - какая-то крупная хищная птица: баар-ц. В калмыцком словаре Рамстедта слово баарц объяснено как звукоподражательное, ср. кирг. баарың помесь балобана с сапсаном.

Бавлһн /бавылһын/ - какая-то ночная птица, ср. калм. бави - быть лохматым, быть крупным, видимым, ср. кирг. бабылган, бабырган "сыч, филин".

Баклыг "баклан", происхождение общее с русским баклан, ср. тат. баклан, баглан, "дикий гусь", тур. баглин; баһ баклыг "баклан малый", як баклыг "баклан большой".

Балчи шовун /щур/, букв. "медовик".

Барчин "беркут", возможно, барчин; бар-чин от бар-ловить, поймать", ср. др.-тюрк. барчин "сокол".

Бакр /бакер/ < "вихрь", видимо, одного происхождения.

Беергуш "зяблик" от беер- "зябнуть".

Бил /биле/ "селезень", ср. кирг. билэ "утка".

Билдүхэ /коноплянка/ от билдүр /билдүр/ мягкий, нежный.

Билдүр /билцемер/ "птенец" /мелких птиц/ от основы билд-, билд-мр - афф. возможности; ср. чаг билиц "птенец" /Рамстедт/.

Богшада "воробей", "степняк хохлатый". В структуре названия выделяется корневой элемент бог- "маленький" /ср. бог чимгн "малая берцовая кость"/, да- - довольно продуктивный афф.: хара-да, борл-да, нурһл-да; эргин бор богшада "воробей овражный". Есть имя собственное Богшада.

Богшурһа "воробей обыкновенный", см. богшада, корень бог/щү/, афф. - рһа встречается часто: тор-һа, бо-рһ/у/-ль; бор богшурһа "воробей полевой", буурл богшурһа "воробей сероголовый", герин богшурһа "воробей домашний", зааһин бор богшурһа "воробей саксаульный", зеерд богшурһа "воробей рыжий", кеерин богшурһа "воробей полевой", те-

гин бор богшурһа "воробей степной", целин богшурһа "воробей пустынный".

Боднь /бодынь/ "стрепет". Отсюда имя Бодни и фамилия Бодниев, ср. боди "дикая собака", ср. уз. бедани, башкир. бүтәнә, кирг. бедене, кумык. бодене; монг. бедр, битер "полоса, линия", бурят. бүдән "веснушки"; др.-тюрк. бидиц "резьба, орнамент, украшение".

Бокрһн - /бокрыһын/ "дергач, коростель": бок-рһ-н, у Рамстедта бохрһн, ср. тюрк. боһорһоно "утка", кирг. бок-кок "зоб птицы".

Болжыр /болжемыр/ "крачка": бол-/ж/-мыр, конечный афф.-мыр имеет значение возможности, он довольно широко распространен в словообразованиях, ср. тәр-мыр, "сеяный", өлг-мыр "вязаный", билц-мыр "птенец" и др. В словаре Рамстедта это слово дано в форме болжуха: "птенец". См. билцыр; баһ болжыр "крачка малая", һолын болжыр "крачка речная", хар болжыр "крачка черная".

Борһда /борһыда/ "медосос": бор-һ-да.

Борһуль "славка" от бор "серый" плюс һуль; бор бор-һуль "славка серая", шар борһуль "славка рыжая".

Боржди "утка серая дикая" от бор плюс афф. женского рода = дц, ср. чаг. боржин, в алтайском языке это слово содержит значение "птичья самка".

Борлда -/борылда/ "королек" от бор-л-да; хадди борлда.

Борлдаш /борылдаш/ "мухоловка" серая" от бор-л-да-ш /см. борлда/.

Борлза /борылза/ "печник" /из отряда воробьиных/: бор-л-за.

Борха "япатка" от бор - и афф. = ха.

Боржин "утка серая" от боро плюс-джин, монг. боржин "самка", бур. боржон "утка" /самка/, ср. кирг. борчун

"утка серая".

Бэди /бэден/ "перепел": бэ-дн, ср. бүднһэ.

Бөөлцмэ /бөөлцэмэ/ "малиновка": бөөл-ц-мэ от бөөлц-или бөөлж, "малина".

Буһу "сизоворонка", буһу "браслет" на руке.

Будрһн - буд-рһ-н "коростель" /см. бокрһн/.

Бужирха "вьюрок": бу-жи-рһ-а; цэли бужирһа "вьюрок пустынный".

Букша "пукша", от него образована фамилия Букшан.

Булхач /булхаче/ "нырок" от булх- "нярыть" плюс -ч, тюрк. балыкчи/н/ "нырок", по Рамстедту булхар "нырок"; алг булхач "гоголь обыкновенный", улан толһата булхач "нырок красноголовый", улан хоңшарта булхач "нырок красноносый", цэкр күмсгтэ булхач "нырок белоглазый".

Бальдрһа /бульдырһа/, "личинкост": бу-ль-д-рһ-а.

Бүднһэ /бүденһэ/ "перепелка": бү-дн-һэ, может быть бүтнһэ "смуглый".

Буурыл һалун "гуменняк", букв. "серый гусь".

Бух шовун "выпь", букв. "бык птица", звукоподражательное название.

Бурхын шовун /см. көгд-жирһн/, букв. "бог птица".

Ван шовун "альбатрос королевский", ван - слово китайское.

Бүргд /бүргед/ "беркут", бү-р-гд, бор бүргд "беркут серый", уулын бүргд "беркут горный", үнгн бүргд "беркут-самка", хан бүргд "могильник".

Бүргдэ /бүргедэ/ "птенец беркута": бү-р-гд-э, здесь -э - өф. придает значение уменьшительности /см. бүргд/.

Гаага "гага" /утка/, звукоподражание га-га.

Гагрһа /гагырга/ "гагарка" от гаг/а/ плюс -рһа: звукоподражательное название.

Гекэлэ "коршун /самка/", гек-э-лэ, ср. глаг. гек -.

Гекс /гекес/ "коршун", вероятно, в корне гек /ср. гек-э-дэ/, = с - редкий аффикс, цаһан сүүлтэ гекс "коршун белохвостий".

Гургүдэ "ремез": гур-гү-дэ, ср. һур-һл-да, һур-в-һл. Очевидно, гур-я һур-одного происхождения.

Һадун "гусь" звукоподражание от һа-һа, га-га; бор һадун "гусь серый", буурд һадун "гузменник", күүкн һадун "гусня", эм һадун /см. күүкн һадун/, эр һадун "гусак".

Һацурма "клевст-еловик", һа-цур-ма.

Һэрд /Һэрде/ "орел", ср. гаруди, санскр. гарудай "Феникс-самец", теегин һэрд "орел степной", усна һэрд /то же, что скопа/, ууһн һэрд "орел горный".

Һохо дһал. "кулик", у Рамстедта һоха и һөхэ "бөкөс", ср. тув. гуһуй "полярная утка"

Һуджуа "птенец", образное слово, ср. глаг. һудһлэ "склонять шею на бок, медленно качать головой из стороны в сторону".

Һурвиһ /Һурвилһн/ "цурка", һу-р-в-һл, ноһан һурвиһ "цурка зеленая".

Һурһулда /Һурһулда/ "иволга": һу-рһ-ул-да, алтн һу-рһда "иволга китайская".

Һурһул "фазан": һу-рһ-ул, ср. тюрк. гургуул "фазан", алтн һурһул "фазан золотистый".

Һуужумул /Һуужумул/ "птенец": һууж-мул, см. һуужу; такан һуужумул "цыпленок".

Һуужу "зародыш птицы", ср. һуужумул.

Дагжу "трясогузка", звукоподражательное слово от даг-даг, тее. дагж - "дрожать".

Дэвүрһн /дэвүрһен/ "птица ловчая", видимо, от глаг. дэвр - "налетать, наступать, нападать".

Дэргү "стрепет", ср. глаг. дэрг - "тарахтеть".

Дегдэмүл "птенец, начинающий ходить", ср. образное слово дегдң-"делать суетливое, некоординированное движение".

Дегдэхэ /см. дегдэмүл/.

Деглэ "цапля", зеерд деглэ "цапля рыжая", көк деглэ "цапля", хөн дегла "цапля средняя белая", цаһан деглэ "цапля белая".

Дөшүрһа "поползень" от корневого дош -"скользить",

Лунха, "сорокопут", дун-ха, ик дунха "сорокопут большой", ут сүүлтэ дунха "сорокопут длиннохвостый", хар маң-ната дунха "сорокопут чернолобый".

Дуудуш "кукша": дуу-д-уш, возможно, звукоподражание ду-ду, в корне дуу- "зов, клик" плюс афф. -д, плюс афф. - уш.

Дууч повун "певчая птица": дуу/н/ "песня" + афф. профессии=ч.

Живэжэ "птица райская" от жив-э/ "диво" афф. - жэ.

Живртн /живертен/ "пернатые" от живр "крыло, перо", :тн - афф. собирательного значения.

Жиигдэ /жиигендэ/ "пищуха" от жииг - "пицать".

Жиргэ "пташка" от жирг-"щебетать".

Жоода "лысуха": жоо-да.

Жораша "джек, вихляй", жора-ша, ср. жора "иноходь".

Жудан "жудан", /см. М.Фесмер/.

Жулдһа /см. жулдуха/.

Жулдуха "птенык, только что выдупившийся", ср.

жулһр "лысый, без волосяного покрова", алтн жулдуха "золотушка".

Жуулдһн /жулдеһен/ диал. "цыпленок" /см. жулдуха/.

Заара /заары/ "чибис" /см. заарг/.

Заарг /заарыг/ "пигалица" от заар плюс афф. -г,

букв. "рябой, пятнистый".

Заһлма /заһылма/ "кобчик": заһ-л-ма, ср. кирг жа-галмай "дербник".

Заһдун "стервятник": заһ-л-ун.

Зармһа /зарымһа/ "ржанка", калька из русского, зарм "рожь, пшего, просо" плюс афф. - һа.

Зогдот /зогдырты/ "страус" от зогдр "грива у верблюда, у льва" плюс афф. принадлежности - т.

Составные названия:

Заһсч сар "скопа", сар ~ шар "желтый, светлый". Первый компонент букв. означает - "рыбак".

Залата гога "баклан ушастый", букв. "с кисточкой на голове гога".

Зальта шовун "фламинго".

Зег тежелт "осоед", букв. "питающийся осами".

Зухян хоңдарт "дубонос обыкновенный", букв. "широконосый".

Зуурдын элч "альбатрос странствующий".

Илду "чеглок".

Индүсх /индүсхе/ диал. "индюк".

Итлг /итлег/ "балобан", в корне ит - плюс афф. - лг, в тюркских языках ителги /с тем же значением/, что дословно означает "ударяющая ногой птица",^I маньч. итүлхэн "кречет", уйг. итэлгү, як. ителгу,

Иту "рябчик", корень ит - плюс редкий афф. - ү /см. ит-лг/: ср. тунг. - маньч. иту, итау "серая куропатка".

Йол "бородач -ягнятник": йо-л, кроме того йол "охотничья собака, волкодав".

Йотун "куропатка": йо-тун, монг. яту, йоту, бор йо-тун "куропатка серая", целин йотун "куропатка пустынная".

Кавка < "кваква", ноһан кавка "зеленая кваква".

Кәэрә < "кайра".

Керә "ворона", возможно звукоподражание /крә-крә/, бор керә "ворона серая", хар керә "грач", хаң керә /у Рамстедта хуң керә/ "ворона; цаһан керә "ворона белая".

Кирһу "кобчик": ки-рһ - у.

Кирһул "фазан": ки-рһ-ул /см. кирһу/, ср. кирг. кыргызый "перепелятник", тюрк. кыргоол "фазан", др. тюркские варианты кыйгыр, кыркын, киргуй - общее значение "истребляющая птица".

Кевәш "зуюк", видимо, от кевә "берег" плюс афф. -ш, оап кевәш "зуюк малый", көк теңсин кевәш "зуюк каспийский", теңсин кевәш "зуюк морской".

Көглжирһн /көгөлжирһен/ "голубь", в корне көкө - "синий, голубой" - л-жи-рһ-н, элемент - лжирһн содержится в слове темә-лжирһн "стрекоза", бор көглжирһн "голубь серый", буурл көглжирһн "голубь сизый", герин көглжирһн "голубь домашний".

Көгт /көгте/ "голубок" от көкө плюс-т -афф. принадлежности, теңсин көгт "голубок морской".

Көкә "кукушка" от көкә "сизый, голубой", но, возможно, от звукоподражания кук-күк.

Көкәдә "горлинка" /дикий голубь/, есть вариант көкәдә но более вероятно форма көкә плюс афф. -лә.

Көкөш /көкөш/ "синица" от көкә плюс -вш. - афф. неполноты качества.

Көгүг "кукушка", допустимо от звукоподражания кук-күк /см. көкә/, у Рамстедта көкөг, тур. куку, тат. күки, каз. көкок, но ср. кирг. көгүчкөн "голубь", голубая птица", по всей вероятности, у всех названий на көгө или көк/ө/ одно общее происхождение.

Көк шовун "кукушка", букв. "голубая птица".

Көлөг /көлөг/ "колпица".

Көтү "свирестель": көт-ү, модна көтү "свирестель лесной".

Күрдә /күреддә/ "канарейка", видимо, от күрл "бронзовый цвет" плюс-дә.

Кутэ "горлица": кут-э.

Күшэ "самка тетеревицника", ср. кирг. күш "самка ястреба".

Парные названия:

Көкө бухи "выпь малая", букв. "синий бык".

Мэхчи шовун "хищная птица", букв. "птица, питающаяся мясом".

Мокур яман "козодой", букв. "куцая коза".

Му дууты "филли", букв. "о плохим голосом".

Начин "сокол, сапсан".

Ногтыры "клест".

Нуһси /нуһсин/ "утка": нуһ-си, алг нуһси "утка королевская", бор нуһси "утка серая", герми нуһси "утка домашняя", зерлг нуһси "утка дикая", көк нуһси "утка синяя", үнрте нуһси "поганка", цөкр нуһси "луток", шоңхр нуһси "крохаль" /см. хоңхта алг/.

Олда "олуша": ол-ца, откуда собственное имя Олда, меңги олда "олуша серебряная".

Орвһу /орвһү/ "совка, сплюшка", орв-л-һү.

Оцһа /оциһа/ "пингвин": оц-һа.

Өрвте /өрөвтө/ "серошекая поганка".

Саажа "копытка": саа-жа.

Садькта - салькыша "буревестник" от сальки "ветер" плюс афф. -ша.

Саралжин "вихляк": ср. сар-а-л-жин, саралж- "делать хаотичное движение", но в основе возможно сар/а/ "дуна".

Сарһа /сарһа/ "сарыч" /вид коршуна/, см. словарь Рамстедта.

Саржа "шурка": сар-жа.

Сарца "белобровик": сар-ца, айти сарца "шурка золотистая", ноһан саржа "шурка зеленая".

Сээхлэш "красавка" – от сээхи "красивый", =лэш – афф. женского рода, калыка из русского.

Сойр /сойыр/ "тетерев", хар сойр "тетерев самец", букв. "черный тетерев", шар сойр "тетерка", букв. "желтый тетерев", бор сойр "глухарка", букв. "серый тетерев".

Сүвэ буурл "тулес", букв. "серая подмышка".

Тагтаһа "горлица обыкновенная": таг-та-һа: ср. кирг. чак-чаккай или чакчыгай "камбанка-плясунья", хатхурта тагтаһа "горлица кольчатая".

Така "курица": зааңһу така /ом. сойр, хур/, такан ажирһе "петух", букв. "курицы жеребец".

Такарһа "цесарка обыкновенная" от така "курица плюс =рһа, немш така "индюк", эр така "петух".

Танр /таныр/ "какая-то птица из семейства соколиных"; та-һр.

Тарувжин "орел белохвостый": тар-ув-жин, монг. тар-важ "ястреб", бур. тарбажа "лесной орел", ср. др.-тюрк. тарһыл "полосатый", калм. тар=/лц/ "пестрый".

Таружин "орленок": тар-ужин.

Тас "орел-ягнятник".

Тасу "гриф черный": тас-у /см. тас./

Тэрэнч /тэрэнче/ "каравайка" образовано от олсва тэрэн "культура зерновых" плюс =ч – афф. профессии, ср. кирг. таренча/н/ "воробей".

Темэн шонун "страус" букв. "верблюд-птица", название по аналогии.

Тенүшэ "глушцы, поморник" от глас. тен-"глупеть, заблуждаться" плюс афф. оценки –үшэ.

Тоһрун "журавль": тоһ-рун, монг. тогоруу, бур. тохоркун, др.-тюрк. тоһрул "сокол"; эвенк. токоров, токороф; алт. тоһрун "журавль-красавка", бор тоһрун "журавль кана-

дский серый", келкэ тоһрун букр. "картавий журавль", өл манха тоһрун "журавль серый", хар тоһрун "журавль черный", хун тоһрун "журавль белый".

Тоһсти /тоһыстын/ "павлин": тоһ-ст-н, ноһян тоһсти "павлин зеленый", эм тоһсти "пава" /самка павлина/.

Тоңшур "дятел", звукоподражание стуку тоң-тоң "тук-тук" плюс афр. действия - шур, ср. кирг. тоңкулдак "дятел", эвенк. төңсәһэй "пестрый дятел"; алг тоңшур "дятел пестрый", буурл тоңшур "дятел седой", ноһян тоңшур "дятел зеленый", хар тоңшур "дятел черный".

Тоодг /тоодыг/ "дрофа": тоо-дг, алг тоодг "дудак", монг., бур. тоодог, кирг. тоодаг, ср. эвенк. тоодок, маньч. тодо "дрофа", уйг. дойдак, балк. дудак /дрофа/, кир. дуадак, тур. той, др.-тюрк. той, русск. дудак, дрофа.

Торһа "жаворонок": то-рһ-а, ср. торлз "быть едва видимым, порхать"; кирг. торгой "жаворонок", алт.торһай, тат. торһай "жаворонок", тур. тойгар, др. -тюрк. торһа "жаворонок"; бор торһа "жаворонок серый", залата торһа "жаворонок хохлатый", кеерин торһа "жаворонок полевой", теегин торһа "жаворонок степной", хар торһа "жаворонок черный".

Торһаш "жаворонок малый", - /а/ш - уменьшительно-ласкательный аффикс /см.торһа/.

Торлжин /торылжин/ "малиновка" от торлз "порхать, мелькать" /см.торһа, торла/; целин торлжин "малиновка бледная", шар торлжин "малиновка пересмешка".

Тоть "попугай".

Тунжур "ястреб-тетеревятник": тун-жур, ср.кирг. тунжур "особый подвид сибирского ястреба".

Туңһур "пастушок": туң-һур.

Турлаг "ворона": тур-лаг.

Турма "турман": тур-ма.

Турпан "турпан": тур-пан.

Турунта "дербник": тур-ун-та, ср. кирг. турумтай "кобчик".

Турухтан "турухтан".

Тутхлджн /тутхылджн/ "кроншнеп", афф. -жин.

Тууһн /тууһын/ "перепелятник": туу-һн, кирг. туйгун "белый ястреб-тетеревятник", в др.-тюрк. также туйгнн, туйгун, таганак "пустельга сильная, хваткая".

Тунжур /см. тунжур/; одн тунжур "погонщик".

Тууһен "орлан": туу-һн /см. тууһн/.

Темэн шовун "страус", монг. тэмээн хяруул, тохь, ср. кирг. темин "группа животных /главным образом крупных/".

Усна алг тууһн "орлан белоплечий", цаһан сүүлтэ түүһн, "орлан белохвостый".

Улада "чечевича": ула-да, як улада "чечевича большая".

Улар /см. немш така/.

Улмин шовун "болотная птица" /улм "болото"/.

Умхн /умхын/ "бекас": ум-хн.

Ууль "сич", возможно, от ууль = "плакать, выть", ср. монг. /бай/ ууль, кирг. дяал. бай уулу "сова", но здесь уулу вряд ли от монг. уула "гора",² эргин ууль "сич рыбный".

Уульһаш "совенок", от ууль плюс уменьшительно-ласкательный аффикс = һаш.

Укр хар "скворец", букв. "корова черная".

Хаглыг /хаглыг/ "вертишейка": хаг-лыг, ср. глаг. хаглыг = "быстро двигаться, торопиться".

Хадяр "сяп": ха-дяр.

Халвһ /халвыһы/ "соловей": хал-в-һ, алтн халвһ, зөөрд халвһн (халвһ) "пустельга степная".

Хаму шовун "скопа", у Рамстедта - "морской орел".

Ханэр - ханзыр "камышевка", иниткин ханэр "камышевка индийская", нэрхн хоңшарта ханэр "камышевка тонкоклювая",

эргн сүүлтэ ханзр "камышевка широкохвостая", улмин хан-
зр "камышевка болотная", хөөндөшң ханзр "камышевка дроз-
довидная", шар хулсна ханзр "камышевка тростниковая".

Ханчилду "аист": хан-чи-л-ду, хэр ханчилду "аист
черный", цаһан ханчилду "аист белый".

Ханчур "камышница": хан-чур.

Харада "ласточка" от слора хар/а/ "черный" плэс айһ.
= да /см. харац/, жиргдг харада "ласточка-щобетунья", те-
мөн харада "стриж", үкр харада "ласточка деревенская"
эргин харада "ласточка береговая".

Харач /хараче/ "касатка" от хар/а/ плэс айһ.-ч. /см.
харац/.

Харада "стриж черный": хар-да.

Харцх /харцыхы/ "ястреб" от хар "черный"+ц+х, нэ
может быть и от хар= "обозревать", түрк. карчыгай, кар-
шыгый, карчагай, картыгай, хартка "ястреб".

Хар турут "старик", букв. "с черным копытом".

Хээрһнэ "крапивник", ср. хээр – "жалить, обжигаться".

Хор "гдухарь"; звукоподражание.

Хорд /хорды/ "баба-птица": хор-д.

Хөөндө "дрозд" от хөөн "овца" плэс-дэ, үүлн хөөндө
"дрозд сизый".

Ху "бородач-ягнятник".

Хулду "лунь": ху-л-ду, улмин хулду "лунь болотная".

Хун "лебедь": һаңһр хун "лебедь-кликун".

Хоңхта алг "крохаль", букв. "с колокольчиком пест-
рый".

Хуру "тетерев": хур-у, хар хуру "тетерев-косач",
цаһан хуру "тетерка белая", шар хуру /см. цаһан хуру/.

Хусур шовун?

Хутн /хутын/ "пеликан": ху-тн, атхр хутн "пеликан
кудрявый", оошг хутн "пеликан розовый".

Хутхур "юрок", ср. глаг. хутх – вертеть.

Цагцаһа "орленок до 6 месяцев": цаг-ца-һа, ср.кирг. чакчыгай "каменка".

Цаһцаха "орел двух лет": цаһ-ца-ха /ср.цагцаһа/.

Цаст /цасты/ "снегирь", от цаст "снег" плюс афф. -т.

Цах /цахы/ "чайка", ср.кирг. цах "птица, курица", мөңги цах "чайка серебристая", ошг цах "чайка розовая", үүлн цах "чайка сизая", хурһи цах "чайка малая", цаһан цах "чайка белая", цаһан дивртэ цах "чайка белокрылая".

Цөклдэ /цөкелдэ/ "тиркушка": цэ-к-л-дэ, ср. цөк "сверкать, излучать", но см. цөкүн.

Цөкүн "чекан", вероятно, заимствованное слово от чекан, хар толһата цөкүн "чекан черноголовый".

Цен "драхма".

Цең "аист", цаһан цең "аист белый".

Цеңһэ "сухонос" /дикий гусь/: цең-һэ.

Цеср /цесер/ "чечет" /самец чечетки/: це-ср.

Цесрэ "чечетка": уулын цесрэ "чечетка горная".

Цоклур "удод" от цок "бить, ударять, стучать", плюс афф. - лур; эргин цоклур "удод набережный".

Цокуг "конец лесной" от цок – "бить, стучать" плюс афф. - уг.

Цөгдэ "бекас": көг-дэ, замбин цөгдэ "бекас азиатский", улман цөгдэ "бекас болотный".

Цууцл /цууцыл/ "вальдшнеп": цуу-цл.

Цаһан күмсгт "белобровник".

Цасч көмрг "пуночка".

Цөкр нүдн "белоглазка".

Чолуңка "каменка" от чолун "камень" плюс афф. -ка; бийч чолуңка "каменка-плясунья".

Чомһа "чомга".

Чоңкуш "зимородок": чоң-куш; цэкр чоңкуш "зимородок голубой".

Чоңун диал. "галка": чоң-н-ун.

Чөөлү "самец тетереватника": чөө-лү.

Чөркү "чирок", ср. в тюркских языках: чурок, чорок-көй, шуркай, серегей, цугерей "чирок".

Чуучл /чуучел/ диал.: "кулик болотный".

Шаазһа "сорока": шаа-зһа. Ср. кирг. сагызкан "сорока"; аффикс - зһа/зһә/ нельзя назвать продуктивным; алг шаазһа "сорока-белобока", көк шаазһа "сорока сизая".

Шагшурһа "зарянка" в основе шаг-, звукоподражание от шаг-шаг гях "издавать много шума", + шурһа /ср. богшурһа/.

Шаңшва /шаңшыва/: шаңц - плюс афф. - ва.

Шаңшм. /шаңшым/ "гусь серый дикий": шаңш - плюс афф. =м.

Шармһа /шарымһа/ "пеночка-весничка": шар-мһа; бөлвөч шармһа "пеночка-трещотка", цэкр шармһа "пеночка светлоголовая", бички шармһа "пеночка-теньковка".

Шарнда /шарында/"авдотка": шар "желтый" плюс - нда.

Шигжә "канарейка", звукоподражание от шиг-шиг "шелкать, шуметь" плюс - жә.

Ширвөч "стриж", ср. ширв = "промелькнуть, слегка задевая что-то"; хад ширвөч "стриж каменный".

Шар шовун "филин", монг. шар шовуу, бур. шара шубуун, букв. "желтая птица".

Шовуха "птичка": шөвү-ха /афф. уменьш/.

Шовшурһа "горихвостка": шов-шү-рһ-а от шов-шү-рһ-а, звукоподр. от шов-шов.

Шонтл /шонтыл/ "дятел": шон-тл: бичкәхн цоохр шонтл "дятел малый пестрый".

Шоңхр /шоңхыр/"кречет, сокол": шоң-хр; шоңхр нунсн "крохаль", црһнн шоңхр "кречет".

Шошнур /шошнур/ "кэзаркэ" то же самое, что хар һадун, звукоподражание шош-шош.

Шурһма /шурһыма/ "варекүшка": шурһ-ма.

Шар элкт "дүбровка", букв. "желтая грудь".

Шовһр алг /нунсн/ "шилохвость".

Эле "коршун" от эл "махать, парить", э - афһ., ср. кирг. ылаачын "сапсан"; хар эле "коршун черный", цоохр эле "коршун пестрый".

Эргин гуг диал. "удод".

Эргин хуцдг диал. /см. эргин гуг/.

Эргин чоңкач диал. /то же, что последние названия/.

Названия птиц, значение которых не найдено: бореш, гичкне, гоге /диал./, сактр, самжа, сарца, сууср, сөөр, тагдру, торһл, тотхлжин, улада, утн, харалжин, харлава, харца, хатун, хуср, хээрце, хәңкилдү, целн, цәнлл, цорва.

I Радлов В.В. Опыт словаря тюрских наречий. т.3, ч.1, с.1039

2 Бияляев Абак. Киргизские народные термины промысловой охоты. Авт. канд. дисс. Брунзе, 1972, с.25.

КАЛМЫЦКИЕ ТОПОНИМЫ В НИЗОВЬЯХ ДОНА

Топонимы Нижнего Дона и материалы донских говоров в плане их этимологии являются ценнейшим историческим материалом, почти не тронутым последователями. В этой статье мы остановимся на малоизвестных данных донских говоров, этнографии и топонимики, связанных с пребыванием калмыков в районе между Старочеркасском и Азовом.

Большая группа топонимов сосредоточена от Новочеркаска на север между р. Большой Несветай на западе и балкой Мокрый Керчик на востоке. В основном это топонимы с формантом -та, этимология которых легко выводится из монгольского языка. Притоки Большой Несветая: Бургуста и Иангута, притоки Грушевки - Атюкта и Аюта, приток Аюты - Будукта, приток Мокрой Кадамовки - балка Сибирта /рядом курган Сибирь/, приток Мокрого Керчика - Джум Сала, между Аютой и Грушевкой - курганы Калмык и Турбута. Современный район г. Новочеркаска - Хотунок - от "хотон".

Западнее этой группы известны названия от этнонима "калмык" - это Калмыцкое /Мешковое/ озеро на левом берегу Дона напротив восточной окраины г. Ростова-на-Дону, Калмыцкая балка - восточный отрог Сухо-Чалтырской балки у западной окраины г. Ростова. Еще одна Калмыцкая балка расположена между Султан Салами и Большекрепинской. В истоке р. Сухой Самбек - хутор Калмыков, в дельте Дона у срика Лагутника - протоки Большая и Малая Калмычка. Замыкает эту цепочку названий на западе два топонима у Таганрога - к югу от Неклиновской - курган Гилюн, южнее Ханженкова - балка Бурханова.

К вышеперечисленным топонимам примыкают названия с неясной этимологией: балки, впадающие в Малый Несветай – Большая и Малая Намжа, группа названий на "сал", которую можно связать с монгольским сал "рукав". Это балка и курган Салантырь у Тузлова, названия поселков Султан Салы, Большие Салы. И названия – Музган /балка, впадающая в Мокрую Кадемовку/, Широкая и Черная Музга /рики в дельте Дона/, которые, возможно, происходят от монгольского музгол – "ледяная река".

Система топонимов севернее Новочеркасска между Большим Несветаем и Мокрым Керчиком зафиксирована как сложившаяся в последней трети прошлого века.¹ Появление этих топонимов связано, на наш взгляд, со следующими событиями. В последней четверти XVII века в связи с междоусобной борьбой тайшей в Калмыцком ханстве начались откочевки отдельных групп калмыков на Дон под защиту казачьих городков. В 1686 году на Дон явилось 200 калмыцких семей, которые были приняты в казачье сословие.² В 1690 г. на Дон бежал тайша Черкес. Ему разрешили кочевать между Доном и Северским Донцом. Но у В.Д.Сухорукова об этом событии мы читаем, что Черкесу позволили кочевать вместе с донскими калмыками близ Черкасска.³ Видимо, под донскими калмыками В.Д.Сухоруков подразумевает пришедшие на Дон 200 калмыцких семей в 1686 г.? Не для нас в данном случае важен тот факт, что какие-то калмыки кочевали в это время под Черкасском. Отметим, что такое совместное поселение казаков и кочевников не единственно. У Черкасска кочевали татары, которые потом оставили одну из станиц Черкасска – Татарскую/.

В 1698 г. на Дон ушли Мункотемир, Бока и "иные тайши". У Черкасска была ставка БААХН ТАЙШИ /1699 г./⁴. Под Черкасском бежит Мункотемир в 1700 г. с Бузулука от войска сыновей Аюки.⁵

Калмыцкие кочевья к северу от Черкаска существовали и в XVIII веке.⁶ На них не повлияла и реформа М.И.Платова 1803 г., ограничившая территорию калмыцких кочевий левобережьем Дона в районе Маныча и Сала. По крайней мере известна гравюра художника В.Тимма "Калмыцкое кочевье" с датой 1849 г., прототипом которой был район севернее тогдашнего Новочеркаска — Хотунок.

Названия, связанные с этнонимом "калмык", — калмыцкие балки и х.Калмыков — являются рефлекторными, отражающими в русской топонимической системе места пребывания калмыков. Причем характерно, что в большинстве своем этноним "калмык" в названиях встречается в пограничной зоне проживания калмыков и других этнических групп /сравни: станция и река Калмык на севере Волгоградской области, г. Калмыково в Западном Казахстане.../.

Но если топонимы Калмыцкая балка и х.Калмыков можно рассматривать как западную границу кочевий калмыков "у Черкаска", то топоним Калмыцкое озеро, возможно, возник вне этой системы.

В 1669 г. к Азову откочевали тайши Дугар и Бока.⁷ У В.Д.Сухорукова находим такой факт, относящийся к концу XVII века: "Но еще более калмыки оказывали дружество к азовцам, к коим беспрерывно пригоняли они на продажу скот свой и взамен того получали от них разные необходимые для себя вещи. Казаки неоднократно приносили жалобу российскому государю на сию дружественную связь их, вредную для них и для пограничных российских провинций, пока наконец, дано было им дозволение нападать и отбивать скот и другие вещи везенные ими на продажу в Азов".⁸

В 1710 г. Аюка послал по просьбе Петра I на Дон 10 тысяч калмыцких воинов с семьями для несения караульной службы по Дону и Азову.⁹

Названия курганов Гилюн и балки Бурханова севернее Таганрога — топонимы, стоящие несколько обособленно от основной массы, и отличаются религиозной окраской. Объяснение названий курганов типа Гилюн или Калмык не обязательно связано с погребениями калмыков в этих курганах, хотя и это можно предполагать. Название балки Бурханова требует дальнейшего выяснения ее этимологии, так как оно может быть связано с русификацией слова "бурхан" в "бурханов", но и может быть обязана своим происхождением от фамилии владельца близлежащего хутора. Это последнее обстоятельство вполне реально, так как большое количество балок получили названия в XIX веке от фамилий хуторских владельцев.

В том случае, если подтвердится "религиозная этимология" этих названий, то возможно, что курган Гилюн и балка Бурханова связаны с местами проведения обрядов, обеспечивающих счастливы́й исход военным действиям. В 1655 г. калмыцкий тайша Дайчин притязал на кочевья по рекам Кальмиус и Молочная.¹⁰ В XVII начале XVIII века калмыки неоднократно участвовали в "поисках" донских казаков против крымцев на Перекопе и азовцев /против азовцев казаки выходили зачастую на кораблях через Миус, так как выходу из дельты Дона препятствовала система укреплений турок./¹¹

Исходя из приведенных выше фактов, мы можем утверждать, что описанная группа топонимов сложилась не ранее конца XVII века и не позднее первой половины XVIII века.

Но калмыки в низовьях Дона оставили не только топонимы, большо́й интерес представляет влияние калмыков на русские донские говоры.

В дельте Дона у населения бытует выражение "закалмычить", "калмычить" — в значении завязать узел. /Фразы — "научи меня калмычить", "закалмычить коня"/. В словаре

русских донских говоров выражение "калмычить" зафиксировано в значении вязать калмыцкий узел, "который не затягивающа, калмыцкий узел плоская, иво проста калмычать рыбалки и он крепкая". Это выражение записано в станице Елизаветской в дельте Дона.¹²

Нами выражение "закалмычить" было записано во время экспедиции в дельте Дона от пастухов колхоза им.Мясникова и рыбаков х.им.Калинина Мясниковского района Ростовской области. Нам были продемонстрированы четыре способа "калмычить". Это кнотовый узел, глухой узел с петлей, узел с затягивающейся петлей, узел с рвзвязывающейся петлей. Все эти узлы надежны и вполне отвечают требованиям скотоводов и рыбаков. Возможно, что и не все эти узлы были заимствованы у калмыков, а просто само выражение "калмычить" было распространено на сложные виды узлов.

"Калмычить" - не единственный пример слов, образованных от этнонима "калмык" в говорах Дона. Так, калмык - порода быков, калмыцкие сережки - название клена татарского или черноклена, калмыцкий котел или чугун - котел с ушками,¹³ калмычина - дым в доме.¹⁴ Очень широко распространено выражение "калмыцкий чай" /калмык-чай у армянского населения Подонья/.

Но в отличие от этих выражений - "калмычить" известно только в дельте Дона. "Словарь русских донских говоров" фиксирует это выражение только в дельте, а "Донской словарь" А.В.Миртова, который мало знаком с дельтой, не фиксирует его. Нам выражение "калмычить" за пределами дельты Дона не известно.

Думается, что выражение "закалмычить" связано с описанной группой топонимов как по времени, так и по источнику происхождения.

-
- I Номикосов С. Статистическое описание области войска Донского. Новочеркасск, 1884, с.86
 - 2 Богачев В.В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1918, с.296
 - 3 Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903 г., издание 2-е, с.336
 - 4 Ташнинов Н.Ш. О донских калмыках. Калмыцкий НИИЯЛИ, Вестник института № 2, часть первая /серия историческая/, с.98
 - 5 Батмаев М.М. Внутренняя обстановка в калмыцком ханстве в конце XVII века. Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста, 1977, с.43
 - 6 Богачев В.В. Указ. соч. с.299
 - 7 Батмаев М.М. Указ. соч. с.36
 - 8 Сухоруков В.Д. Указ. соч. с.336
 - 9 Ташнинов Н.Ш. Указ. соч. с.98
 - 10 Богачев В.В. Указ. соч. с.294
 - 11 Сухоруков В.Д., Указ. соч.
 - 12 Словарь русских донских говоров. Изд-во Ростовского госуниверситета. г.Ростов-на-Дону, 1967 г. т.2, с.47
 - 13 Там же, с.47
 - 14 Миртов А.В. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929 г. с.128

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

Т О П О Н И М И Я

Очир-Гаряев В.Э.	Термины гидрографии и их топонимизация в монгольских языках....	3-34
Борисенко И.В.	Топонимия Ергеней /дореволюционный период/.....	35-51
Щудунова Л.В.	Отражение этнографических особенностей в топонимии Предбайкалья.....	52-56
Корсункиев Ц.К.	Топонимия Яшкульского района....	57-72

А Н Т Р О П О Н И М И Я

Сельвина Р.Л.	Отражение древней числовой символики в калмыцкой антропонимике	73-84
Биткеева Г.С.	Социальные аспекты некоторых имен у калмыков.....	85-95
Борджанова Т.Г.	Антропонимия калмыцких народных сказок.....	96-100
Олядыкова Л.Б.	О славянско-тюркско-монгольских семантических связях /на материале "Слова о полку Игореве"/	101-116
Монраев М.Ц.	Динамика личных имен г.Элисты..	117-122

М А Т Е Р И А Л Ы

Бардаев Э.Ч.	Названия птиц в калмыцком языке.....	123-141
Беспалый Е.И., Ларенко П.А.	Калмыцкие топонимы в низовьях Дона.....	142-147

Калмыцкий научно-исследовательский институт
истории, филологии и экономики при Совете
Министров Калмыцкой АССР

г.Элиста, ул.Революционная, 8

ОНОМАСТИКА КАЛМЫКИИ

Редколлегия: Э.Ч.Бардаев /ответ.редактор/,
М.У.Монраев, В.Э.Очир-Гаряев.

Подписано к печати 30/УШ-1983 г.

К - 01270

Формат 60x84 1/16

Бумага типографская №2

Печать офсетная

Усл. печ.л. - 9

Уч.-изд. л.-7

Тираж - 500

Заказ 2842

Цена - 84 коп.

Республиканская типография Государственного комитета Калмыцкой АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли

г.Элиста, ул.Ленина, 245.

Цена 84 коп.